

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как напоминание о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

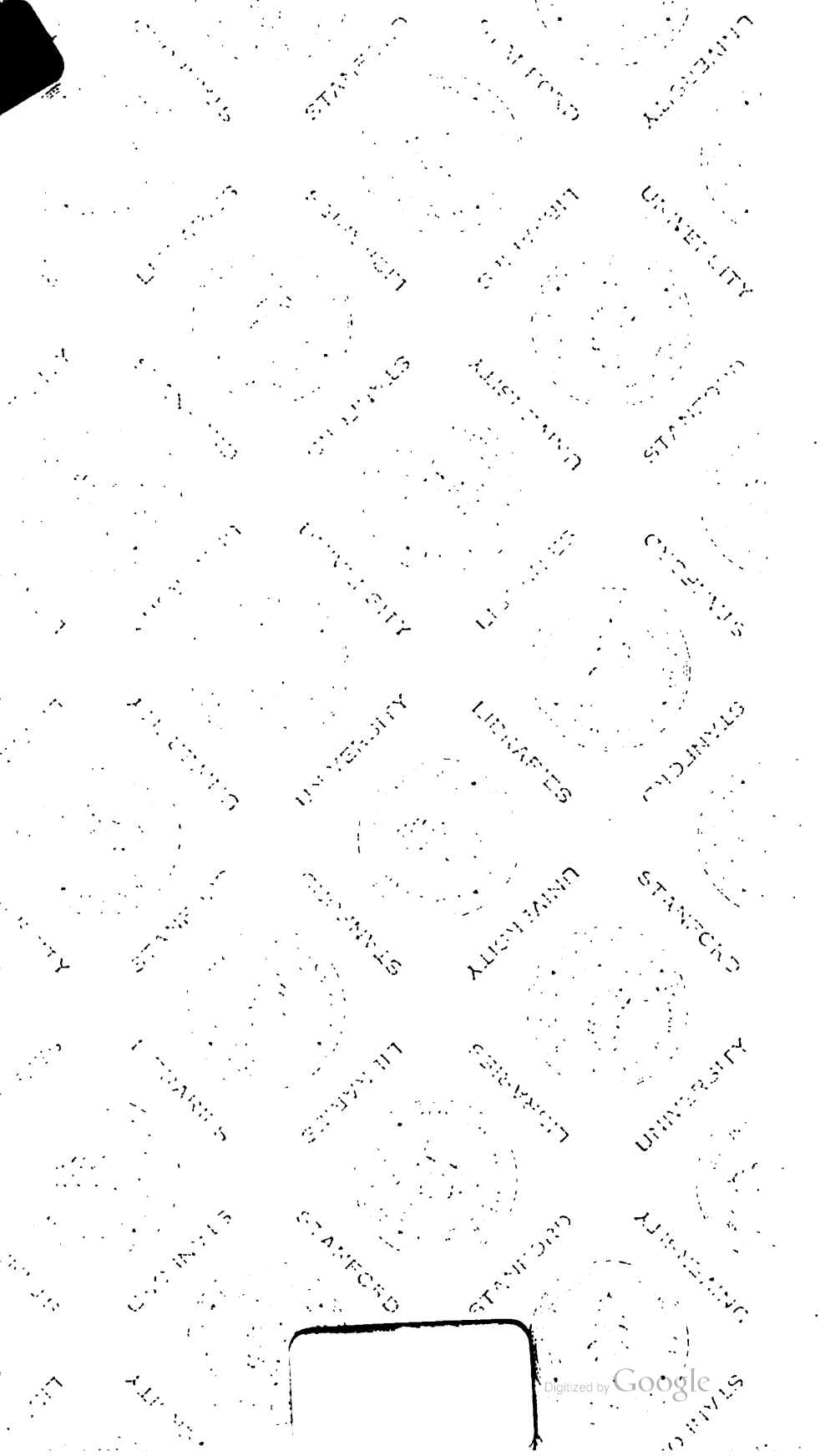
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Сказанія

СКАЗАНИЯ

СОВРЕМЕННОКОВЪ

О

ДИМИТРИИ САМОЗВАНЦЪ.

Издание второе.

Часть I.

БЕРОВА ЛАТОПИСЬ МОСКОВСКАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ИМПЕРАТОРСКОЙ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ.

1 8 3 7.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

**съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный
Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.**

Санктпетербургъ, 9 Іюля, 1857 года.

Ценсоръ *П. Корсаковъ.*

DK III

S5

v.1

Три первыя части Сказаній современниковъ о Димитріи Самозванцѣ, выпедшія въ свѣтъ одна за другою въ началѣ 1832 года, приняты были публикою съ такимъ лестнымъ участіемъ, что къ концу того же года оказалась необходимость втораго изданія. Это обстоятельство побудило меня, при отпечатаніи въ 1834 году четвертой и пятой части, заготовить заблаговременно потребное количество экземпляровъ той и другой для втораго изданія первыхъ трехъ частей. Вотъ причина, почему въ издаваемыхъ нынѣ пяти томахъ Сказаній современниковъ о Димитріи Самозванцѣ, на первыхъ трехъ означенъ 1837 годъ, а на послѣднихъ двухъ 1834.

Н. У.

17 Ноября
1837.

Никогда Отечество наше, до восшествія на престолъ знаменитаго поколѣнія Романовыхъ, не было такъ сильно и счастливо, какъ въ первые годы царствованія Бориса Годунова: рукою опытною, искусною онъ правилъ кормиломъ Государства, устраняя отъ него бѣдствія, указывая народу новые источники благоденствія, помышляя о наукахъ, о смягченіи нравовъ, объ Европейской образованности. Народъ любилъ его какъ отца, ибо зналъ, что Борисъ готовъ былъ пожертвовать для счастья подданныхъ послѣднею рубахою; тронъ его казался непоколебимымъ; съ почтеніемъ и страхомъ смотрѣли на оный сосѣды; въ юномъ сынѣ Борисовомъ Россія видѣла залогъ будущаго благоденствія, а въ дочери его, въ прелестной Ксеніи, опору своего могущества. и все это рушилось, и все это исчезло, какъ мѣгга! Сила Годунова онѣмѣла предъ тѣнію

отрока, 12 лѣтъ лежавшаго въ могилѣ; тронъ его палъ, родъ его погибъ; бродяга лѣнился на Русскомъ престолѣ; но правилъ умно, дѣйствовалъ смѣло, хотѣлъ быть выше Королей и Цесаря, готовилъ важный переворотъ — и упоенный счастіемъ, слетѣлъ съ высоты величія скорѣе, чѣмъ достигъ до нея. Тутъ настало время неустройствъ безпримѣрныхъ; имя Дмитрія, какъ волшебный гласъ, какъ приговоръ Судьбы, взволновало наше Отечество, разорвало всѣ узы, ниспровергло всѣ законы, привело въ Россію, къ самой Москвѣ, Поляковъ, Литовцевъ, Шведовъ, Крымцевъ, Донцовъ, Запорожцевъ, Черемисъ, Чувашей, Казанцевъ Предки наши въ непонятномъ ослѣпленіи стремились съ хлѣбомъ-солью на встрѣчу каждому, кто только хотѣлъ назваться Дмитріемъ, и — повѣрить ли потомство? — нѣсколько сотъ тысячъ Россіянъ съ Боярами, съ Князьями, предались Жиду — Вору Тушинскому! До сихъ поръ видны слѣды лагера, гдѣ онъ болѣе двухъ лѣтъ стоялъ подъ Москвою. Судьба нашего Отечества зависѣла отъ одного слова Сигизмунда, и если бы не твердость Ермогена, не великодушіе Минина, не мужество Пожарскаго — прощай

III

Россія—и на вѣки. Къ счастью заблужденіе исчезло; предки наши образумились, стали дружно, твердо за Вѣру, за Отечество; явили доблести героевъ, и подъ ѣвию Михаила вздохнули наконецъ свободно, какъ цвѣцы послѣ страшной бури.

Если Исторія, изображая судьбу Царствъ и Народовъ, должна вселять въ насъ покорность Провидѣнію, уваженіе къ Святѣмъ и Законамъ, любовь къ Истинѣ, Красотѣ, Добродѣтели, и если уроки ея тѣмъ сильнѣе, краснорѣчивѣе, чѣмъ разительнѣе примѣры, ею приводимые: то едва ли найдемъ въ Лѣтописяхъ Человѣчества эпоху столь достопамятную, какую представляетъ наша Исторія въ началѣ XVII вѣка; по крайней мѣрѣ для насъ, Россіянъ; знать время Самозванцевъ должно быть поучительнѣе и занимательнѣе чтенія Исторіи многихъ народовъ иноплемennныхъ. Самые легкіе, даже неправильные очерки добродѣтелей и злодѣйствъ, ознаменовавшихъ сіе время, вѣтзываются глубоко въ нашей памяти и остаются въ душѣ впечатлѣнія неизгладимыя... Ермогенъ, Мининъ, Пожарскій! кто безъ трепета сердечнаго произноситъ священныя имена

ваши, хотя мы знаемъ о васъ только по темному преданію, хотя до сихъ поръ, въ сумракъ времени, вы стоите какъ величественныя тѣни, безъ жизни, безъ выраженія! Памятники дѣлъ вашихъ—сказанія современниковъ, ваши собственные—истлѣваютъ въ Архивахъ.....

Въ эпоху Самозванцевъ болѣе, нежели когда либо раскрылся характеръ народный: тутъ явился въ полномъ блескѣ Россіянинъ—непоколебимый въ Вѣрѣ, въ Законѣ праотцевъ, непоколебимый въ преданности Царю и Престолу, но врагъ всего не Русскаго, ужасный на войнѣ, въ пылу страстей, добрый и привѣтливый въ спокойной хижинѣ. И нынѣ Русскій народъ не измѣнилъ, по крайней мѣрѣ въ главныхъ чертахъ, сему характеру: его одушевляетъ та же преданность къ Вѣрѣ, къ Престолу, къ обычаямъ предковъ, которая спасла Россію отъ ига иноземцевъ, отъ власти Сигизмунда, та же ненависть ко всему не родному, которая въ началѣ XVII вѣка однихъ ознаменовала подвигами доблести, другихъ довела до слѣпаго заблужденія, до мрачныхъ злодѣйствъ. Въ Исторіи Самозванцевъ вы узнаете народъ со всѣми его добродѣтелями и недостатками.

Кромѣ пользы, кромѣ спасительныхъ уроковъ, сіе достопамятное время даетъ обильную пищу воображенію: тамъ найдетъ Поэтъ или Художникъ картины очаровательныя; тамъ увидитъ онъ и героевъ необыкновенныхъ и злодѣевъ невѣроятныхъ, тѣмъ не менѣе истинныхъ, каждаго съ выразительною фizioгномією. Пусть наши юные Пѣвцы, наши Романисты познакомятся съ Борисомъ Годуновымъ, съ Димитріемъ Самозванцемъ, съ Мариною, съ Воромъ Тушинскомъ, а болѣе всего, пусть узнаютъ Ермотена, Ляпунова, Минина, Пожарскаго, даже враговъ нашихъ, Гетмана Жолкѣвскаго, Налета Лисовскаго, Пана Струся, Делагарди: пусть обрисуютъ ихъ дѣла и характеры кистию вѣрною, красками живыми, не измѣняя духу времени въ малѣйшихъ подробностяхъ—и мы перестанемъ исключительно читать Вальтеръ-Скотта,—по крайней мѣрѣ, не промѣняемъ своего на чужое.

Но никто, можетъ быть, не обрѣтетъ въ нашей Исторіи перваго десятилѣтія XVII вѣка, столь неизчерпаемаго источника наслажденій, какъ любитель Бытописанія, который углубляется въ минувшіе вѣки съ благороднымъ же-

ланиемъ открыть истину, разгадать характеръ людей, духъ времени, тайныя пружины событий, однимъ словомъ, хочетъ видѣть и узнать человека. Для такого ума испытательнаго одинъ Борисъ Годуновъ доставитъ обильную пищу къ размышленію. Потомство обвиняетъ его въ злодѣйствѣ, едва не погубившемъ Россію: если онъ дѣйствительно обарилъ руки свои кровію Св. Отрока, мы забудемъ все хорошее, что ни сдѣлалъ Годуновъ для Отечества; но если онъ правъ, если его обвиняютъ по одному подозрѣнію, по стеченію обстоятельствъ, какими взорами станемъ смотрѣть и на Бориса, и на сына его, и на злополучную Ксенію? Такой предметъ стоитъ изслѣдованія. Дмитрій Самозванецъ представляетъ загадку не менѣе любопытную: нѣтъ сомнѣнія, что онъ былъ обманщикъ—но кто же именно? Отрепьевъ ли, сынъ ли Баторіевъ, орудіе ли Іезуитовъ? Давѣ, въ поступкахъ Шуйскаго, Ляпунова, въ избраніи на престолъ Михаила Ѳеодоровича, мы видимъ явленія непостижимыя.

И на всѣ сии предметы мы смотримъ съ какимъ-то безпримѣрнымъ равнодушіемъ! Вотъ почему вся наша Исторія представляется, по

большой части, одна загадка: не говоря о временах древнѣйшихъ, мы не знаемъ еще ни Царя Іоанна, ни Алексѣя, ни Софїи, не знаемъ, къ стыду нашему, и Петра Великаго. А богѣ всего блуждаемъ въ смутномъ времени Самозванцевъ: Карамзинъ начерталъ картину плѣнительную; но многое въ сей картинѣ темно, не полно, не твердо. На чемъ основанъ его строгій приговоръ о Годуновѣ? Разгадалъ ли онъ Дмитрія Самозванца, Шуйскаго, Басманова? Почему онъ вѣритъ одному свидѣтелю и отвергаетъ другаго, даже ссылаясь на одного и того же автора, почему онъ говоритъ, что это сказаніе справедливо, а то ложно? Однимъ словомъ читатель размышляющій находитъ и въ его прелестномъ твореніи много, много случаевъ сомнительныхъ; ихъ разрѣшить не лѣзя, если не будемъ знакомы съ современниками: когда сами выслушаемъ свидѣтелей, дадимъ очную имъ ставку, увидимъ, какія страсти ими руководствовали, сличимъ ихъ показанія; тогда многія загадки исчезнутъ сами собою; духъ времени, характеръ народа, дѣйствія, нравы, обычаи, все будетъ живо, ясно. Одинъ Беръ откроетъ многія истины; а онъ-го менѣе всѣхъ извѣстенъ.

VIII

Вотъ мысль, побудившая меня собрать сказанія Современниковъ иноземцевъ о Димитріи Самозванцѣ, и издать ихъ въ Русскомъ переводѣ. Я употребилъ всѣ свои силы, чтобы принести удовольствіе и пользу любителямъ Русской Исторіи. Впрочемъ сколь ни лестно для меня благосклонное вниманіе Публики; но если трудъ мой, по своимъ недостаткамъ, не заслужитъ ея одобренія, я буду утѣшать себя воспоминаніемъ тѣхъ счастливыхъ минутъ, которыя провелъ я въ бесѣдѣ съ свидѣтелями судьбы нашего Отечества.

Николай Устряловъ.

14 Июля,
1831.

Мартинъ Беръ, *Martinus Bäer*, родомъ изъ Нейштата, жилъ въ Россіи болѣе 12 лѣтъ, при Борисѣ Годуновѣ, Димитріи Самозванцѣ, Василіи Шуйскомѣ и во все время Междуцарствія. Неизвѣстно, кто вызвалъ его изъ Германіи— Борисъ ли Годуновъ, усердно искавшій образованныхъ иностранцевъ, или Нѣмцы, жившіе въ Москвѣ, пригласили его отъ себя, какъ искуснаго Проповѣдника? Достоверно только то, что онъ пріѣхалъ въ Россію въ 1600 году, съ званіемъ Студента, и тогда же былъ избранъ въ Пасторы Московскими Лютеранами, коимъ Царь Борисъ дозволилъ выстроить божницу за рѣкою Яузою. При семъ Государѣ, Беръ спокойно отправлялъ свои обязанности и заслужилъ всеобщее уваженіе; по смерти же его, пріобрѣлъ дружбу и довѣренность славнаго Баѣманова, который не рѣдко съ нимъ бесѣдовалъ, повѣрялъ ему самыя тайныя мысли свои и не скрывалъ самозванства мнимаго Димитрія. Беръ, сколько можно догадываться, былъ въ чести и у легкомысленнаго Отрепьева, такъ

что съ его дозволенія заговорилъ Лютеранскіи проповѣди во дворецъ Кремлевскомъ! По восшествіи Шуйскаго на престолъ, онъ убрался изъ Москвы, гдѣ злоба народная преслѣдовала всѣхъ вообще иноземцевъ, и съ семействомъ своимъ удалился въ городъ Козельскъ; тамъ онъ мирно жилъ среди своей паствы, но недолго: по навѣтамъ злыхъ людей, Тушинскій Воръ приказалъ привести его въ Калугу и со многими Нѣмцами утопить въ Окѣ. Къ счастью бѣдныхъ Нѣмцевъ, вступилась за нихъ Марина; убѣжденная слезами своихъ *Фрейлинъ*, Нѣмокъ, духовныхъ дочерей оклеветаннаго Пастора, она съ опасностію собственной жизни, смягчила кровожаднаго Самозванца. Въ надеждѣ на покровительство Марины, Беръ переселился изъ Козельска въ Калугу. Когда же Воръ Тушинскій кончилъ бѣдственную для Россіи жизнь отъ руки Татарина Уруса и на Русскій престолъ избранъ былъ Владиславъ, онъ снова пришелъ въ Москву къ друзьямъ своимъ Полякамъ, и тамъ видѣлъ страшное кровопролитіе, вызвавшее Минина и Пожарскаго къ мести, къ спасенію Отечества. Почему и когда удалился Беръ изъ Россіи, неизвѣстно; знаемъ только, что

знаменитый Олеарій, уже въ царствованіе Михаила Феодоровича, бесѣдовалъ съ нимъ въ Нарвѣ и слушалъ его сказанія о Москвитинѣ.

Внимательный свидѣтель любопытнѣйшей эпохи нашего Отечества, очевидецъ происшествій, почти невѣроятныхъ, Беръ рѣшился предать воспоминаніе объ оныхъ потомству, и въ 1612 году написалъ Лѣтопись Московскую *). Она заключаетъ въ себѣ извѣстія о важнѣйшихъ событіяхъ нашей Исторіи съ 1584 года по 1612, т. е. со времени восшествія на престолъ Феодора Иоанновича до разоренія Москвы Поляками. Большую часть происшествій сего времени Беръ видѣлъ собственными глазами, или свѣдалъ отъ лицъ достовѣрныхъ: довольно припомнить, что онъ бесѣдовалъ съ Басмано-

*) *Chronicon Muscoviticum*, continens res a morte Joannis Basilidis Tyranni, omnium, quos sol post natos homines vidit, immanissimi et truculentissimi, an. Christi 1584—1612. Подлинникъ писанъ стариннымъ языкомъ Намецкимъ съ примесью Латинскихъ изреченій и пословицъ; онъ еще не изданъ, и хранился въ рукописи у немногихъ любителей Исторіи. Кельхъ и Трейеръ, имѣвшіе Борову Лѣтопись, несправедливо называли сочинителя оной Копрадомъ Буссау или Буссо: кроме современнаго свидѣтельства Петреву, мы находимъ въ самой Лѣтописи ясные признаки, что авторомъ ея былъ Мартинъ Беръ. См. Петреву *Muszkow. Chron.* стр. 39; и Борову *Лѣтоп. Москвит.* стр. 77. 172—181.

вымъ, съ Маржеретомъ, зналъ лично обоихъ Лжедмитріевъ, Марину, Пана Сапѣгу, однимъ словомъ зналъ всѣхъ людей, исключая развѣ Сигизмунда, которые играли столь важную роль въ нашемъ Отечествѣ въ началѣ XVII вѣка. Отъ сего, рѣдкое извѣстіе Бера не лѣзя подтвердитъ свидѣтельствами несомнѣнными, на примѣръ Государственными актами; рѣдкое событіе угадано отъ его любопытнаго и проницательнаго взора; онъ разгадалъ характеръ Бориса Годунова, Дмитрія Самозванца, Василя Шуйскаго; каждое лице, имъ упоминаемое даже мимоходомъ, имѣетъ свою отличительную фязіогномію, а главные герои исполнены жизни и души. Все сочиненіе его есть вѣрная картина бѣдствій Россіи, терзаемой Самозванцами, Нѣмцами, Поляками, Татарами: краски и черты ея выразительны, ибо Историкъ описывалъ все, что онъ видѣлъ и зналъ, перомъ наблюдателя умнаго, опытнаго и нерѣдко безпристрастнаго. Сверхъ того, Беръ объясняетъ многіе случаи своего времени, бывшіе загадкою для потомства: такъ, отъ него узнаемъ навѣрное, что мнимый Дмитрій былъ Самозванецъ.

Однимъ словомъ, твореніе Бера есть сокро-

вище неоцѣненное для Русской Исторіи; одного только не достаетъ къ полному совершенству его: авторъ слишкомъ строго смотрѣлъ на слабости нашихъ предковъ и не умѣлъ цѣнить ихъ добродѣтелей, потому ли, что тайная злоба руководила перомъ его, или онъ не постигъ духа времени; по крайней мѣрѣ, часто судилъ о Россіянахъ весьма несправедливо: тамъ, гдѣ они отъ Историка безпристрастнаго заслужили бы легкія укоризны, даже похвалу, Беръ клянетъ ихъ безъ пощады, не различая ни времени, ни обстоятельствъ. Именуя Россіянъ, непоколебимыхъ въ Вѣрѣ, въ благочестіи, въ законѣ праотцевъ, въ безпредѣльной преданности Государю, варварами, идолопоклонниками, не находя въ нихъ ни одной добродѣтели, онъ въ то же время говоритъ съ какимъ то сердечнымъ умиле-ніемъ о Нѣмцахъ и Полякахъ, превозноситъ ихъ до небесъ за малѣйшее доброе дѣло и слегка укоряетъ за мрачныя преступленія; пристрастіе къ Нѣмцамъ отчасти извинительно; но выхваляя Поляковъ и безъ пощады порицая Россіянъ, авторъ обнаруживаетъ явную несправедливость: ему не льзя было не знать, что истинными виновниками всѣхъ неустройствъ

и злополучіа Россіи были Поляки: ибо самъ же описываетъ мрачными красками ихъ злодѣйства; при всемъ томъ говоритъ о нихъ несравненно снисходительнѣе, нежели о Россіянахъ, такъ, что по его словамъ не Поляки, а мы были во всемъ виновны. Впрочемъ эта явная несправедливость не уменьшаетъ достоинства Берова сочиненія: потомство судить по фактамъ и не вѣрять укоризнамъ, не подкрѣпленнымъ доказательствами, факты же описаны Беромъ такъ вѣрно и точно, что мы не будемъ затрудняться въ сужденіи, кто былъ правъ, кто виноватъ.

Съ сей же точки должно смотрѣть на упреки, коими Авторъ осыпаетъ нашихъ праотцевъ въ дѣлахъ Вѣры: не забудемъ, что онъ былъ Лютеранинъ XVII вѣка, когда невѣроятный фанатизмъ ослѣплялъ всѣ умы и готовилъ для Европы войну тридцатилѣтнюю: если самые Католики въ глазахъ Лютеранъ казались хуже язычниковъ; могли ли ожидать пощады мы, Русскіе, уже нѣсколько вѣковъ отдѣлившіеся отъ Западной церкви? И потому пусть злой Пасторъ считаетъ насъ идолопоклонниками, пусть отвергаетъ нашу святыню, и рассказываетъ негѣ-

ную басню о Св. Димитріи—мы смѣемъ его сказкамъ, и въ самыхъ укоризнахъ находимъ доказательства истиннаго благочестія, которое всегда одушевляло нашихъ предковъ.

Руководствуясь сею мыслию, я смѣло передавалъ всѣ сужденія автора, даже самыя нелѣпыя; на нѣкоторыя изъ нихъ указалъ въ примѣчаніяхъ, другія же оставилъ безъ всякаго поясненія, бывъ увѣренъ, что въ такомъ случаѣ никто изъ насъ не приметъ словъ его за чистую монету.

Читатель найдетъ въ числѣ примѣчаній нѣсколько выписокъ изъ Московской хроники Петрея и вѣроятно спроситъ, для чего многія изъ нихъ приложены? На сіе считаю долгомъ сказать: Шведскій Посланникъ Петрей, *Petrus Petreius de Erlesunda*, жившій въ Москвѣ 4 года, въ царствованіе Годунова, Лжедимитрія и Шуйскаго, издалъ въ 1620 году хронику Московскую *), гдѣ рассказываетъ Исторію Россіи отъ основанія Государства до мира Столбовскаго и описываетъ гражданское состояніе

*) Historien und Bericht von dem Groszfürstenthum Muschkow, mit dero schönen fruchtbaren Provinzien et caet. Lipsiae, 1620 in 4°. На Шведскомъ издана 1619.

XVIII

нашего Отечества въ началѣ XVII вѣка: свѣдѣнія о Русской Исторіи до смерти Іоанна IV, Петрей выбиралъ изъ Герберштейна, Гваньини, Одербона, а самыя любопытныя извѣстія о Борисѣ Годуновѣ и Самозванцахъ заимствовалъ изъ Мартина Бера, т. е. переписалъ его Лѣтопись почти цѣликомъ, съ немногими выпусками и дополненіями, въ коихъ отчасти поясняетъ Бера, отчасти рассказываетъ нѣкоторые случаи совсѣмъ иначе; сверхъ того вездѣ поправляетъ слогъ оригинала, и всегда почти неудачно, растягивая оный излишнимъ многословіемъ. Переводить Петреевы сказанія о Самозванцахъ вполнѣ, значило бы повторять Бера; посему я рѣшился выпищать изъ Московской хроники все, чего не говоритъ Беръ, и сіи выписки присоединить къ сочиненію сего послѣдняго въ примѣчаніяхъ, въ надеждѣ оказать читателю двойную услугу.

Приложенный къ сей части портретъ Самозванца, извѣстнаго подъ именемъ Отрепьева, съ снимкомъ его подписи, гравированъ съ современной медали: потомству любопытно будетъ взглянуть на черты злодѣя, ознаменованнаго необыкновенною силою души.

ЛѢТОПИСЬ
МОСКОВСКАЯ,

съ 1584 года по 1612.

Переводъ съ Нѣмецкаго.

ЛѢТОПИСЬ

МОСКОВСКАЯ.

ГЛАВА I.

Царствованіе Θεодора Іоанновича.

1584—1598.

Смерть Іоанна IV. Характеръ Θεодора. Годуновъ Правитель. Свойства его. Младшество Димитрія. Убіеніе Царевича. Пожаръ Московскій. Кончина Θεодора. Романовы отвергають скипетръ.

Въ пятое воскресенье великаго поста 1584 года, умеръ Государь Московскій Іоаннъ Васильевичъ Мучитель ¹⁾; послѣ него остались два сына, Θεодоръ и Димитрій. Старшій сынъ, Θεодоръ Іоанновичъ, вступилъ на престолъ; а младшій удалился вмѣстѣ съ матерью своею, вдовою покойнаго Государя, Маріею Θεодоровною, изъ рода Нагихъ, въ назначенное ему Княжество Углицкое, лежащее отъ Москвы въ 90 верстахъ, или 18 миляхъ ²⁾.

1584-1598. Царь Θεодоръ Іоанновичъ, Государь набож-
 ный,—какъ и всѣ Москвитяне,—заботился болѣе
 о своихъ иконахъ, нежели о правленіи, и охот-
 нѣе посѣщалъ церкви Св. Николая и Пречистой
 Дѣвы Маріи, чѣмъ Совѣтъ Государственный. Со-
 бравъ Князей и Бояръ своихъ, онъ объявилъ
 имъ, что правленіе столь обширною Державою
 для него слишкомъ обременительно и что онъ
 желаетъ единственно служить своему Господу въ
 тишинѣ безмятежной; почему и велѣлъ вель-
 можамъ избрать мужа благоразумнаго, на кото-
 раго могъ бы возложить всю тяжесть заботъ
 Государственныхъ. Въ слѣдствіе сего, Правите-
 лемъ Царства быдъ избранъ Дворянинъ Борисъ
 Θεодоровичъ Годуновъ, человекъ рода не знат-
 наго, но проницательный и умный. По совер-
 шеніи приличныхъ обрядовъ, Θεодоръ всталъ
 съ своего мѣста и, снявъ съ себя золотую цѣпь,
 украсилъ ею Правителя, сказавъ ему: «вмѣстѣ
 съ сею цѣпью снимаю я, Царь и Самодержецъ
 всей Руси, бремя съ моей выи и возлагаю
 оно на тебя, Борисъ Θεодоровичъ! Рыпай въ
 моемъ Государствѣ всѣ дѣла, кромѣ важнѣй-
 шихъ, которыя докладывай мнѣ, не приводя
 ихъ въ исполненіе безъ моей Царской воли:
 я буду по прежнему Царемъ-Государемъ 3).»

Возведенный въ достоинство Правителя,
 Борисъ Годуновъ исполнялъ свою обязанность

весьма усердно и благоразумно; привелъ въ по-1584-1598. рядокъ запущенныя дѣла, пресѣкъ многія злоупотребленія, оградилъ права вдовъ и сиротъ. Изумленные дѣятельностію его, Москвитяне говорили, что во всей Россіи нѣтъ равнаго ему умомъ и что если, по кончинѣ Царя, умретъ и Димитрій безъ наслѣдника; то въ цѣломъ Государствѣ не лѣзя найти человека способнѣе Бориса къ правленію 4). Узнавъ о сей молвѣ чрезъ своихъ шпионовъ, Годуновъ задумалъ хитрыми и незамѣтными средствами овладѣть со временемъ престоломъ; для сего онъ принялъ столь искусныя мѣры, что набожный и слабоумный Царь не имѣлъ отъ супруги своей, Ирины Θεодоровны, сестры Борисовой, ни одного наслѣдника 5).

Въ то же время Годуновъ приказалъ наблюдать внимательно за всѣми словами и забавами юнаго Димитрія; вскорѣ замѣтили въ семъ Царевичѣ отцовское жестокосердіе: однажды онъ велѣлъ своимъ товарищамъ, молодымъ Дворянамъ, сдѣлать изъ снѣгу нѣсколько изображений, назвалъ ихъ именами извѣстныхъ Бояръ, поставилъ рядомъ и началъ рубить: одному отсѣкъ голову, другому отбилъ руку, ногу, инаго прокололъ насквозь, приговаривая: «это такой-то Бояринъ, такой-то Князь: такъ имъ будетъ въ мое царствованіе 6).»

★

1584-1598. Многие бояре, сими уstraшенныe, видѣли въ Димитріи подобіе Іоанна Васильевича и всема желали, чтобы сынъ скорѣе отправился за отцемъ своимъ въ могилу; а болѣе всѣхъ желалъ этого Годуновъ, коего фигуру Царевичъ поставилъ выше прочихъ и отсѣкъ ей голову. *Видна птица по полету*—думалъ Годуновъ, и рѣшился, подобно Ироду, предупредить опасность: подкупленные имъ нѣсколько челоуѣкъ зарѣзали Царевича, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ обыкновенно игривалъ, и тѣмъ проложили Борису путь къ престолу; но сами получили худую награду: Годуновъ, опасаясь, чтобы злодѣйство его не обнаружилось, приказалъ ихъ умертвить на обратномъ пути въ Москву. Царь же Ѳеодоръ Іоанновичъ, не умѣя открыть истиннаго виновника, велѣлъ казнить многихъ изъ дворцовыхъ стражей и прислужниковъ юнаго Димитрія; нѣкимъ отрубили голову, другихъ побросали въ воду, или предали пыткамъ, такъ что сіи невинные люди лишились жизни или здоровья ⁷⁾. Между тѣмъ Годуновъ чрезъ своихъ клевретовъ поджегъ Москву во многихъ мѣстахъ и обратилъ въ пепелъ нѣсколько тысячъ домовъ по обѣимъ сторонамъ Неглинной, въ томъ предположеніи, что одна скорбь прогонитъ другую и что каждый будетъ заботиться болѣе о собственномъ несчастіи, нежели о смерти юнаго Димитрія ⁸⁾. Такъ сей Царевичъ простился съ

міромъ въ самомъ нѣжномъ возрастѣ, на 10 году. 1584-1598.
Его похоронили въ Угличѣ.

Въ 1597 году смиренный Ѳеодоръ занемогъ тяжелою болѣзнію, отъ которой онъ умеръ на другой день послѣ Богоявленія Господня 9). Когда сей Государь лежалъ на смертномъ одрѣ, Бояре приступили къ нему съ вопросомъ: «если Богу будетъ угодно отозвать тебя, Государь! отъ сей жизни, кому царствовать въ Россіи, оставляемой безъ законнаго преемника?» Царица Ирина, сестра Правителя, убѣждала супруга вручить скипетръ ея брату, давно уже и счастливо правившему Государствомъ. Но умирающій Царь предложилъ оный старшему изъ Никитичей, Ѳеодору, имѣвшему на престолъ ближайшее право; Ѳеодоръ Никитичъ отказался отъ Царскаго скипетра и уступалъ его брату своему Александру; Александръ предлагалъ сію честь другому брату, Ивану; Иванъ третьему брату, Михаилу, а Михаилъ какому-то знатному Князю, такъ, что никто не бралъ скипетра, хотя каждому хотѣлось взять оный, какъ послѣ увидимъ. Умирающій Царь долго передавалъ свой жезлъ изъ рукъ въ руки, лишившись наконецъ терпѣнія и сказалъ: *возьми же его кто хочетъ; я не въ силахъ больше держать!* Тутъ, сквозь толпу важныхъ особъ, заставлявшихъ такъ долго упраснивать себя, протянулъ руку Борисъ и схватилъ скипетръ 10). Царь, между тѣмъ, скон-

1598. чался; на другой день, по Русскому обычаю, его похоронили въ церкви, гдѣ погребаются Государи. Онъ царствовалъ 12 лѣтъ.

Г Л А В А II.

Царствование Бориса Θεодоровича Годунова.

1598—1604.

Дѣятельность Правителя и сестры его. Избраніе Годунова Царемъ. Посолъ Хава Крымскаго. Коронованіе Бориса. Попеченіе его о Государствѣ. Намѣреніе просвѣтити Россію. Благосклонность къ иностранцамъ. Густавъ, Герцогъ Шведскій. Врачи иностранцы. Союзъ съ Римскимъ Императоромъ Посолъ Турецкаго Султана. Сношеніе съ разными Государями. Іоаннъ, Герцогъ Датскій, женихъ Ксеніи. Чеснъ Ливонскимъ выходцамъ. Посольство опѣ Ганзы. Спросеніе городовъ. Замысль Богдана Бѣльскаго. Романовы.

По смерти Θεодора Іоанновича, первостепенные вельможи начали жалѣть о своей оплошности, и досадуя на проворнаго Бориса, говорили, что сей человекъ, низкій родомъ, не достоинъ сидѣть на престолѣ. Но все это не помогло: Правитель былъ коронованъ на зло Русскимъ пузанамъ. При семъ случаѣ онъ и сестра его, Ирина, вдова умершаго Государя, поступили весьма хитро: Царица, призвавъ къ себѣ тайно многихъ сотниковъ и пятидесятниковъ,

склонила ихъ деньгами и лестными обѣщаніями 1598. къ убѣжденію воинновъ и гражданъ не избирать на Царство, если потребуется ихъ голосъ, никого, кромѣ Бориса, говоря, что онъ непрерывно заботился о благѣ подданныхъ, правилъ Государствомъ лучше всѣхъ прежнихъ Царей, и что онъ наградитъ щедро своихъ доброжелателей. Правитель и самъ нашелъ многихъ приверженцевъ, при содѣйствіи монаховъ, разосланныхъ изъ всѣхъ монастырей въ разные города, при помощи вдовъ и сиротъ, благодарныхъ ему за рѣшеніе своихъ продолжительныхъ тяжбъ, и при усердіи Боярь, которыхъ онъ снабжалъ деньгами, обѣщая наградить и болѣе, если изберутъ его Государемъ. Этой цѣли онъ скоро достигъ.

Въ продолженіе траура, Годуновъ пересталъ заниматься дѣлами: вездѣ открылись безпорядки; не было суда, ни расправы; все пошло къ верху дномъ. Посему, какъ скоро миновалъ шестинедѣльный (по Русскому обычаю) трауръ, находившіеся въ Москвѣ Государственные чины спѣшили избрать Царя изъ Князей и Боярь. Среди нихъ чиновъ явился Борисъ съ жезломъ и скипетромъ, сложилъ званіе Правителя, изливъ радость объ освобожденіи себя отъ тяжкаго бремени, отъ заботъ непрестанныхъ, и, казалось, весьма равнодушно смотрѣлъ на корону. Первостепенные вельможи не могли надѣ-

1598. вѣтъся такому хладнокровію, не зналъ, что таялось въ его душѣ. Онъ вышелъ изъ собранія.

Князья, между тѣмъ, другъ за другомъ подаютъ голоса: одинъ предлагаетъ того Царемъ, другой другаго; а какъ дошла очередь до Бояръ, выступилъ изъ нихъ впередъ какой-то старецъ, понимавшій видно, съ *которой стороны дуетъ вѣтеръ*, и отъ имени Боярскаго сословія сказалъ: «Высокоименные Князья! Дѣло сіе касается не одного званія, но каждаго Россіянина; что опредѣлять всѣ чины Государственныя, не будетъ и намъ, Боярамъ, противно.» Тогда всѣ чины собрались вмѣстѣ и большинствомъ голосовъ опредѣлили: «хотя много Князей и Бояръ въ Государствѣ; но нѣтъ мудраго и разумнаго Царя. А какъ Борисъ Θεодоровичъ Годуновъ доселѣ управлялъ престоломъ лучше всѣхъ прежнихъ Вѣценосцевъ; то, кромѣ его, никакого другаго имѣть Царемъ не желаемъ.» Тогда-то оправдалась пословица: *гласъ Божій, гласъ народа*; кого всѣ избираютъ, тотъ и Богомъ избранъ.

Опредѣленіе чиновъ, вѣроятно, не очень понравилось Князьямъ и Боярамъ; но дѣлать было нечего; послали за Правителемъ. Сей хитрецъ однако не явился; отвергнулъ корону (такъ искусно онъ притворялся) и ушелъ въ Дѣвичій монастырь, къ сестрѣ своей, Иринѣ, съ которою желалъ онъ (такъ разгласили въ народѣ), посо-

вѣтоваться, на что ему рѣшиться, постричься 1598. ли въ монахи, или что-либо другое сдѣлать. Клеветы же его спѣшили воспользоваться временемъ, убѣждали народъ дѣйствовать рѣшительно, и говорили, что если дозволить Борису принять схиму, то во всемъ Государствѣ не найдется другаго столь мудраго Правителя. »Прекратите ваши совѣщанія, завопили толпы черни къ Боярамъ, слѣдуйте за нами въ монастырь и дѣлайте дѣло.«

И такъ, въ слѣдствіе опредѣленія Государственныхъ чиновъ, знатнѣйшія Духовныя особы, Князья и Бояре, купцы и царедворцы, воины и ремесленники, отправились въ монастырь, для предложенія Правителю Царской короны; Борисъ велѣлъ имъ сказать, что трудъ ихъ напрасенъ, что онъ довольно послужилъ міру и заботился о Государствѣ; теперь желаетъ одного спокойствія. »Государь! Борисъ Θεодоровичъ! завопилъ народъ, сжался, смирившись надъ нами; »будь намъ Царемъ-Государемъ!« Долго раздавались сіи вопли; наконецъ онъ вышелъ изъ келліи; благодарилъ за честь и сказалъ, что престолъ должно предложить тѣмъ Князьямъ и Боярамъ, которые знатнѣе его родомъ. Народъ не хотѣлъ этого слышать, палъ на колѣна, кланялся въ землю, взывая и умоляя: »Государь! сжался надъ нами; будь Царемъ нашимъ!« Борисъ опять скрылся, отринувъ сію просьбу. Тутъ, по

1598. воле избирателей, два отрока ¹¹⁾ подошли къ монастырю и начали пѣть, довольно непріятнымъ голосомъ, въ надеждѣ смягчить Правителя: »Смилуйся, Государь Борисъ Θεодоровичъ! Если отцы наши прогнѣвали тебя своими грѣхами, тронься молсіемъ нашимъ: мы еще ни въ чемъ невиновны; хотя ради насъ, будь Царемъ! По всей землѣ Русской блуждаютъ овцы безъ пастыря: будь нашимъ пастыремъ! Богъ вознаградитъ тебя!« Борисъ явился опять, уже съ сестрою, и все еще упорствовалъ въ отказѣ; тогда всѣ обратились къ ней съ просьбою, сжалиться надъ блуждающими овцами и убѣдить брата. Царица, съ низкимъ поклономъ, просила его согласиться на желаніе бѣднаго народа. »Вижу, сказалъ наконецъ Борисъ, обращаясь къ собранію, что всѣ сословія рѣшились возвести меня на Царство: видно такъ угодно Богу! Но желая удостовѣриться, дѣйствительно ли на сіе есть воля Божія, прошу на вѣсколько недѣль отсрочки: между тѣмъ, въ Іюнь мѣсяцъ пусть соберутся всѣ граждане подъ Серпуховымъ, для похода на Крымскихъ Татаръ. Всеобщее повновеніе будетъ знакомъ единодушнаго желанія видѣть меня на престолѣ.« Такъ долго Правитель отказывался отъ высокой чести, которой онъ давно добивался!

Повѣстали немедленно во всемъ Государствѣ, чтобы Россіане къ Іюню мѣсяцу собра-

лись подъ Серпуховымъ, для встрѣчи непріате- 1598.
лей и для возведенія Бориса на престолъ: въ
слѣдствіе сего, къ назначенному времени собра-
лось 800.000 человекъ ¹²⁾, вооруженныхъ копъ-
лами и саблями, луками и стрѣлами; привезли
также нѣсколько сотъ исправныхъ орудій. Туда
вскорѣ прибыли Персидскій и Татарскій послан-
ники: ихъ встрѣтили пушечною пальбою и сре-
ди чистаго поля дали имъ аудіенцію. При семъ
случаѣ столько тратили пороху, такое было ве-
ликолѣпіе, что послы, изумленные многочислен-
ностію войска, громомъ орудій, богатствомъ и
пышностію двора, называли Бориса величай-
шимъ изъ владыкъ земныхъ ¹³⁾. Отправивъ ихъ
въ Москву, новый Царь изъявилъ благодарность
усердному народу и согласился принять коро-
ну, давъ обѣщаніе радѣть неусыпно о благоде-
ствіи своихъ подданныхъ. Народъ пожелалъ ему
всякаго благополучія, а знатнѣйшіе чины отпра-
вились съ нимъ въ столицу.

Наконецъ, 1 Сентября 1598 года, принявъ
въ церкви Пресвятой Богородицы отъ Патріар-
ха, Русскаго Первосвященника, Царскій вѣнецъ,
онъ достигъ той цѣли, къ которой втайнѣ дав-
но уже стремился. По выходѣ изъ храма, но-
вый Царь велѣлъ бросить черни множество де-
негъ; низшимъ сословіямъ простилъ годовую
подать; вдовамъ и сиротамъ, своимъ и чужезем-
нымъ, роздалъ деньги и съѣстные припасы; за-

1598. ключенный въ темницахъ даровалъ свободу и вспоможеніе ¹⁴⁾. Сверхъ того, онъ общалъ торжественно, въ теченіе 5 лѣтъ никого не казнить смертію, указавъ преступниковъ ссылать въ отдаленныя области; велѣлъ строить дома для судилищъ и приказовъ; издалъ мудрыя законы и постановленія. Желая истребить грубые пороки, онъ запретилъ пьянство и содержаніе питейныхъ домовъ, объявивъ, что скорѣе помилуетъ вора или убійцу, нежели того, кто, вопреки указу, осмѣлится открывать кружечный дворъ. »Пусть дома, говорилъ Борисъ, каждый ѣсть и пьеть, сколько хочетъ; можетъ и гостей пригласить; но никто да не дерзнетъ продавать вино Москвитянамъ; если же содержащіе питейныя дома, не имѣютъ иныхъ средствъ къ пропитанію, пусть подадутъ просьбы: они получатъ земли и помѣстья.« Пльннымъ Нѣмцамъ онъ дозволялъ свободное Богослуженіе.

Желая со временемъ видѣть своихъ подданныхъ образованными, Борисъ предложилъ Государственному Совѣту вызвать просвѣщенныхъ людей изъ Германіи, Италіи, Испаніи, Франціи, Англіи, и для изученія разныхъ языковъ учредить школы ¹⁵⁾; но Попы и Монахи противились сему намѣренію, объявивъ, что въ Россіи, не взирая на обширное пространство ея, доселѣ господствовало единовѣріе, единонравіе; если же настанетъ разноречіе, — поселится раздоръ и

прежнее согласіе исчезнетъ. Борисъ оставилъ 1598. свое намѣреніе; однакожь послалъ въ чужія земли, для образованія, 18 молодыхъ Дворянъ: 6 въ Любекъ, 6 во Францію и 6 въ Англію. Они скоро выучились языкамъ иностраннымъ; но только одинъ возвратился въ Россію, именно Димитрій, данный Шведскимъ Королемъ въ переводчики Понтю Делагарди. Прочіе пустились въ свѣтъ и не хотѣли видѣть своего Отечества ¹⁶⁾. Лифляндскимъ купцамъ изъ Дерпта, Нарвы и Феллина, пленнымъ за нѣсколько предѣтъ лѣтъ, Борисъ дозволилъ ѣздить внутри Государства, отправляться за границу, промышленать и торговать гдѣ хотѣли, чѣмъ угодно; далъ имъ изъ Царской казны въ ссуду, безъ пошлинъ и процентовъ, иному 300, другому 400 рублей ¹⁷⁾, на безсрочное время, доколѣ самъ не потребуетъ занятой ими суммы (чего однакожь и доселѣ не случилось). Все это дѣлалось съ намѣреніемъ прослыть вездѣ *Благодѣтелями*. Впрочемъ каждый изъ сихъ купцевъ обязался клятвою не оставлять Россіи навсегда безъ дозволенія, никого не увозить за границу и не распускать худой молвы о Государѣ.

Въ 1599 году, узнавъ, что Густавъ, Герцогъ Шведскій, сынъ Короля Эриха, (въ молодости путешествовавшій въ Германіи по желанію своей матери), живетъ въ Ригѣ весьма скудно, почти безъ всякой прислуги, Борисъ хотѣлъ явить

1599. ему Царское великодушіе и приглашалъ его къ себѣ чрезъ посла, но тайно; приказалъ великолѣпно встрѣтить его на границѣ, поднести Царскіе дары и предложить къ его услугамъ всѣ силы Россіи, если онъ хочетъ отмстить вѣроломнымъ Шведамъ и желаетъ овладѣть отцовскимъ престоломъ: Царь задумалъ выдать за него единородную дочь свою. Герцогъ не принялъ вспоможенія, объявивъ, что скорѣе самъ погибнетъ, нежели согласится опустошать Отечество и губить народъ; говорилъ много и другихъ неумѣстныхъ словъ, изъ коихъ было видно, что онъ или слишкомъ заучился, или чрезъ мѣру сокрушался. Ему, сверхъ того, не хотѣлось разстаться съ своею любовницею, замужнею женщиною, бѣжавшею съ нимъ изъ Данцига. Снимъ онъ навлекъ на себя презрѣніе Его Величества и не могъ уже получить руку Царской дочери. Впрочемъ Борисъ далъ ему Угличъ, гдѣ онъ получалъ приличное содержаніе. Густавъ умеръ въ царствованіе Василія Шуйскаго, и предъ кончиною жаловался на любовницу, которую называлъ виною всѣхъ своихъ бѣдствій. Нѣмецкій Пасторъ Леве, изъ Нейштата, похоронилъ его 22 Февраля 1607 года, въ Капшинскомъ монастырѣ Димитрія Солунскаго ¹⁰).

Въ 1600 году Борисъ вызвалъ изъ Германіи нѣсколько аптекарей и докторовъ медицины. Сверхъ того, по желанію Царя, Англійскій

посланникъ уступилъ ему своего собственного 1600. медика, родомъ Баварца, Христофора Рейтлингера, врача весьма искуснаго, знавшаго разные языки ¹⁹⁾. Доктора же, прибывшіе въ Россію изъ Гёрманіи, были: Давидъ Васмеръ, Генрихъ Шредеръ (изъ Любека), Іоаннъ Гилькенъ (изъ Риги), Каспаръ Фидлеръ (изъ Кенигсберга), да студентъ Медицины, Эразмъ Бенскій изъ Праги. Всѣ они должны были пользоваться только Государя, не смѣя лечить никого изъ постороннихъ; самый знатнѣйшій Бояринъ не иначе получалъ отъ нихъ пособіе, какъ съ дозволенія Его Величества. Опредѣливъ имъ по 200 рублей годоваго жалованья, Царь велѣлъ давать каждому изъ нихъ ежемѣсячно немалотый хлѣбъ для всего дома, по 60 возовъ дровъ и по 1 бочкѣ пива; ежедневно по 1 штофу водки и уксуса; чрезъ два дни значительную часть свинаго сала, ко всякому обѣду присылалъ съ Царскаго стола въ подачу по три и четыре блюда превосходнаго кушанья (блюда же были столь огромны, что самый сильный человекъ едва могъ нести одно изъ нихъ); давалъ, кромѣ того, по 12 и по 14 рублей деньгами, и по окончаніи мѣсяца, свѣжій харчъ, для всѣдневнаго употребленія; подарилъ имъ изъ собственной конюшни по 5 лошадей, (на конехъ отпускалось ежемѣсячно столько овса, сѣна и соломы, что легко можно было прокормить и семь лошадей); по хо-

1600. рошей верховой лошади для ѣзды лѣтнею порою въ дворцовую аптеку, по другой для употребленія зимою въ саняхъ, по двѣ каретныхъ къ услугамъ ихъ женъ, когда онѣ отправлялись въ церковь, и по одной ломовой для домашней работы. Въ заключеніе, пожаловалъ каждому по 30 и по 40 душъ крестьянъ. Если случалось Царю принимать лекарство и оно помогало, то каждый Докторъ получалъ кусокъ бархата или камки на кафтанъ и нѣсколько дорогихъ себелей; не оставались они безъ хорошаго подарка, если, съ дозволенія Царскаго, успѣшно пользовали какого нибудь знатнаго Боярина. Однимъ словомъ, они были въ такой чести, что сами казались Князьями и Боярами. Государь нерѣдко разсуждалъ съ ними о важныхъ предметахъ, особенно о дѣлахъ Религій, и просилъ ихъ не забывать въ молитвахъ о благѣ души его. Они имѣли все, кромѣ церкви; наконецъ Борисъ внялъ ихъ просьбѣ и дозволилъ выстроить храмъ Лютеранскій въ Нѣмецкой слободѣ, разстояніемъ отъ Москвы на четверть миль. Они собрали значительную сумму (самый бѣдный Нѣмецъ не скупился пожертвовать частію своего имущества), и выстроили въ честь Бога такую церковь, что Борисъ предпочелъ ее своимъ — Русскимъ, похоронивъ въ оной брата Короля Датскаго, Герцога Іоанна ²⁰⁾; при семъ случаѣ онъ велѣлъ построить надъ храмомъ колокольню,

гдѣ звонили въ воспоминаніе о покойномъ Принцѣ 1600. и его единокровцахъ, умершихъ въ Россіи.

Складочная сумма была столь значительна, что Нѣмецкіе прихожане, воздвигнувъ Божій храмъ, могли на остатки оной содержать, кромѣ прежнихъ Пасторовъ, полоненныхъ вмѣстѣ съ ними въ Ливоніи, еще двухъ проповѣдниковъ, Германа Губемана изъ Вестфалии и Студента Мартина Бера изъ Нейштата: оба они, прибывъ въ Россію 1600 года, не жалѣли трудовъ своихъ на ученіе и дѣла богоугодныя; въ скоромъ времени составилъ хоръ изъ 6, 7 и 8 человекъ, въ коемъ и господа Медики участвовать не стыдился. Нѣмцы плакали отъ умиленія, что дожили въ Москвѣ, по милости Божіей, до столь счастливаго времени.

Въ самомъ началѣ своего правленія, Борисъ заключилъ союзъ съ Римскимъ Императоромъ, Рудольфомъ, и отправивъ Его Величеству въ подарокъ, на нѣсколько сотъ тысячъ рублей, дорогіе мѣха черно-лиси, куны, соболя, изъяснилъ готовность выставить 10,000 воиновъ, противъ Турковъ на помощь Христіанамъ. Въ то же время Султанъ Турецкій, прислалъ въ Москву своего посла, съ весьма значительными дарами, предлагая дружбу и миръ Борису Ѳеодоровичу. Царь не принялъ даровъ и отвѣчалъ Султану, что не хочетъ быть другомъ закоренѣлому врагу Христіанства, непріятелю любезнаго

1601. брата своего, Императора Римскаго, что во всю жизнь свою не примирится съ Турками и будетъ вредить имъ, сколько силъ достанетъ. Въѣсть съ симъ отправилъ Султану свиную шкуру для шубы и большой кожаный мѣшокъ, обтннутый серебряною парчею, туго набитый свинымъ навозомъ. Съ тѣхъ поръ ни одинъ Турецкій посолъ въ Москвѣ не являлся ²¹⁾.

Кромѣ сего, Борисъ Ѳеодоровичъ заключилъ вѣчный миръ съ Королемъ Шведскимъ, перемирие на 21 годъ съ Королемъ Польскимъ, далъ слово не воевать съ Татарами и сдѣлался другомъ нынѣ царствующему Королю Датскому, рѣшившись отдать за Королевскаго брата, Герцога Іоанна, единородную дочь свою. Герцогъ прибылъ въ Москву; но чрезъ шесть недѣль по прѣздѣ, умеръ горячкою. Его похоронили, какъ выше сказано, въ Нѣмецкой церкви съ приличнымъ великолѣпіемъ; до сихъ поръ уцѣлѣла гробница, гдѣ покоятся его бранные остатки, хотя церковь и сожжена была вторымъ Димитріемъ; имущество Герцога, привезенное имъ изъ Отечества, также и Царскіе подарки, все было послано въ Данію, вмѣстѣ съ находившимися при немъ господами и служителями, коихъ Царь награждалъ щедро, не забывъ и послѣдняго конюха.

4 Октября 1601 года, Борисъ принялъ подъ свое покровительство многихъ Ливонцевъ,

покаянувшихъ родину по слѣдующимъ причинамъ: 1601.

Ливонія издревле зависѣла отъ Польши; потомъ бывъ оставлена Поляками на произволъ судьбы, она подпала власти Шведскаго Герцога Карла, который почти всю ее покорилъ; когда же счастье ему измѣнило, и Поляки снова овладѣли сею страной, разбивъ Шведовъ при Эларъ и Кокенгаузенъ; тогда многіе честные люди, бросивъ свои помѣстья, искали убѣжища, вмѣстѣ съ женами и дѣтьми, въ крѣпостяхъ Сесвегенъ, Маріенбургъ и Кириенбургъ ²²). Но какъ сіи ветхіе замки, лишенные войска, не могли оградить ихъ отъ злобы непріятелей; то 35 Ливонскихъ дворянъ и гражданъ отправились въ крѣпость Нейгаузенъ, находившуюся близъ Русской границы, въ надеждѣ найти пристанище и защиту отъ преслѣдовавшихъ Поляковъ.

Комендантъ оной, Ливонскій дворянинъ Отто Фитингофъ, возведенный въ сіе достоинство Герцогомъ Карломъ, не хотѣлъ принять изгнанниковъ, подъ предлогомъ, что въ крѣпости была тѣснота, хотя вскорѣ послѣ того для Поляковъ нашлось довольно мѣста. И такъ, по милости этого Коменданта, бѣдные странники должны были перейти на Русскую сторону и искать убѣжища въ Печорскомъ монастырѣ ²³). Игуменъ, извѣстивъ о семъ Царя Бориса Ѳеодоровича, испрашивалъ повелѣнія, что дѣлать съ пришельцами: оставить ли ихъ въ покоѣ, или

1601. прогнать за границу? Царь велѣлъ немедленно дать имъ убѣжище, объявить свое благоволеніе, увѣрить ихъ въ своемъ участіи къ бѣдственной судьбѣ ихъ, угостить въ монастырѣ отъ своего имени и предложить, не угодно ли будетъ имъ отправиться въ Москву, гдѣ онъ дастъ имъ втрое болѣе того, что они потеряли въ Ливоніи. Игуменъ исполнилъ сіе приказаніе въ точности. Только Ливонцы не желали ѣхать въ Москву: они любили свободу и не хотѣли быть рабами; посему, изъявивъ признательность за Царскую милость, за Христіанское состраданіе и великодушныя щедроты Его Величества, просили одного убѣжища на краткое время и остались близъ монастыря въ одной деревнѣ, гдѣ было ихъ пристанище.

Въ слѣдующіе дни, посѣтили ихъ Бояре и Монахи, которые совѣтовали имъ отправиться въ Москву, увѣряя, что они, по милости Царя, не будутъ раскаяваться. Однакожь ни одинъ Нѣмецъ на сіе предложеніе не согласился. Черезъ нѣсколько дней, пришелъ къ нимъ изъ монастыря переводчикъ, природный Россіянинъ, знавшій языкъ Нѣмецкій, коему научился онъ въ Швеціи, гдѣ былъ прежде въ плѣну. Сей человекъ, вспоминая съ благодарностію одолженіе Нѣмцевъ и стараясь самъ оказать имъ услугу, съ своей стороны убѣждалъ Ливонцевъ не отвергать Царскаго предложенія, говоря, что

война Шведовъ съ Поляками не скоро можетъ 1601. прекратиться, что презирая милость Государя, странники навлекутъ на себя его негодованіе, исполнивъ же его волю, будутъ счастливы; къ сему открылъ имъ, по довѣренности, что Игуменъ и Печорскіе дворяне получили Царское повелѣніе слѣдующаго содержанія: просить Нѣмцевъ неотступно ѣхать въ столицу; если же они на еіе не согласятся, не отпускать ихъ въ Отечество, задержать какъ лазутчиковъ и прислать въ Москву скованныхъ. Сія слова привели въ удивленіе бѣдныхъ людей; они весьма сокрушались и впрокинали Фитингофа, который не принявъ ихъ въ крѣпость, а Поляковъ между тѣмъ выпустилъ. »Не было намъ мѣста въ Ливоніи, думали они; еще тѣснѣе будетъ въ Россіи, гдѣ иностранцы или навсегда должны остаться, или испытать всю тяжесть Царскаго гнѣва.« Наконецъ посовѣтовавшись другъ съ другомъ, они рѣшились изъ двухъ золъ избрать меньшее: объявили Игумену, что согласны ѣхать въ Москву, если только не будутъ считать ихъ плѣнниками. Игуменъ старался ихъ утѣшить, совѣтовалъ не думать ничего дурнаго и поклонился Христомъ Богомъ, что они не встрѣтятъ никакой непріятности.

Успокоенные нѣсколько сию клятвою, унылые Нѣмцы явились въ монастырь, гдѣ Игуменъ и Монахи говорили имъ привѣтствіе Царскимъ

1601. именемъ; помѣстили ихъ на постояломъ дворѣ и содержали иждивеніемъ Государя такъ, что никто изъ нихъ не истратилъ ни гроша, какъ въ сей обители, такъ и во время пути чрезъ Псковъ, Новгородъ, Тверь и другіе города; ежедневно давалось имъ столько вина, пива, меду, кушанья рыбнаго и мяснаго, варенаго и жаренаго, что всего было вдоволь и въ излишествѣ. Псковскій Воевода Андрей Васильевичъ Трубацъ, провождаемый всѣми гражданами, встрѣтилъ Нѣмцевъ съ особенною почестію; спрашивалъ, кого какъ зовутъ, не исключая ни женъ, ни дѣтей, ни служителей, какого кто званія, чегу лишился въ Отечествѣ, и сдѣлавъ всему вѣдомость, послалъ оную впередъ къ своему Государю. Потомъ угощалъ ихъ истинно по-Царски 8 дней сряду; совѣтовалъ имъ продать своихъ лошадей и взять вырученныя деньги себѣ, говоря, что для нихъ довольно у Царя подводъ; сверхъ того, одарилъ ихъ шубами. И такъ, во имя Божіе, они отправились въ Москву на казенныхъ подводахъ и благополучно прибыли въ сію столицу 21 Ноябрл.

Царь велѣлъ немедленно отвести имъ Боярскіе дома, недалеко отъ Дворца на Арбатъ, и снабдить ихъ всемъ необходимымъ для хозяйства: дровами, рыбою, мясомъ, солью, масломъ, сыромъ, виномъ, пивомъ, медомъ, хлѣбомъ.

Сверхъ того, каждому дому назначенъ былъ При- 1601.
ставъ для разныхъ покупокъ.

23 Декабря, Нѣмцы получили приказаніе нарядиться въ лучшее платье, для представленія Государю на другой день по утру. Многіе изъ нихъ желали отказаться отъ сей чести, говоря, что не смѣютъ предстать предъ Его Величество въ своей бѣдной одеждѣ; но Царь велѣлъ имъ сказать, что имъ нѣчего стыдиться, что онъ желаетъ видѣть ихъ, а не платье, и что пріѣхавъ къ нему, по его высокому приглашенію, они получаютъ все нужное съ избыткомъ.

24 Декабря, Нѣмцы явились во Дворецъ: Государь сидѣлъ съ своимъ сыномъ въ пріемной залѣ. Его окружали Князья и Бояре, въ парчевыхъ платьяхъ, украшенные золотыми цѣпами и дорогими каменьями. Потолокъ, стѣны и полъ были обиты дорогими коврами Турецкими. Нѣмцевъ подводили къ Государю по старшинству лѣтъ: сперва старыхъ, потомъ среднихъ, напоследокъ молодыхъ. Они кланялись ему и сыну его по своему обычаю. Царь сказалъ имъ чрезъ переводчика: «поздравляю васъ, чужеземцы, вѣрноподданные Римскаго Императора, и васъ, Нѣмцы изъ Ливоніи и Шведскаго Королевства! съ прибытіемъ въ мое Государство; радуюсь благополучію вашего путешествія; меня трогаетъ несчастіе, которое принудило васъ покинуть родину и собственность;

1601. вы получите втрое болѣе того, что потеряли въ своемъ Отеествѣ. Васъ, Дворяне! я сдѣлаю Князьями; васъ, Граждане! Боярами; ваши жены и въ моемъ Царствѣ будутъ свободны; одарю васъ землею, слугами, работниками; одѣну въ бархатъ, шелкъ и золото; наполню пустые кошельки ваши деньгами; я вамъ не Царь, не Господинъ, а истинный отецъ; вы будете не подданные, а Нѣмцы, дѣти мои; никто, кромѣ меня, не станетъ судить и рѣдить вашихъ споровъ. Дарую вамъ свободу въ обрядахъ Богослуженія. Присягните только Богомъ и вѣрою своею не измѣнять ни мнѣ, ни сыну моему; не уходить тайно къ Туркамъ, Татарамъ, Персамъ, Шведамъ, Полякамъ; не скрывать, если узнаете какой противъ меня замыселъ; не посягать на мою жизнь ни ядомъ, ни чародѣйствомъ: тогда получите такую награду, что объ ней будетъ говорить вся Римская Имперія!»

Ливонскій дворянинъ Детлефъ фонъ Ти-зенгаузенъ, мужъ весьма краснорѣчивый, произнесъ отъ имени всѣхъ Нѣмцевъ краткую рѣчь, въ коей благодарилъ Царя за милостивое, отеческое предложеніе, и клялся, что всѣ они будутъ до гроба вѣрны Отцу своему, Государю Всероссійскому. Царь отвѣтствовалъ: «Молитесь, Нѣмцы! Богу о моемъ здоровьи; пока я живъ, вы не будете ни въ чемъ нуждаться,» и указавъ на жемчужное ожерелье свое, примолвилъ:

и снмъ подѣлюсь съ вами.» Потомъ протянулъ 1601. къ нимъ руку съ жезломъ и дозволилъ каждому цѣловать ее; Царевичъ также всѣхъ допустилъ къ своей рукѣ. За снмъ Государь пригласилъ ихъ къ обѣду.

Русскіе господа удалились изъ залы; остались только Царскіе Совѣтники; внесли столъ и поставили оный прямо противъ Государя и сына его. Пожилые и знатнѣйшіе изъ Нѣмцевъ должны были занять мѣста такъ, что Царь всѣхъ ихъ хорошо могъ видѣть; а младшіе сидѣли къ нему спиной. Всѣмъ прислуживали Бояре. На столѣ, покрытомъ скатертью, находился бѣлый, вкусный хлѣбъ, съ солью въ серебряныхъ солонкахъ. Пиръ начался такимъ образомъ: въ первой ношѣ подано было столъ много блюдъ, что на столѣ, при всей обширности его, не осталось почти мѣста, гдѣ было бы можно положить кусокъ хлѣба. Носили кушанья до самого вечера. Много было всякаго сорта пива, меду и винъ иностранныхъ. Царь поставилъ первое блюдо противъ себя и отвѣдавъ оное, сказалъ: »приглашаю васъ, любезные Нѣмцы! на мою Царскую хлѣбъ-соль.« »Даруй, Господи! здравіе и благоденствіе Царю, отцу нашему!« отвѣчали они почтительно, вставъ съ своихъ мѣстъ и благословляя Царскую трапезу; такимъ же образомъ привѣтствовалъ онъ Нѣмцевъ при первомъ бокалѣ, назвалъ каждого по имени и при-

1601. молвилъ: »пью за ваше здоровье; слѣдуйте моему примѣру!« Бояре старались напоить гостей; но гости хотѣли быть умеренными, узнавъ отъ Приставовъ, что Царь любилъ трезвость и ненавидѣлъ пьянство. Царь, замѣтивъ сіе, разсмѣялся и спрашивалъ ихъ, почему они не веселятся и не пьютъ за здоровье другъ друга, какъ у нихъ водится? Когда Нѣмцы отвѣчали, что они, благоговѣя предъ Его Величествомъ, не смѣютъ предаваться шумному веселію, и что предъ лицомъ его должно быть трезвымъ,—онъ возразилъ: »Я васъ потчиваю, какъ хозяинъ; веселитесь, какъ угодно, не опасаясь нареканія; пейте за мое здоровье! Лошади готовы: когда настанетъ время, васъ отвезутъ не-вредимо.« Сказавъ сіе, Государь всталъ, чтобы идти къ Царицѣ; для гостей же велѣлъ принести напитки въ серебряныхъ бочкахъ съ золотыми обручами, и поручилъ Боярамъ употчивать ихъ такъ, чтобы они забыли всѣ житейскія горести: воля Царская была исполнена, и Нѣмцы большою частію не знали, какъ домой добрались.

28 Декабря, ихъ призвали въ Розрядъ (Государственную Канцелярію) и раздѣлили на четыре статьи: въ первой были старшіе и знатные дворяне, конемъ объявили, что Царь, отецъ ихъ, благоволилъ осчастливить каждого изъ нихъ своею милостию: сверхъ ежемѣсячнаго содержа-

нія, жалуетъ имъ по 50 рублей въ подарокъ, 1601. по Венгерскому кафтану изъ золотой парчи, по куску чернаго бархата, по связкѣ дорогихъ соболей, для приличной одежды; да по 50 рублей годоваго жалованья и по 800 четвертей земли съ сотнею душъ крестьянъ, въ потомственное владѣніе ²⁴⁾. Все это они получили на другой день. Ко второй статьѣ причислены были дворяне среднихъ лѣтъ; каждому изъ нихъ пожаловалъ Государь: 30 рублей въ подарокъ, 30 рублей годоваго оклада, кусокъ красной камки, 40 соболей, парчевой кафтанъ и 500 четвертей земли съ 50 крестьянами. Въ третьей статьѣ находились молодые дворяне и заслуженные воины; каждый изъ нихъ получилъ 20 рублей въ подарокъ, столько же въ годовой окладъ, кусокъ простаго бархату и кармазину, 40 соболей и помѣстье съ 30 крестьянами. Четвертая состояла изъ молодыхъ людей, большою частію изъ слугъ; каждому изъ нихъ дано было 15 рублей въ подарокъ, столько же на жалованье, кусокъ кармазину и желтой камки, не большая связка соболей и 300 четвертей съ 20 крестьянами.

Вмѣстѣ съ симъ объявлено было всѣмъ Нѣмцамъ, что послѣ такой награды, Царь имѣетъ право требовать отъ нихъ обязательства быть готовыми на войну съ врагами, если онъ ихъ потрѣбуетъ. Такимъ образомъ, по ми-

1602. лости Бориса Феодоровича, иной бѣднякъ въ короткое время сдѣлался богачемъ; Нѣмцы, до сихъ поръ угнетенные горестію, не помнили себя отъ радости и прославляли великодушіе Русскаго Государя.

Въ 1602 году прибыло въ Россію посольство отъ города Любека, состоявшее изъ Бургомистра Конрада Гермерса, Ратсгера Генриха Керхринга и Секретаря Іоанна Брамбахія, съ просьбою отъ имени всей Ганзы даровать ей полную свободу въ торговлѣ съ Россією, возобновить старинныя привилегіи купцевъ Ганзейскихъ и возстановить въ Москвѣ прежнюю ихъ контору. Борисъ Феодоровичъ отвѣчалъ сему посольству, что съ Ганзою онъ не хочетъ имѣть никакого дѣла, ибо вовсе ея не знаетъ; съ Любекомъ же, городомъ извѣстнымъ и уже получившимъ въ Россіи значительныя торговыя выгоды, не уклоняется быть въ дружбѣ и добромъ согласіи; въ слѣдствіе сего, даетъ ему право учредить контору на прежнемъ основаніи. Столь доброе расположеніе Царя могло бы доставить Любеку важныя выгоды, если бы Россія наслаждалась спокойствіемъ ²⁵).

Однимъ словомъ, Царь Борисъ старался управлять Государствомъ такъ, чтобы имя его славилось въ земляхъ отдаленныхъ, и чтобы Держава его процвѣтала въ мирѣ и благоденствіи. Онъ любилъ строить новые города и по-

правлять старые: обвелъ Москву бѣлою каменною стѣною, а Смоленскъ весьма высокою и крѣпкою, въ 23 фута толщиною; построилъ, сверхъ того, на южной границѣ, для защиты отъ Татарскихъ набѣговъ, двѣ крѣпости, изъ коихъ одну назвалъ своимъ именемъ Борисоградомъ, а другую, во имя всѣхъ Царей, Царевымъ городомъ ²⁶⁾. При всемъ томъ Богъ не благословилъ правленія сего Государя, потому, что онъ достигъ престола коварствомъ и злодѣяніемъ. Небесное правосудіе жестоко наказало его, воздавъ ему по дѣламъ; все семейство его погибло.

Жестокій врагъ Нѣмцевъ, Богданъ Бѣльскій, виновникъ многихъ неистовыхъ дѣлъ Царя Іоанна Васильевича ²⁷⁾, первый возмутилъ спокойствіе Годунова: посланный симъ Государемъ на Татарскую границу, для надзора надъ строеніемъ Борисограда, Бѣльскій исполнилъ Царское порученіе; но построивъ крѣпость, объявилъ, что Борисъ Θεодоровичъ есть Царь Московскій, а онъ Борисоградскій. Впрочемъ сей измѣнникъ не долго величался пышнымъ титуломъ: Борисъ велѣлъ привести его въ такомъ уборѣ, который приличествовалъ не Государю, а гнусному бунтовщику, и который Богдану былъ весьма кстати. Помня клятву—въ теченіе пяти лѣтъ никого не казнить смертію, Царь даровалъ преступнику жизнь, но велѣлъ описать

1602. все его имѣніе, отпустилъ всѣхъ крѣпостныхъ людей его на волю, съ правомъ служить кому хотять, и приказалъ своему Капитану, Шотландцу Габріелю, бывшему, до пріѣзда вышесказанныхъ докторовъ, Лейбъ-медикомъ, вырвать у самодѣльнаго Царя, Богдана, длинную густую бороду; послѣ чего сослалъ его въ Сибирь, гдѣ, вѣроятно, пропала у него охота выдавать себя за Царя 28).

По усмирении сего крамольника, явились другіе зложелатели Борису; то были четыре брата Никитичи, которые, какъ выше сказано, по смерти Царя Феодора, могли бы взойти на престолъ, если бы не отказались отъ скипетра и не упустили его изъ рукъ своихъ. Они были раздражены поступками Царя съ Богданомъ Бѣльскимъ; однако таяли свою злобу и всегда казались покорными; между тѣмъ наученные неудачею Бѣльскаго, замыслили инымъ средствомъ избавиться отъ Бориса—отравою. Собственные ихъ слуги открыли сей умыселъ: Никитичи лишились всего, что имѣли, и были сосланы подобно первому измѣннику 29).

Послѣ сего происшествія, Царь сдѣлался весьма остороженъ: бережно употреблялъ пищу, и для своей безопасности учредилъ тѣлохранителей изъ нѣсколькихъ тысячъ стрѣльцовъ: они должны были оберегать его во Дворцѣ днемъ и ночью и провождать всюду, даже въ церковь.

Однимъ словомъ онъ велъ такую жизнь, что 1602. Бояре не могли вредить ему ни ядомъ, ни желѣзомъ. Тогда злоумышленники, оставивъ прежнее оружіе — убійство и отраву, прибѣгнули къ другому: коварству; а исполнителемъ своего замысла избрали настоящаго Демона, при помощи коего совершили чудеса. — Справедливо говорить одинъ писатель: »И самъ Стигійскій Плутонъ не отважится на то, что сдѣлаетъ неутомимый Чернецъ и коварная старуха⁵⁰⁾».

Г Л А В А III.

Продолженіе царствованія Бориса Годунова.

1604—1605.

Отрепьевъ. Явленіе Самозванца. Князь Вышневецкій. Письмо къ нему отъ Годунова. Донесеніе Тирфелда. Волненіе Казаковъ. Неудача Степана Годунова. Недоумѣніе Борисова. Спрашный голодъ. Цесарскій посолъ въ Москвѣ. Знаменія. Развращъ вѣка. Царскій Астрологъ. Осада Пушкова Самозванцемъ. Ополченіе Борисова. Мужество Басманова. Сраженіе Добрыницкое. Маржеретъ. Измѣна Бояръ. Осада Кромъ. Ашманъ Корела. Кончина Годунова.

Былъ въ одномъ Русскомъ монастырѣ Монахъ, именемъ Гришка Отрепьевъ. Зная хорошо всѣ происшествія своего Отечества, онъ вмѣстѣ

1602. съ крамольниками распускалъ о Борисъ худую славу; но вдругъ бѣжалъ изъ монастыря, оставилъ Россію, достигъ береговъ Бориссена, напелъ въ Бѣлоруссін какого-то благороднаго юношу (то былъ побочный сынъ Стефана Баторія, какъ открыли мнѣ, по довѣренности, Польскіе Вельможи) и далъ ему нужныя наставленія для своего умысла: уговорилъ его сдѣлаться слугою Князя Адама Вишневецкаго и потомъ, при удобномъ случаѣ, открыть сему Вельможѣ съ притворною горестію, будто бы ему, еще младенцу, приготовлена была насильственная смерть ³¹⁾. Послѣ сего Отрепьевъ возвратился въ Россію; пришелъ въ землю Казаковъ и началъ тамъ разглашать, что у Князя Адама Вишневецкаго живетъ въ великой чести законный Наслѣдникъ Русскаго престола, Димитрій Іоанновичъ, котораго Борисъ хотѣлъ умертвить въ Угличѣ. Распустивъ сію молву, Отрепьевъ проситъ, убеждаетъ Казаковъ подать помощь Царевичу и сулитъ имъ знатную награду; убѣжденія этого дьявольскаго Монаха не остались безъ дѣйствія, какъ вскорѣ увидимъ ³²⁾.

Наученный имъ юноша, мнимый Димитрій, исправно служилъ Князю Вишневецкому, въ званіи камердинера ³³⁾. Случилось ему однажды, въ банѣ, подать своему господину не то, что было нужно. Князь далъ ему пощечину и приговорилъ: *Curvin zip*. Жестоко обиженный слуга

со слезами говоритъ Князю: »Еслибъ зналъ 1603. ты, Князь Адамъ! кто тебѣ служить, не услышалъ бы я столь обиднаго слова, да еще съ побоями, за такую бездѣлицу! Но дѣлать нечего: я долженъ все терпѣть, назвавъ самъ себя «слугою.» »А кто же ты? спросилъ Вишневецкій, — и откуда пришелъ?» Тутъ юноша признался, что онъ сынъ Царя Іоанна Васильевича; рассказалъ весьма складно приключенія своего дѣтства и умыселъ Бориса на жизнь его; открылъ, какимъ образомъ онъ избавился отъ смерти, кто спасъ его и какъ онъ странствовалъ по Бѣлоруссіи; притомъ показалъ золотой крестъ, осыпанный драгоцѣнными камнями, подаренный ему, будто бы, крестнымъ отцемъ. Всю эту сказку сочинилъ Отрепьевъ. Мнимый Димитрій упалъ, по Русскому обычаю, въ ноги Вишневецкому и воскликнулъ: »Предаю себя въ твою волю; дѣлай со мною, что угодно! Горькая жизнь не мила мнѣ. О, еслибъ ты помогъ мнѣ возвратить то, чего я лишился; какая награда была бы тебѣ, съ Божіею помощію!»

Князь изумился; повѣрилъ всему, что онъ говорилъ скромный и красивый собою юноша; извинился предъ нимъ за пощечину и бранное слово; просилъ остаться въ банѣ и подождать его; а самъ пошелъ къ женѣ, приказавъ между тѣмъ своимъ людямъ приготовить яства и напитки, для угощенія въ тотъ же вечеръ Русска-

1603. го Царя. Дивились немало всѣ домашніе столь нежданному прїѣзду Царя Всероссійскаго. Князь велѣлъ, сверхъ того, приготовить 6 верховыхъ лошадей въ богатомъ уборѣ; конюхамъ нарядиться какъ можно лучше; заложить шестерней дорожную карету и убрать покомъ драгоценными коврами, такъ, что никто не могъ придумать, кого ожидаетъ Князь себѣ въ гости.

Когда все было устроено, Вышневецкій возвратился въ баню съ двѣнадцатю слугами, поднесъ бывшему камердинеру богатую одежду, прислуживалъ ему при выходѣ изъ бани, предложилъ въ подарокъ запряженную карету, 6 верховыхъ лошадей, со всѣмъ уборомъ, сѣдлами, палашиами, пистолетами, со всѣми находившимися при нихъ людьми, и просилъ *Его Величество* принять сію бездѣлку, изъявляя готовность служить ему всѣмъ, что имѣеть. Юноша поблагодарилъ Князя за такое одолженіе и далъ обѣтъ вознаградить ему сторицею; великозванное пиршество заключило этотъ день.

Между тѣмъ, молва о Царевичѣ Дмитріѣ, болѣе и болѣе распространяясь, достигла и до Бориса: эта новость его ужаснула. Справедливо опасался Годуновъ, чтобы враги его, Поляки, не воспользовались обманомъ на бѣду его; посему желая предупредить опасность, онъ тайно послалъ гонца къ Бѣлорусскому Князю ³⁴⁾ съ просьбою выдать измѣнника и обманщика, за что

объщалъ уступить ему нѣсколько пограничныхъ 1603. городовъ Русскихъ; но Вишневецкій, еще болѣе убѣжденный симъ предложеніемъ, что мнимый Димитрій былъ истинный Царевичъ, спряталъ Царское письмо и отпустилъ гонца безъ отвѣта; между тѣмъ, опасаясь мести Годунова, спѣшилъ удалиться отъ Россійской границы, близъ коей находилось его помѣстье³⁵⁾, въ принадлежаній ему городъ Висніовець: тамъ показалъ Царевичу письмо Борисово и хотѣлъ знать его мысли. Мнимый Димитрій, упавъ на колѣна, со слезами отвѣчалъ: »Богу и тебѣ извѣстно, кто я; дѣлай со мною, что хочешь; я въ твоей власти: предаю себя въ твою волю!»

Князь старался его успокоить, общалъ никогда не измѣнять ему, говорилъ, что одно только опасеніе понудило его удалиться отъ Русскихъ предѣловъ; въ заключеніе просилъ Царевича остаться въ городъ Висніовець подъ защитою вѣрныхъ слугъ, объявивъ, что самъ онъ возвратится въ Бѣлорусское помѣстье, откуда извѣстить его немедленно, если что либо проведетъ о Борисѣ.

Царь, между тѣмъ, отправивъ къ Вишневецкому другое письмо, съ предложеніемъ еще выгоднѣйшимъ перваго, подослалъ нѣсколько чело­вѣкъ, съ тайнымъ приказаніемъ застрѣлить Самозванца. Но бдительный Князь проводилъ мнимаго Царевича въ Великую Польшу, къ Вое-

1604. воеводѣ Сандомирскому, который принялъ его, какъ истиннаго Государя ³⁶⁾.

Въ Январѣ 1604 года, Іоаниъ Тирфельдъ писалъ изъ Нарвы къ Абовскому Коменданту, что несправедливо разгласили, будто бы сынъ Іоанна Мучителя былъ умерщвленъ; что онъ живъ и здоровъ, находится у Казаковъ и старается овладѣть престоломъ; въ Россіи же страшное волненіе. Посланнаго съ симъ письмомъ задержали и заключили въ Иванъ-городъ, откуда перевезли его въ Москву. Такое письмо, какъ легко можно догадаться, не весьма обрадовало Бориса. Въ томъ же году и мѣсяцѣ, отправленный симъ Государемъ съ какимъ-то порученіемъ въ Казань и Астрахань (города, отстоящіе отъ Москвы—первый на 250, а второй на 500 миль) дальній родственникъ Царя, Степанъ Степановичъ Годуновъ ³⁷⁾, встрѣтилъ шайку свирѣпыхъ Казаковъ, которые, по убѣжденію проклятаго Отрепьева, шли къ Путивлю, городу на Бѣлорусской границѣ, съ намѣреніемъ подать помощь законному, по ихъ мнѣнію, наследнику Русскаго престола. Сии Казаки напали на Степана Годунова; побили многихъ изъ его людей, остальныхъ же взяли въ плѣнъ (самъ онъ едва могъ спастись бѣгствомъ); послѣ того, послали къ Борису нѣсколько плѣнниковъ съ вѣстію, что они скоро придутъ въ Москву съ Царевичемъ Дмитріемъ.

Царь, получая такія вѣсти со всѣхъ сто- 1604.
ронъ, изъ Бѣлоруссін, Литвы, Ливоніи, самъ
началъ сомнѣваться въ убіеніи Димитрія и при-
казалъ развѣдать обо всемъ обстоятельно; новыя
свидѣтельства въ смерти Царевича наконецъ
убѣдили его, что виновниками обмана были зло-
желатели его, Бояре. Ослабленный Борисъ не
могъ замѣтить, что все это было дѣломъ Небе-
снаго Промысла, который хотѣлъ явить ничтож-
ность премудрости человѣческой въ сравненіи
съ Божественною. Годуновъ мечталъ однимъ ко-
варствомъ утвердить себя на престолѣ, но вско-
рѣ убѣдился, что козни его безсильны предъ
Богомъ. При всемъ благоразуміи своемъ, ни въ
одномъ предпріятіи онъ не имѣлъ желаннаго
успѣха: не принесли ему никакой выгоды сою-
зы съ иноземными Государями; бесполезны бы-
ли щедроты и благодѣянія, оказанныя Нѣмцамъ;
никто не умѣлъ цѣнить его неусыпной забот-
ливости, его мудрыхъ распоряженій о благоде-
ствіи Россіи; наконецъ неимовѣрныя суммы,
раздаваемыя еряду нѣсколько лѣтъ на вспомо-
женіе подданнымъ, не предохранили бѣднаго на-
рода его отъ губительнаго голода и мора.

Въ 1601 году началась неслыханная доро-
говизна; она продолжалась до 1604 года. Бочка
ржи стояла отъ 10 до 12 гульденовъ ³⁸⁾: настала
такой голодъ, что самъ Іерусалимъ не испы-
талъ подобнаго бѣдствія, когда, по сказанію Іоси-

1604. фа Флавія, Евреи должны были ѣсть кошекъ, мышей, крысъ, подошвы, голубинный навозъ, и когда благородная женщина, терзаемая нестерпимымъ голодомъ, умертвивъ собственное дитя свое, изрубила его на части, сварила, сжарила и съѣла. Вотъ самое ужасное событіе изъ всѣхъ происшествій, описанныхъ Еврейскимъ Историкомъ: свидѣтельствуюсь истинною и Богомъ, что въ Москвѣ я видѣлъ собственными глазами людей, которые, валяясь на улицахъ, лѣтомъ щипали траву, подобно скотамъ, а зимою ѣли сѣно; у мертвыхъ находили во рту, вмѣстѣ съ навозомъ, человѣческій калъ. Вездѣ отцы и матери душили, рѣзали, и варили своихъ дѣтей; дѣти своихъ родителей, хозяева гостей; мясо человѣческое, мелко изрубленное, продавалось на рынкахъ за говяжье, въ пирогахъ; путешественники страшились останавливаться въ гостинницахъ ³⁹).

Когда разнеслась молва о столь ужасныхъ, неслыханныхъ злодѣяніяхъ, и на улицахъ находили ежедневно трупы умершихъ отъ голода, Борисъ Ѳеодоровичъ рѣшился помощію казны своей облегчить народное бѣдствіе: приказалъ близъ самой городской стѣны, — имѣющей въ окружности 4 Нѣмецкія мили, устроить четыре ограды и раздавать тамъ каждое утро бѣднымъ жителямъ по деньгѣ (Польскій грошъ); свѣдавъ о семъ, окрестные земледѣльцы остави-

ли свои жиница и устремились въ Москву съ 1604, женами и дѣтьми, чтобы также участвовать въ Царскомъ благодѣяніи. Такимъ образомъ раздавалось ежедневно около 50,000 денегъ (Польскихъ грошей), во все время дороговизны, ни мало впрочемъ отъ сего не уменьшавшейся ⁴⁰). Сверхъ того, по волѣ Государя, назначены были особенные люди, которые подбирали на улицахъ мертвыя тѣла, обмывали ихъ, завертывали въ бѣлое полотно, обували въ красныя башмаки и вывозили въ *Божій домъ* для погребенія ⁴¹). Безъ содроганія нельзя было смотрѣть на множество труновъ, отправляемыхъ въ семь видѣ за городъ ежедневно! До какой же степени, во время четырехлѣтней всеобщей дороговизны, казна оскудѣла отъ Царскаго милосердія, легко судить изъ слѣдующаго соображенія: самъ я слышалъ отъ нѣкоторыхъ купцевъ и достоверныхъ сановниковъ, что въ одной Москвѣ погибло отъ голода болѣе 500,000 человекъ, которыхъ Его Величество при жизни кормилъ, а по смерти приказалъ одѣть и похоронить на своемъ издѣвленіи ⁴²). Если въ одномъ городѣ была такая смертность, сколько же людей долженствовало погибнуть отъ голода и мора во всемъ Государствѣ, и чего стоило казнѣ погребеніе оныхъ? Страшенъ Божій гнѣвъ, карающій Царства и народы!

Но сколь ни очевидно было наказаніе Не-

1604. бѣсъ, ослѣпленный Борисъ не хотѣлъ смириться и думалъ одною казною своею прекратить бѣдствіе. По изволенію долготерпѣливаго Бога, прибыло изъ Нѣмецкихъ приморскихъ городовъ въ Русскую Нарву нѣсколько кораблей, нагруженныхъ хлѣбомъ, которымъ многія тысячи могли бы прокормиться; но Царь запретилъ Россіянамъ, подѣ смертною казнію, оный покупать, думая, что для него было бы стыдно, если бы въ Россіи, обильной своимъ хлѣбомъ, продавался чужестранный; почему иноземные купцы, не сбывъ товара, возвратились назадъ ³⁴⁾. Послѣ сего, Борисъ велѣлъ освидѣтельствовать свои владѣнія: нашлись на поляхъ огромныя скирды, длиною въ 1000 сажень, болѣе полууѣлка неприкосновенныя и уже поросшіе деревьями. Царь приказалъ немедленно молотить ихъ, и везти хлѣбъ въ Москву и въ другіе города ⁴⁴⁾. Вездѣ отворены были Царскіе хлѣбныя магазины, в нѣсколько тысячъ четвертей ежедневно продавалось за половинную цѣну; бѣднымъ же вдовамъ и сиротамъ, особливо Нѣмцамъ, отпущено было значительное количество безденежно. Князья и Болре, исполняя Царскую волю, сжалились надъ всеобщею нуждою и дешевле обыкновеннаго продавали народу съѣстные припасы. Но къ довершенію бѣдствій, Божій Промыслъ допустилъ преступному сребролюбію овладѣть богатыми Московскими барышниками, которые, скупивъ

за малыя деньги, чрезъ бѣдныхъ людей, нѣсколь- 1604.
ко тысячъ бочекъ муки изъ Царскихъ и Кня-
жескихъ магазинновъ, продавали оную весьма вы-
сокою цѣною: это беззаконіе продолжалось до
тѣхъ поръ, когда Богъ, смягченный гибелію
несчетнаго множества людей, устранилъ одно
бѣдствіе—дороговизну, и послалъ другое—вой-
ну кровопролитную.

Въ Іюнѣ 1604 года прибылъ въ Россію
Императорскій посланникъ, Баронъ фонъ Ло-
гау, изъ Праги, съ значительною свитою; до при-
ѣзда его, отдано было Царское повелѣніе, что-
бы ни одинъ нищій не встрѣчался ему на пути,
и чтобы всѣ рынки, которые могъ онъ видѣть,
изобиловали жизненными потребностями: Борисъ
хотѣлъ истребить и малѣйшій слѣдъ дороговиз-
ны. Въ Москвѣ же, всѣ Князья и Бояре, всѣ
Нѣмцы, Поляки и другіе чужестранцы должны
были нарядиться какъ можно великолѣпнѣе, со-
образно съ Царскимъ достоинствомъ, въ одежды
бархатныя, шелковыя, камчатныя, парчевыя,
подъ опасеніемъ потерять годовой окладъ сво-
его жалованья. Не одному бѣдняку пришлось
покупать для сего товары вдвое дороже обыкно-
веннаго, и многіе нарядились въ такія платья,
какихъ ни сами, ни отцы и дѣды ихъ носятъ
никогда не воображали. Дворяне приготовили
для себя свиты и кафтаны, столь богато выло-
женные позументомъ, что ни одинъ Князь не

1604. постыдился бы надѣть ихъ. Кто былъ пышнѣе другихъ наряженъ, тотъ казался болѣе усерднымъ Царю слугою: ему прибавляли жалованья и помѣстья. Кто же по бѣдности не могъ равняться великолѣпіемъ одежды съ своими товарищами, тому объявляли Царскій гнѣвъ и грозили уменьшить его жалованье, хотя многіе изъ такихъ Дворянъ едва имѣли насущный хлѣбъ и должны были заложить свою одежду, чтобы не умереть съ голода. Угощали посла съ роскошью удивительною: изобиліе яствъ и напитковъ, богатство одеждъ—все скрывало дороговизну, которая таилась въ однихъ сердцахъ и жилищахъ. Ни одинъ Царскій подданный не смѣлъ, подъ опасеніемъ тѣлеснаго наказанія, рассказывать кому либо изъ посольской свиты о великой нуждѣ народной: надобно было говорить, что все дешево, всего въ изобиліи. Смы безполезнымъ высокомѣріемъ Борисъ только раздражилъ Всевышняго; Россія, терзаемая голодомъ и моромъ, испытала новое бѣдствіе: началась война.

Не задолго до этой войны, случились странныя явленія: видны были по ночамъ огненные столпы на небѣ, которые, сталкиваясь другъ съ другомъ, представляли сраженіе воиновъ; они свѣтили подобно мѣсяцу. Иногда восходили двѣ и три луны, два и три солнца вмѣстѣ: страшныя бури низвергали городскія ворота и колокольни; женщины и животныя производили на

свѣтъ множество уродовъ; рыбы исчезали въ 1604. водѣ, птицы въ воздухѣ, дичь въ лѣсахъ; мясо же, употребляемое въ пищу, не имѣло вкуса, сколько его ни приправляли; волки и псы пожирали другъ друга, страшно были въ той странѣ, гдѣ послѣ открылась война, и станицами рыскали по полямъ, такъ, что опасно было выходить на дорогу безъ многихъ провожатыхъ. Въ 8 миляхъ отъ Москвы, Нѣмецкій серебряникъ поймалъ орла и убивъ его привезъ въ Москву. Въ самой столицѣ ловили руками лисицъ, разнаго рода, какъ бурыхъ, такъ и черныхъ; цѣлый годъ такое было множество ихъ, что никто не могъ придумать, откуда онѣ брались. Такъ въ Сентябрь 1604 года, недалеко отъ Дворца, убили черную лисицу, за которую одинъ купецъ заплатилъ 90 рублей.

Москвитяне смотрѣли на сіи чудныя явленія, какъ на предзнаменованія благоденствія; а Татары предсказывали, что вскорѣ многіе народы овладѣютъ Москвою: слова ихъ почти оправдались. Странную же злобу собакъ и волковъ, взаимно пожиравшихъ себя, вопреки пословицы — *волкъ волка не ѣсть*, — изъяснилъ одинъ Татаринъ такимъ образомъ: »Москвитяне, говорилъ онъ, измѣнять сами себѣ, и какъ псы, будутъ лзвить и истреблять другъ друга.«

Были и другіе предвѣстники близкаго несчастія: во всѣхъ сословіяхъ воцарились раздо-

1604. ры и несогласія; никто не довѣрялъ своему ближнему; цѣны товарамъ возвысились немовѣрно; богачи брали росты болѣе жидовскихъ и мусульманскихъ; бѣдныхъ вездѣ притѣсняли. Все продавалось вдвое дороже. Другъ ссужалъ друга не иначе, какъ подъ закладъ, втрое превышавшій занятую сумму, и сверхъ того бралъ по 4 процента еженедѣльно; если же закладъ не былъ выкупленъ въ опредѣленный срокъ, пропадалъ невозвратно. Не буду говорить о пристрастіи къ иноземнымъ обычаямъ и одеждамъ; о нестерпимомъ, глупомъ высокомеріи, о презрѣніи къ ближнимъ, о неумѣренномъ употребленіи пищи и напитковъ, о плутовствѣ и прелюбодѣйствѣ. Все сіе, какъ наводненіе, разлилось въ высшихъ и низшихъ сословіяхъ⁴⁵⁾. — Всевышній не могъ долѣ терпѣть; казнь была необходима: Онъ послалъ мечъ и пламя.

1604 года, во второе воскресенье послѣ Сочествія Святаго Духа, въ самый полдень, явилась на небѣ комета; Россіяне смотрѣли на нее съ удивленіемъ, даже и тѣ, которые не вѣрили предзнаменованіямъ. Царь, замѣтивъ ее, призвалъ къ себѣ одного старика, пріѣхавшаго изъ Германіи за нѣсколько предъ тѣмъ лѣтъ, и спрашивалъ его мнѣнія о новой звѣздѣ, чрезъ Государственнаго Канцлера. »Богъ посылаетъ такіа знаменія, отвѣчалъ сей мужъ, въ предостереженіе великихъ Государей; тамъ, гдѣ они слу-

чаются, обыкновенно бываютъ важныя перемѣны.» Почему совѣтовалъ Царю быть осторожнымъ, оберегать границы и внимательно смотреть за тѣми людьми, которымъ онъ вѣряетъ. «Тебѣ грозить великая опасность!» говорилъ старикъ. Слова его сбылись: въ Сентябрѣ того же года собралось на Русской границѣ до 6000 Казаковъ, по наущенію Монаха Отрепьева, который увѣрилъ ихъ, какъ выше сказано, будто бы законный Русскій Царь живъ и скрывается въ Польшѣ; въ то же время далъ знать мнимому Дмитрію, что Казаки ожидаютъ его на предѣлахъ, что они горятъ желаніемъ сразиться за него съ Борисомъ, что самъ онъ, Отрепьевъ, съ ними и готовъ служить ему совѣтами.

Дмитрій ⁴⁶⁾, уже честный какъ Царевичъ многими Польскими Вельможами, получилъ отъ нихъ значительное вспоможеніе и соединясь съ Казаками, имѣлъ до 8000 воиновъ. Съ этимъ отрядомъ онъ началъ свое дѣло, осадилъ Путивль и, благодаря содѣйствію проклятаго Отрепьева, овладѣлъ симъ пограничнымъ городомъ въ Октябрѣ мѣсяцѣ, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла: жители Путивля покорились ему добровольно, какъ законному Государю.

Вѣсть о семъ происшествіи ужаснула Бориса. Онъ сказалъ Князьямъ и Боярамъ въ глаза, что это было ихъ дѣло (въ чемъ и не ошибся), что они нѣмного и крамолами стараются

1604. свергнуть его съ престола. Между тѣмъ, разослалъ гонцевъ по всему Государству съ повелѣніемъ: всѣмъ Князьямъ, Боярамъ, стрѣльцамъ, иноземцамъ, явиться къ 28 Октября въ Москву непременно, угрожая отнять у послушниковъ имѣніе и самую жизнь. На другой день разослалъ другихъ гонцевъ, а на третій—третьихъ, съ указами такого же содержанія. Въ теченіе одного мѣсяца собралось болѣе 100,000 человекъ: Царь послалъ ихъ, подъ начальствомъ Князя Мстиславскаго, противъ непріятеля къ Новугороду Сѣверскому, куда гнали изъ деревень прочихъ людей воинскихъ. Кто не слушался, былъ наказанъ: иныхъ лишали помѣстья, другихъ сажали въ тюрьму, или сѣкли плетью, такъ, что на спинѣ у нихъ не оставалось и столько цѣлаго мѣста, гдѣ было бы можно уколоть иглою. Сія строгія мѣры принудили всѣхъ ѣхать къ войску, которое, около Мартинова дня, состояло уже почти изъ 200,000 человекъ 47).

Димитрій осадилъ Новгородъ Сѣверскій, но безъ успѣха: Воевода Новгородскій, Петръ Ѳеодоровичъ Басмановъ, оборонялся упорно и много вредилъ непріятелю. Между тѣмъ, подступила главная рать Московская. Самозванецъ, оставивъ осаду, пошелъ ей на встрѣчу: оба войска сразились подъ самымъ Новымъ-городомъ. Димитрій, съ малочисленнымъ отрядомъ своимъ, бросился прямо въ средину враговъ. Битва была

упорная. Князь Мстиславскій получилъ пятнад- 1604.
цать ранъ, и Москвитяне потерпѣли бы вѣр-
ное пораженіе, если бы 700 Нѣмецкихъ всадни-
ковъ сильнымъ ударомъ не поддержали ихъ ⁴⁸⁾.
Димитрій отступилъ и удалился изъ области
Сѣверской. Спаситель Новагорода, Петръ Федо-
ровичъ Басмановъ, прибылъ въ Москву предъ
Валеріановымъ днемъ; Царь наградилъ его весь-
ма щедро за вѣрную службу и храбрость. Вы-
сланы были ему на встрѣчу знатнѣйшіе Князья
и Бояре, которые говорили привѣтствіе отъ
имени Его Величества; онъ вѣхалъ по городу на
Царскихъ санихъ до самаго Дворца; провожали
его такъ точно, какъ Государя. Явившись во
Дворецъ къ Царю, онъ получилъ изъ собствен-
ныхъ рукъ Государя, въ награду за свою храб-
рость, золотое блюдо вѣсомъ въ 6 фунтовъ, на-
сыпанное червонцами; сверхъ того 2000 рублей
⁴⁹⁾; множество серебра изъ Царской казны; по-
мѣстье съ крестьянами, достоинство Боярина и
мѣсто въ Царскомъ Совѣтѣ. Народъ любилъ и
уважалъ его ⁵⁰⁾.

Въ Январѣ 1605 года, Московская рать, изъ
200,000 человекъ состоявшая, опять выступила
противъ Димитрія и 2 Января остановилась при
Добрыничахъ ⁵¹⁾. У Димитрія было всего на
все 15,000 Поляковъ, Казаковъ и Россіянъ. Съ
отрядомъ столь малочисленнымъ онъ устрем-
ляется на враговъ: Москвитяне бѣгутъ и бро-

1605. саюгъ свои пушки. Уже вся рать Годунова казалась совершенно истребленною; но два знамя удержали побѣдоноснаго вепріятеля. Однимъ изъ нихъ начальствовалъ Валтеръ фонъ Розень, Ливонецъ, а другимъ Яковъ Маржереть, Французъ. Воскликнувъ: *Hilf Gott* (помоги, Боже)! сіи иноземцы бросаются на побѣдителя; не даютъ ему преслѣдовать бѣгущихъ Москвитянъ, заставляютъ его бросить отвлтыя у Россіянъ орудія, и въ бѣгствѣ искать спасенія. Преслѣдуя, истребляя войско Димитріево, они безпрестанно призываютъ Бога на помощь. Москвитяне, увидѣвъ торжество малочисленныхъ витязей, ободрились, ударили на враговъ, восклицая также: *Hilf Gott!* и цѣлыя три мили ихъ преслѣдовали, вмѣстѣ съ Нѣмцами, которымъ весьма было забавно слышать, что Россіяне такъ скоро выучились ихъ языку. При семъ случаѣ самъ Димитрій попался было въ плѣнъ: раненный въ ногу конь едва могъ вынести его; да и всѣ 15,000 воиновъ его навѣрное погибли бы до послѣдняго, если бы зложелатели Борисовы не удержали Нѣмцевъ, посылая къ нимъ гонца за гонцемъ съ приказаніемъ прекратить свѣчу и бесполезное кровопролитіе: ибо главные виновники, по ихъ словамъ, были уже пойманы. И такъ Нѣмцы возвратились; Москвитяне полюбили ихъ, выхваляли ихъ храбрость и говорили: «Нѣмецкій Богъ сильнѣе Русскаго; горсть Нѣмцевъ одолѣла; а мы бѣжали тысячами ⁵²).»

Димитрій съ величайшимъ трудомъ достигъ 1605. Рыльска, и думая, что сей городъ не можетъ быть ему безопаснымъ убѣжищемъ, по малочисленности его дружины, пробрался въ Путивль, пограничную крѣпость. Несчастная битва его сокрушала; всѣ Русскіе воины его оставили, исключая нѣсколько сотенъ Казаковъ, которые еще держались въ ничтожномъ гнѣздѣ—Кромахъ. Москвитяне же, послѣ побѣды, занимались казню своихъ единовѣрцевъ, присягнувшихъ Димитрію въ Комарницкой волости ⁵³): они повѣсили на деревьяхъ за ноги нѣсколько тысячъ крестьянъ, съ женами и дѣтьми, и стрѣляли въ нихъ изъ ружей. Далеко были слышны вопли сихъ несчастныхъ!

Но злодѣи Борисовы не дремали: тайно совѣтовали Димитрію не терять бодрости отъ неудачнаго сраженія, коего виною были Нѣмцы; обѣщали склонить сихъ послѣднихъ на его сторону; просили только, чтобы онъ разсылалъ по Россіи грамоты, съ доказательствами права своего на Русскій престолъ, и съ увѣщаніемъ къ народу признать его Государемъ. Димитрій слѣдовалъ сему совѣту: объявилъ подробно, сколько было ему лѣтъ, когда хотѣли его умертвить; кто замышлялъ на жизнь его; кто былъ его спасителемъ, крестнымъ отцемъ; какъ воспитывали его въ Бѣлоруссіи, какъ помогали ему Польскіе Вельможи, и какимъ обра-

1605. зомъ, за нѣсколько предъ тѣмъ лѣтъ, онъ пріѣзжалъ съ Польскимъ посломъ, Великимъ Канцлеромъ Сапѣгою, въ Москву, гдѣ видѣлъ на прародительскомъ престолѣ злодѣя своего, Бориса. Сія грамоты, разсыланныя въ разныхъ мѣстахъ Государства, имѣли удачное слѣдствіе: многіе Россіяне явились въ Путивль и признали Димитрія Государемъ.

Между тѣмъ, Борисъ прислалъ Воеводамъ своимъ, стоявшимъ въ лагерь при Добрыничахъ, 10 тысячъ рублей, съ повелѣніемъ изъяснить Нѣмцамъ свою признательность за вѣрную ихъ службу, выдать имъ полное жалованье, и сказать, что если они всегда столь же вѣрно будутъ служить ему, то получать прибавку годовыхъ окладовъ и помѣстьевъ, что Царь раздѣлитъ съ ними и послѣднюю рубаху; главному же Полководцу, Князю Мстиславскому, приказалъ всѣми силами осадить Кромь, взять сію крѣпость непремѣнно и истребить скопище Казачьяго Атамана Корелы ⁵⁴). Многіе Вельможи однако были недовольны Царемъ за то, что онъ назначилъ Князя Катырева ⁵⁵) въ товарищи Мстиславскому, еще не совсѣмъ излечившемуся отъ 15 ранъ и съ нѣсколькими тысячами передались Димитрію.

Мстиславскій и товарищъ его осадили гнѣздо мятежниковъ: иноземцы сожгли деревянныя укрѣпленія онаго, такъ, что ни одного дома

не уцѣлѣло; но Казаки обвели городъ рвомъ, на- 1605.
сыпали валъ, а подъ валомъ вырыли землянки,
гдѣ скрывались, какъ мыши, отъ пушечныхъ вы-
стрѣловъ. Изъ главнаго рва они прокопали нѣ-
сколько небольшихъ, откуда выползали на Мо-
сковитянъ и отражали ихъ приступы. Если же
Москвитяне устремлялись къ городу всѣми си-
лами, Казаки немедленно уходили въ свои норы
и тамъ ожидали враговъ, которые однакожь
не осмѣливались нападать на нихъ въ семь убѣ-
жищъ.—Около трехъ мѣсяцевъ войско Борисово
стояло подъ Кромами, изтратило множество огне-
стрѣльныхъ снарядовъ и ничего не сдѣлало; из-
мѣна Боярь была очевидна: присланные Дими-
тріемъ изъ Путивля 500 Казаковъ, среди бѣлаго
дня, провезши въ городъ съѣстные припасы на 100
подводахъ, пробравшись чрезъ одинъ изъ Рус-
скихъ лагерей, такъ, что въ другомъ сего не за-
мѣтили ⁵⁶⁾: столь явная измѣна побудила Вое-
водъ немедленно донести Государю, что они въ
крайней опасности, что Царская рать со дня на
день уменьшается, а войско Димитріево усили-
вается предательствомъ Боярь и толпами Поля-
ковъ, что наконецъ не остается и надежды одо-
лѣть Самозванца. Сраженный этою вѣстію, Бо-
рисъ принялъ ядъ. Утромъ 13 Апрѣля онъ былъ
еще здоровъ и свѣжъ, а къ вечеру скончался ⁵⁷⁾.
На другой день его похоронили вмѣстѣ съ про-
чими Царями. Друзья его сокрушались не мало.

1605. Бориса постигла почти такая же участь, какую приготовилъ онъ истинному Царевичу Димитрію: и тотъ, и другой погибли насильственною смертію. Сколько ни покушались разные люди на жизнь Годунова во все время его царствованія; но онъ не имѣлъ утѣшенія умереть отъ руки непріятеля, и былъ самъ себѣ палачемъ. Грѣшная совѣсть — робкая тварь! Онъ царствовалъ слишкомъ шесть лѣтъ, съ 1 Сентября 1598 года по 13 Апрѣля 1605.

Г Л А В А IV.

Царствованіе Θεодора Борисовича.

· 1605.

Басмановъ — главный вождь. Измѣна войска. Вѣрность Намѣстца. Мятежъ въ Красномъ селѣ. Бунтъ въ столицѣ. Зашоченіе Царскаго семейства и всего рода Годуновыхъ. Бѣдшіе врачи иноземныхъ. Самозванецъ въ Серпуховѣ. Убіеніе Θεодора и мащери его.

16 Апрѣля 1605 года, Петръ Θεодоровичъ Басмановъ, возведенный Борисомъ, какъ выше сказано, въ достоинство Боярина, посланъ былъ подъ Кромь, на мѣсто Воеводы Мстиславскаго, котораго отозвали ко Двору, для управленія

внутренними дѣлами, въ помощь юному Госу. 1605. дарю. Прибывъ въ Кромской станъ, Басмановъ привелъ воинство къ присягѣ новому Царю; но эту присягу Россіане исполняли такъ точно, какъ голодный пѣсъ наблюдаетъ постъ: не прошло и трехъ недѣль, а Воеводы со всѣмъ войскомъ уже измѣнили сыну Борисову! Это случилось 7 Мая; одни только Нѣмцы, удалившіеся въ Москву, остались вѣрными Государю, который изъявилъ имъ милость и благодарилъ ихъ предъ цѣлымъ народомъ. Воеводы же Кромскіе, большею частію, явились въ Путивль въ Дмитрію и съ восхищеніемъ смотрѣли на своего новаго Царя; потомъ проводили его въ Кромы ⁵⁸). Онъ, между тѣмъ, посылалъ гонца за гонцемъ съ письмами къ Москвитянамъ, совѣтовалъ имъ одуматься заблаговременно, убѣждалъ покориться ему, какъ истинному Государю, и истребить враговъ его, Годуновыхъ, обѣщая милость въ случаѣ повиновенія и угрожая гнѣвомъ, если заставятъ его притти въ Москву съ войскомъ. Годуновы приказали схватить сихъ гонцевъ и замучить до смерти.

1 Іюня прибылъ знатный Бояринъ въ Красное село, подмосковное Царское помѣстье, гдѣ жили богатые купцы и серебрянники, имѣвшие въ Москвѣ друзей и родныхъ; сей Бояринъ ⁵⁹) привезъ грамоту, въ коей Дмитрій писалъ къ жителямъ Красносельскимъ, что онъ присылалъ

1605. и въ Красное село, и въ столицу многихъ гонцевъ, изъ коихъ ни одинъ не только не возвратился, но и въ живыхъ не остался; что не зная, народъ, или Годуновы ихъ погубили, онъ хочетъ непременно открыть виновниковъ такого злодѣянія, и для сего отправляетъ послѣдняго гонца къ нимъ, Красносельцамъ, которые, какъ ему извѣстно, не имѣютъ дѣла ни съ кѣмъ изъ Годуновыхъ. »Если же и сей гонецъ не возвратится съ удовлетворительнымъ отвѣтомъ, писалъ Димитрій, то знайте, что и младенцамъ въ матерней утробѣ пощады не будетъ; а если онъ привезетъ повинную отъ васъ грамоту, оставайтесь покойны: я не злопамятенъ!«

Красносельцы приняли гонца почтительно, многочисленную толпою проводили его въ Москву до главной церкви, называемой Иерусалимомъ, и возвели на Лобное мѣсто, откуда онъ читалъ грамоту къ жителямъ столицы. Граждане Московскіе и Красносельскіе, выслушавъ гонца, разсуждали, что преданность Князей, Бояръ, всего Государства Димитрію, доказываетъ неоспоримое право его на престолъ, что время подумать о собственной участи: уже Димитрій приближается съ войскомъ, противъ коего не возможно устоять; а Москва не имѣетъ людей ратныхъ; одни же Годуновы, несправедно завладѣвшіе престоломъ, не могутъ защитить гражданъ, которые должны погибнуть неминуемо, если

сами не откроютъ глазъ и не примутъ мѣръ 1605. для собственной безопасности и для пользы всего Государства. Наконецъ опредѣлили единогласно: не огорчая и не раздражая Димитрія бесполезною медленностію, послать къ нему повинную грамоту, съ раскаяніемъ въ прежнихъ поступкахъ, и молить его о милосердіи; а кровожадныхъ Годуновыхъ, заставившихъ Царевича въ бѣгствѣ искать спасенія, взять подъ стражу ⁶⁰).

Между тѣмъ, прибѣгаютъ изъ Дворца преданные Годуновымъ Бояре и хотятъ схватить приславнаго Димитріемъ; но уже поздно: отъ нихъ требуютъ отвѣта, куда дѣвались прежніе гонцы? и съ симъ словомъ всѣ граждане возмывались. «Да здравствуетъ Димитрій! воскликнули они единогласно, мы были во тѣмъ крѣпкой! Красное солнце наше восходить!» Потомъ съ неистовствомъ бросились во Дворецъ, славили имя Димитрія и поносили Годунова со всѣмъ родомъ его такими словами, что и сказать невозможно. Никто не вспомнилъ добрыхъ дѣлъ Царя, 8 лѣтъ благотворившаго Государству; все было забыто, какъ будто ничего не бывало! Схватили вдову его, дочь его, самого сына, коему недавно присягнули, и приставили къ нимъ стражу; а прочихъ его родственниковъ раздѣли до-нага, оковали цѣпями, посадили въ навозныя телеги, взяли чрезъ пни и колоды,

1605. безъ покова и тюфяковъ, въ ненастное время, за нѣсколько миль отъ Москвы — и бросили въ темницы. Дворы ихъ, между тѣмъ, были разграблены. Одни изъ сихъ несчастныхъ погибали еще дорогою, другіе въ темницахъ съ голоду. Надъ ними-то исполнилось изреченіе Пророка: »Въ плѣнъ увлекутся сильныя, въ нуждѣ и горестяхъ погибнутъ роскошныя.« Юный Царь, уже сведенный съ престола, вмѣстѣ съ матерью и сестрою былъ заключенъ въ домъ, принадлежавшемъ покойному отцу его.

Повеселившись такимъ образомъ на счетъ Годуновыхъ, Москвитяне хотѣли попировать въ Царскихъ погребахъ, и какъ во Дворцѣ уже не было Господина, то они объявили о своемъ желаніи старому Боярину Бѣльскому, который называлъ себя крестнымъ отцемъ Димитрія. Сей Вельможа не задолго предъ тѣмъ, уже по смерти Бориса, возвратился изъ ссылки и хотя болѣе всѣхъ старался вредить Годуновымъ; однакожь не допустилъ народа до исполненія его намѣренія, объявивъ ласково, сколь будетъ не хорошо, когда пріѣдетъ Димитрій и найдетъ погреба свои пустыми. При семъ случаѣ Бѣльскій рѣшился излить злобу на врачей Нѣмецкихъ, на коихъ онъ злился за то, что исправлявшій прежде ихъ должность врача Борисова, Капитанъ Габріель выщипалъ ему бороду по Царскому повелѣнію; этотъ докторъ давно уже умеръ, но

для Бѣльскаго было все равно: онъ шепнулъ на- 1605.
 роду, что врачи иноземные были душою и со-
 вѣтниками Бориса, получали отъ него несмѣт-
 ные богатства и наполнили погреба свои вся-
 кими винами; что граждане могутъ попиро-
 вать у нихъ и напиться какъ угодно; онъ же
 беретъ всю отвѣтственность на себя. Толпы
 черни бросились немедленно въ дома врачей, и
 получивъ дозволеніе повеселиться на ихъ счетъ,
 не токмо осушили всѣ бочки, но и самое имѣ-
 ніе хозяевъ разграбили, причинивъ убытку отъ
 2 до 3 тысячъ талеровъ. При семъ случаѣ многіе
 честные люди, вовсе посторонніе, лишились по-
 слѣдняго имущества, которое они перевезли изъ
 загородныхъ мѣстечекъ и спрятали въ доктор-
 скихъ домахъ, надѣясь тамъ лучше спасти оное
 отъ приближавшагося воинства. *Въ ту жь пору*
имъ было похмелье.

3 Іюня послана Димитрію, повинная грамота
 отъ имени всѣхъ жителей Московскихъ съ прось-
 бою оказать имъ милость, какъ вѣрнымъ под-
 даннымъ, и пожаловать въ Москву, гдѣ изъ всѣхъ
 враговъ его остался въ живыхъ одинъ молодой
 Феодоръ съ матерью и сестрою, крѣпко стере-
 гомый и слѣдовательно уже неопасный.

Димитрій отвѣчалъ изъ Серпухова, что онъ
 вступить въ Москву только тогда, когда враги
 его будутъ истреблены до послѣдняго, и что
 если Москвитяне хотятъ быть у него въ миро-

1605. сти, юный Ѳеодоръ и мать его должны быть преданы смерти. Сей указъ полученъ въ столицѣ 10 Іюня; его прочитали и немедленно исполнили: Ѳеодора и мать его удавили въ темницѣ ⁶¹⁾; а дочь Борисову, невѣсту Іоанна Герцога Датскаго, коему Богъ не продлилъ жизни, отвели въ Дѣвичій монастырь, откуда въ послѣдствіи взялъ ее Димитрій себѣ въ наложницы ⁶²⁾. Сдѣлали два гроба: въ одинъ положили мать, въ другой сына; потомъ вырыли отца, и всѣхъ троихъ погребли на Срѣтенскомъ кладбищѣ — безъ всякихъ обрядовъ ⁶³⁾.

Такъ погибъ родъ Бориса Годунова, достигшій до такой степени величія, до коей не восходилъ еще никто, во все время существованія Русскаго Царства. Борисъ былъ самъ виною своего бѣдствія: умертвивъ сына стараго тирана и овладѣвъ престоломъ посредствомъ хитрости и коварства, онъ воспламенилъ войну, которая низринула его. Объ немъ можно справедливо сказать: жилъ какъ левъ, царствовалъ какъ лисица, умеръ какъ собака. Сынъ его Ѳеодоръ считался Царемъ 2 мѣсяца безъ двухъ дней; коронованъ не былъ ⁶⁴⁾,

Г Л А В А V.

Царствованіе Дмитрія І.

1605—1606.

Самозванецъ подъ Москвою. Преданность народа. Милость Нѣмцамъ. Вшестіе въ столицу. Свиданіе съ матерью Св. Дмитрія. Свойства обманщика. Обрученіе съ Мариною. Первый поводъ къ неудовольствію. Гвардія. Кашипанъ Маржеретъ. Приписаніе Духовенства. Неудача Шуйскаго. Воинскія поѣздки. Прибытіе Марины. Всеобщее недовольствіе. Заговоръ Шуйскаго. Свадьба. Возстаніе Москвы и смерть Лжедмитрія.

Димитрій, узнавъ, что враговъ его не стало, выступилъ изъ Серпухова со всѣмъ войскомъ и расположился лагеремъ на милю отъ Москвы; здѣсь онъ пробылъ двое сутокъ, чтобы развѣдать, между тѣмъ, мысли народныя; Москвитяне старались доказать свою преданность и въ изъясненіе радости о благополучномъ его прибытіи, поднесли ему хлѣбъ-соль (несомнѣнное свидѣтельство глубочайшаго почтенія, по Русскому обычаю), съ напитками и богатыми дарами, состоявшими въ золотѣ, драгоценныхъ камняхъ, жемчугъ. Увѣренный въ покорности народа, онъ объявлялъ, что все прошедшее предаетъ забвенію, что будетъ не Царемъ, а отцемъ своихъ подданныхъ, и что приложить неусыпное попеченіе объ ихъ благоденствіи.

1605. 20 Іюня знатнѣйшіе Вельможи поднесли Димитрію богатѣя одежды, парчевыя, бархатныя, шелковыя, увязанныя жемчугомъ и драгоценными каменьями, и убѣждали его принять безъ отлагательства прародительскую корону, милосердіемъ Творца такъ скоро ему возвращенную; говорили, что все для него готово, что ему нечего опасаться и печалиться, а должно веселиться; ибо тотъ, кто хотѣлъ съѣсть его, теперь не укуситъ.

Въ сей же день, всѣ Нѣмцы отправились къ Димитрію въ лагерь съ просьбою не гнѣваться на нихъ за пораженіе при Добрыничахъ, когда и долгъ присяги, и совѣсть повелѣвали имъ быть вѣрными Царю своему, Борису; нынѣ, видя на престолѣ Димитрія, они готовы съ тою же вѣрностію служить и ему. Принявъ сію челюбитную, новый Царь призвалъ къ себѣ начальниковъ Нѣмецкой дружины, изъявилъ имъ не гнѣвъ, не угрозы, которыхъ они большою частію ожидали, но ласки и благоволеніе; хвалилъ ихъ за непоколебимое мужество при Добрыничахъ, гдѣ они обратили его въ бѣгство и почти всю силу его истребили; хвалилъ и за упорное сопротивленіе подъ Кромами, гдѣ они явили новый знакъ преданности Борису, не хотѣли измѣнить съ прочимъ войскомъ, и возвратились въ Москву; въ заключеніе сказалъ, что онъ будетъ доволенъ, если увидитъ отъ нихъ такую же услугу, и что

имъ вѣрить болѣе, нежели своимъ Русскимъ. 1605.
Потомъ спросилъ : »Кто былъ знаменосцемъ въ
Добрынской битвѣ?» Сей немедленно явился. Ди-
митрій , потрепавъ его по щекѣ и по груди,
примолвилъ: »Сохрани насъ, Боже, отъ зла!»

Наконецъ онъ вступилъ въ Москву ⁶⁵⁾; ко-
гда кончилось шествіе и все было приведено
въ порядокъ, Богданъ Бѣльскій вышелъ изъ
Дворца съ нѣсколькими Князьями и Боярами,
сталъ на Лобномъ мѣстѣ, произнесъ къ народу
речь, славилъ Бога за спасеніе Государя и убѣж-
далъ Москвитянъ быть вѣрными новому Царю,
истинному сыну Іоанна Васильевича; потомъ
снялъ съ груди своей крестъ, съ ликомъ Чудо-
творца Николая, поцѣловалъ оный и восклик-
нулъ: »Брегите и чтите своего Государя!» Народъ
отвѣчалъ въ одинъ голосъ: »Богъ да сохранить
Царя Государя и погубить всѣхъ враговъ его!»

29 Іюня, въ субботу, Димитрій короновал-
ся въ церкви Пречистой Богоматери по Русско-
му обычаю, съ тѣми же обрядами, о коихъ бы-
ло сказано выше, по случаю вѣнчанія Годуно-
ва.

18 Іюля Димитрій послалъ нѣсколько ты-
сячъ всадниковъ въ Троицкій ⁶⁶⁾ монастырь за
своею матерью, постриженною въ Инокини по
волю Борисовой; да и самъ выѣхалъ ей на
встрѣчу. Увидѣвъ другъ друга, они обнялись,
изъявляя радость неопisanную. Старая Царица

1605. весьма искусно представила нѣжную мать, хотя на душѣ у нея было совсѣмъ другое: по крайней мѣрѣ она опять стала Царицею. Димитрій нѣшкомъ провождалъ ея карету; многіе при семъ зрѣлищѣ плакали отъ умиленія и дивились несповѣдимымъ путямъ Божиимъ. Потомъ Царь снова сѣлъ на лошадь и ускакалъ впередъ съ своими Вельможами, для приготовленій къ принятію Царицы. Въ послѣдствіи онъ отѣлалъ для нея въ самомъ Кремлѣ, у воротъ Іерусалимскихъ противъ монастыря Св. Кирилла, богатые покои, которые назвалъ монастыремъ своей матери; назначилъ ей Царское содержаніе, посѣщалъ ее каждый день и оказывалъ самую нѣжную почтительность. Многіе готовы были присягнуть, что онъ сынъ ея.

Не проходило дня, когда бы Царь не присутствовалъ въ Совѣтѣ, гдѣ Сенаторы докладывали ему дѣла Государственныя и подавали объ оныхъ свои мнѣнія ⁶⁷⁾. Иногда, слушая долговременныя, безплодныя прѣвія ихъ, онъ смѣялся и говорилъ: »Столько часовъ вы разсуждаете, и все безъ толку! Такъ я вамъ скажу, дѣло жвотъ въ чемъ!« — и въ минуту, ко всеобщему удивленію, рѣшалъ такіа дѣла, надъ которыми сановитые Бояре долго ломали свои головы. Онъ владѣлъ убѣдительнымъ даромъ краснорѣчія, любилъ приводить примѣры изъ Бытописаній разныхъ народовъ, или разсказывать случаи соб-

ственной жизни; нерѣдко, впрочемъ всегда ла- 1605.
сково, упрекалъ господъ Сенаторовъ въ невѣже-
ствѣ, говоря, что они ничего не видали, ниче-
му не учились; обѣщаль дозволить имъ посѣ-
щать чужія земли, гдѣ могли бы они хотя нѣ-
сколько образовать себя; велѣлъ объявить на-
роду, что два раза въ недѣлю, по средамъ и
субботамъ, будетъ самъ принимать на крыльцѣ
челобитныя; а въ облегченіе бѣднаковъ, изну-
ряемыхъ долговременными тяжбами, предписалъ
всѣмъ Приказамъ рѣшать дѣла безъ всякихъ по-
суловъ. Сверхъ-того, какъ Россіянамъ, такъ и
чужеземцамъ, даровалъ свободу въ торговлѣ и
промышленности. Отъ сихъ мѣръ, дорожна
мало по малу исчезла и обиліе водворилось въ
Государствѣ. За столомъ онъ охотно слушалъ
музыку и пѣніе; но отмѣнилъ многіе обряды,
напримѣръ, не молился иконамъ предъ нача-
ломъ обѣда, и не умывалъ рукъ по окончаніи
оного; чему удивляясь закоренѣлые въ предраз-
судкахъ Москвитяне ⁶⁸⁾, уже стали подозрѣвать,
точно ли новый Царь—природный Россіянинъ?
Эта мысль сокрушала ихъ. Послѣ обѣда, онъ
не любилъ отдыхать, вопреки обычаю прежнихъ
Царей и всѣхъ вообще Москвитянъ, а осматри-
валъ сокровища своей казны, посѣщаль аптеки
и лавки серебрянниковъ; для сего нерѣдко вы-
ходилъ изъ Дворца самъ-другъ и такъ тихо,
что стражцы, не замѣтивъ, какъ онъ вышелъ,

1605. должны быть искать его. Это казалось не менѣе страннымъ: ибо въ старину, Русскіе Цари, желая быть величественнѣе, не иначе переходили изъ одной комнаты въ другую, какъ съ толпою Князей, которые вели ихъ подѣ руки, или лучше сказать, переносили; отправляясь въ церковь, онѣ ѣздили не въ каретѣ, а верхомъ на конѣ, и притомъ не на смирномъ; садился же на него не такъ, какъ прежніе Цари, которые становились на скамью, подставляемую двумя Боярами, и влезали на лошадь: Димитрій, взявъ одною рукою поводъ, другою едва прикасался къ сѣдлу, уже былъ на конѣ, и ни одинъ ѣздокъ не могъ сравниться съ нимъ въ искусствѣ и ловкости; нерѣдко онѣ забавлялся конскимъ ристаніемъ, также охотою соколиною и псовой; однажды самъ убилъ огромнаго медвѣдя, котораго спустили съ цѣпи въ селѣ Тайнинскомъ, вопреки желанію Князей и Бояръ. Для сего завелъ превосходныхъ соколовъ, собакъ борзыхъ и гончихъ, а для медвѣжьей травли Англійскихъ договъ. Между тѣмъ, приказавъ снѣть множество пушекъ и мортиръ, отправилъ ихъ въ Елецъ ⁶⁹⁾, городъ стоящій на Татарской границѣ, — намѣреваясь въ слѣдующее лѣто посѣгнуть враговъ Христіанства, Татаръ и Турковъ. Узнавъ о семъ предпріятіи, Татарскій Ханъ спѣшилъ удалиться въ степь изъ столицы своей, Азова. Въ Кремлѣ Димитрій построилъ для себя и будущей супруги

своей великолѣпныя палаты. Однимъ словомъ, 1605. его глаза и уши, руки и ноги, рѣчи и поступки—все доказывало, что онъ былъ совсѣмъ другой Гекторъ, воспитанный въ доброй школѣ, много видѣвшій и много испытавшій.

Не забывая услугъ Воеводы Сендомирскаго и помня свое обѣщаніе жениться на дочери его, Маринѣ, Димитрій отправилъ къ нему для сватовства, въ Сентябрѣ 1605 года, Государственнаго Канцлера Аѳанасія Ивановича Власьева, съ богатыми для невѣсты подарками, золотыми цѣпями, кольцами, деньгами 70). Въ слѣдствіе сего, съ дозволенія Его Величества Короля и Государственныхъ чиновъ Польскихъ, совершилось торжественное обрученіе. Россіяне были весьма недовольны симъ поступкомъ: давно уже они замѣтили, что попались въ сѣти обманщика; теперь же, узнавъ о сватовствѣ Димитрія на дѣвицѣ племени поганнаго (т. е. некрещенаго, невѣрнаго: такъ величаютъ они всѣхъ иноземцевъ), еще болѣе удостовѣрились, что Царь ихъ былъ не Россіянинъ. Три брата Шуйскихъ, имѣя тайныя сношенія съ Попами и Монахами во всемъ Государствѣ, затѣяли свергнуть его съ престола; но замыселъ ихъ заблаговременно открылся. Съ тѣхъ поръ Димитрій, не довѣряя Князьямъ и Боярамъ, учредилъ охранительную стражу изъ однихъ Нѣмцевъ; а въ Январѣ 1606 года, назначилъ ей трехъ Капитановъ: старшимъ изъ

1605. нихъ былъ Яковъ Маржеретъ, родомъ Французъ, человекъ весьма разумный, хорошо знавшій языкъ Нѣмецкій; дружина его состояла изъ сотни копьеносцевъ, вооруженныхъ бердышами съ золотымъ Царскимъ гербомъ; древки оныхъ, обтянутые краснымъ бархатомъ, прикрѣпленнымъ вызолоченными серебряными гвоздями, были увиты серебряною проволокою, украшены серебряными и золотыми кистями. Этой сотнѣ, чрезъ каждые три мѣсяца, производилось такое жалованье, что воины большею частію могли носить плащи бархатные, обшитые золотымъ позументомъ, и вообще одѣваться весьма богато. Ливонецъ Кнутсень былъ Капитаномъ второй сотни Алебарщиковъ:—они имѣли алебарды съ Царскимъ гербомъ по обѣимъ сторонамъ, и носили кафтаны фіолетоваго цвѣта, обшитые красными бархатными снурками; рукава же оныхъ были изъ красной камки. Третьимъ Капитаномъ былъ Шотландецъ Албертъ Вандеманъ, прежде называвшійся Панъ-Нотницкимъ, потому, что онъ долго жилъ между Поляками. Его отрядъ состоялъ также изъ сотни Алебарщиковъ, которые оружіемъ не отличались отъ воиновъ второй сотни, но исподнее платье и кафтаны ихъ имѣли зеленую бархатную обшивку, а рукава были изъ зеленой камки. Всѣ они, получая хорошіе оклады, не мало гордились и поднимали носъ. Эта гвардія раздѣлялась на

двѣ половины, которыя смѣнялись чрезъ сутки, 1605. охраняя Димитрія денно и ночью. Господа Москвитяне смотрѣли на нее весьма неблагоклонно. «Оневидно, говорили они, что Царь насъ не любить и намъ не вѣрить. Чего же намъ ждать, когда прїѣдетъ изъ Польши невѣста и привезетъ съ собою Поляковъ? Сколько тогда накопится иноземной сволочи!»

Димитрій вскорѣ далъ новый поводъ къ негодованію народному: онъ велѣлъ осмѣтрѣть монастыри, представить вѣдомость ихъ доходамъ, оцѣнить ихъ помѣстья и оставивъ изъ оныхъ только необходимое для содержанія праздныхъ Монаховъ, все прочее отобралъ въ казну на жалованье войску, готовившемуся въ походъ противъ враговъ Христіанства; сверхъ того, принудилъ Арбатскихъ и Чертольскихъ Священниковъ уступить Нѣмцамъ свои дома, находившіеся вблизи Дворца, для того, чтобы въ случаѣ надобности имѣть подъ рукою вѣрныхъ тѣлохранителей. *«Пора за дѣло, бѣда за плечами,»* думалъ старшій изъ братьевъ Шуйскихъ, Князь Василій Ивановичъ, и спѣшилъ воспользоваться временемъ: имѣя въ Москвѣ многихъ сообщниковъ, онъ составилъ заговоръ, коего цѣлію было—до прибытія новыхъ чужеземцевъ, умертвить Царя, со всѣми людьми, ему преданными.

Но умыселъ обнаружился: многіе Священники и стрѣльцы, въ мученіяхъ пытки, при-

1605. знали, что Князь Васи́лій Шу́йскій былъ главнымъ всему виновникомъ. Поны отдавались одною пыткой; а стрѣльцевъ Димитрій отдалъ на произволъ ихъ товарищей, объявивъ, что только тотъ будетъ признанъ не участвующимъ въ заговоръ, кто наложитъ руку на виновныхъ. Всѣ вѣрные стрѣльцы бросились на измѣнниковъ и, подобно псамъ, растерзали ихъ зубами, въ доказательство своей невинности 7¹). Начальникъ же заговора, Князь Васи́лій Ивановичъ, по приказанію Царя, взятъ былъ подѣ стражу, наказанъ плетями и осужденъ на смерть. Его вывели на мѣсто казни, между Дворцомъ и каменными лавками; тамъ прочли смертный приговоръ; палачъ раздѣлъ осужденнаго, подвелъ его къ ямѣ, и уже готовъ былъ отсѣчь ему голову — какъ вдругъ увидѣли бѣгущаго изъ Дворца Намѣста, который держалъ въ рукахъ Царскую грамоту и еще издали кричалъ палачу: *стой!* Онъ объявилъ, что Царь, простивъ многихъ измѣнниковъ, милуетъ и сего преступника для знатнаго рода его, требуя одного обѣщанія не замышлять новой измѣны 7²).

Это неумѣстное милосердіе принесло гибельные плоды, какъ ниже увидимъ. Гораздо было бы лучше, если бы Димитрій казнилъ крамольника, уличеннаго въ явную измѣну; онъ не думалъ, что тотъ, кому даровалъ жизнь, будетъ въ послѣдствіи виною его злосчастія: ему каза-

лось, что строгое наказаніе Шуйскаго, отниметь 1605. охоту у другихъ къ подобнымъ покушеніямъ. И такъ безстрашный Царь былъ совершенно спокоенъ. Коварные Князья и Бояре старались еще болѣе усыпить его, вели себя скромно, ничего не затѣвали, ѣздили съ Димитріемъ на охоту и участвовали во всѣхъ его забавахъ.

Въ 30 верстахъ отъ Москвы, есть обитель Вяземская: Царь велѣлъ обвести ее ледяною крѣпостью и прибылъ туда съ Нѣмецкою гвардіею, двумя отрядами Польской конницы, также со всеми Боярами, въ намѣреніи показать имъ искусство осаждать крѣпости. Для сего конницу расположилъ въ недалекомъ разстояніи отъ монастыря; Князьямъ и Боярамъ поручилъ защищать крѣпость, назначивъ одного изъ нихъ Воеводою, а самъ, предводительствуя Нѣмцами, пошелъ на приступъ; воинамъ, вмѣсто оружія, дали снѣжные комья. Въ первый день потѣха была чудесная. Только Нѣмцы переранили многихъ Бояръ, бросая въ нихъ, вмѣстѣ съ снѣгомъ, камнями. Знали, чѣмъ взять! Царь первый ворвался въ крѣпость; за нимъ вся гвардія. Торжествуя побѣду, онъ говорилъ Коменданту ледяной крѣпости, «Дай Боже! взять со временемъ такимъ же образомъ и Азовъ.» Потомъ велѣлъ готовиться къ новой потѣхѣ; между тѣмъ, подали пива, меду, вина—и всѣ пили за общее здоровіе. Въ сіе время подходитъ къ Царю одинъ Бо-

1606. Яринъ и просить его оставить такіа забавы: ибо, говорилъ онъ, Бояре весьма сердиты на Нѣмцевъ, которые осмѣлились бросать въ нихъ каменьями; не забудь, что между Князьями и Боярами много тебѣ зложелателей; каждый изъ нихъ имѣетъ по длинному острому ножу; а у тебя съ Нѣмцами одни снѣжные комки. Не вышло бы худой шутки! Царь одумался, прекратилъ потѣхи и возвратился въ Москву; вскоре узналъ онъ, что Бояре въ самомъ дѣлѣ хотѣли погубить его съ Нѣмцами, распустивъ молву, будто бы Царь далъ приказаніе Польскимъ всадникамъ и Нѣмецкимъ тѣлохранителямъ умертвить Вельможъ. Честнымъ Нѣмцамъ и въ умѣ не приходило такое злодѣйство.

Около сего же времени, Димитрій, получивъ пріятную вѣсть о приближеніи своей невѣсты къ предѣламъ Россіи, немедленно отправилъ для ея путешествія 15,000 рублей, а Смоленскимъ дворянамъ предписалъ встрѣтить ее со всеми спутниками почтительно, угостить какъ Царицу, и проводить до самаго Дорогобужа. Такое же приказаніе послалъ въ Дорогобужъ, Вязьму, Царево-Займище, Можайскъ, повелѣвая принимать невѣсту, какъ его самого. Отъ Смоленской границы вплоть до Кремля исправили дороги; на рѣкахъ построили мосты, а улицы такъ чисто вывели, что ни въ какомъ домѣ не могло быть опрятнѣе.

Между тѣмъ, какъ Царская невѣста съ отцемъ и братомъ праздновала въ Можайскѣ Святлое Воскресеніе, Димитрій, выѣхавъ изъ столицы тайно, съ немногими людьми, изумилъ любезныхъ гостей нечаяннымъ прибытіемъ. Онъ провелъ съ ними двое сутокъ; потомъ возвратился въ Москву, и отдалъ приказаніе приготовить все нужное для ихъ встрѣчи.

На другой день Пасхи, 24 Апрѣля, пріѣхалъ въ Москву Воевода Сендомирскій, отецъ Марины: его пышно встрѣтили Князья, Бояре и стрѣльцы. А черезъ пять дней, 1 Мая, и Царская невѣста пожаловала. Димитрій, выславъ къ ней на встрѣчу весь дворъ и до 100,000 Казаковъ, Татаръ, стрѣльцевъ, въ богатѣйшихъ одеждахъ, самъ нарядился въ простое платье, выѣхалъ за городъ верхомъ и устроилъ войско по обѣимъ сторонамъ дороги; потомъ возвратился въ Кремль, приказавъ вывести 12 верховыхъ коней въ богатыхъ чепракахъ и сѣдлахъ, подъ дорогими покрывалами изъ мѣховъ рысскихъ и барсовыхъ, съ золотыми удилами, съ серебряными стременами; 12 конюховъ, въ великолѣпной одеждѣ, вели сихъ коней въ подарокъ невѣстѣ. За ними слѣдовала карета, запряженная 12 бѣлыми лошадьми, обитая внутри краснымъ бархатомъ съ парчевыми подушками, унизанными жемчугомъ. Князь Мстиславскій сказалъ невѣстѣ отъ имени Царя, привѣтственную рѣчь; встрѣ-

1606. тѣлъ весьма почтительно какъ ее, такъ брата и зятя ея, со всѣми спутниками, исполняя въ точности волю своего Государя. Вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ ее пересѣсть въ Царскую карету и принять оную въ подарокъ. Какъ скоро Марина поднялась съ мѣста, знатнѣйшія особы взяли ее на руки съ почтеніемъ и посадили. Тогда началось шествіе: впереди было 300 гайдуковъ, которые играли на флейтахъ и били въ барабаны; за ними ѣхали Димитріевы Польскіе всадники, по 10 человекъ въ рядъ, съ трубами и литаврами; потомъ вели 12 вышеупомянутыхъ ковей; тутъ ѣхала неvěста съ братомъ и затемъ въ Царской каретѣ, окруженной Польскими гайдуками и знатнѣйшими Русскими сановниками. По обѣимъ сторонамъ шли 200 Нѣмецкихъ Аллебарщиковъ; за каретою и Вельможами слѣдовала сотня Казаковъ; за ними четыре конюха вели двѣ богато-убранныя верховыя лошади, принадлежащія неvěстѣ Его Величества; потомъ везли карету ея, запряженную 8 конями сврыми въ яблокахъ, съ красными хвостами и гривами. Далѣе въ каретѣ шестеркою, ѣхала Гофмейстерина, Г-жа Казановская; за нею слѣдовали одна за другою еще 13 каретъ, въ коихъ сидѣли Польки изъ неvěстиной свиты; позади ихъ находились всадники, прибывшіе съ Мариною изъ Польши, въ панцыряхъ и въ полномъ вооруженіи, съ трубами и флейтами. Русская кон-

пища съ своими набатами заключала шествіе; 1606. тамъ уже тянулся весь Польскій обозъ, съ поклажею и припасами.

Въ продолженіе всего этого дня, какъ на главныхъ воротахъ, такъ и на внутреннихъ, играли безъ умолку Московскіе музыканты. Не всѣ однако веселились: во время шествія, между Никитенкою и Кремлевскими воротами, поднялась буря, также, какъ и въ день пріѣзда Дмитріева, о чемъ выше сказано: многіе считали это бѣдственнымъ предзнаменованіемъ; въ особенности пріуныли Москвитяне; они весьма неохотно принимали гостей иноземныхъ, тѣмъ болѣе, что Польскіе всадники были вооружены съ головы до ногъ. Они спрашивали знакомыхъ Нѣмцевъ: развѣ по ихъ обычаямъ въ полномъ вооруженіи пріѣзжаютъ на свадьбу? А какъ начали Поляки изъ своихъ повозокъ вынимать, между прочими вещами, по 5 и по 6 ружей; опасенія Москвитянъ еще болѣе увеличились; они ждали большой бѣды. Уже и прежде, народъ, замѣтивъ особенную милость Дмитрія къ Полякамъ и Нѣмцамъ, сталъ вѣрить словамъ Шуйскаго, который, вмѣстѣ съ другими Боярами, разглашалъ, что сей Царь есть Самозванецъ; прибытіе многихъ вооруженныхъ Поляковъ дало новую пищу подозрѣнію: Москвитяне жалели о Борисѣ и думали, что Поляки и Нѣмцы непременно ихъ перебьютъ. Шуйскій, котораго

1606. Димитрій помилювалъ себя на бѣду, свѣдавъ о народномъ негодованіи, созвалъ въ свой домъ единомышленниковъ Бояръ, купцевъ, сотниковъ, пятидесятниковъ, и сказалъ имъ, что Москва, наполненная иноземцами, находится въ крайней опасности; что онъ давно сіе предсказывалъ и хотѣлъ пособить горю; но Москвитяне его не поддержали, а онъ едва не потерялъ головы. Теперь они видятъ слѣдствія: Россія въ рукахъ Поляковъ. Да и самъ Димитрій Полякъ: его признали Царевичемъ только для того, чтобы свергнуть Бориса, надѣясь впрочемъ найти въ юномъ героѣ защитника Вѣры и отечественныхъ обычаевъ, но всѣ жестоко обманулись: онъ любитъ только иноземцевъ; презираетъ Святыхъ, оскверняетъ храмы Чудотворца Николая и Пречистой Дѣвы Маріи, дозволивъ входить въ оныя некрещенымъ Ляхамъ, да еще съ собаками; изгоняетъ Пастырей церковныхъ изъ домовъ ихъ, которые отдастъ Латышамъ; а самъ женится на поганой Полькѣ. »Если мы, продолжалъ Шуйскій, не примемъ заранѣе мѣръ, то онъ надѣлаетъ намъ еще болѣе бѣдствій. Я же, для спасенія православной Вѣры, снова готовъ на все рѣшиться; только бы вы мнѣ помогали съ усердіемъ и вѣрностію неизмѣнною: каждый сотникъ долженъ объявить подчиненнымъ, что Царь есть Самозванецъ, и что онъ замышляетъ злое съ своими Поляками; пусть посоветуются съ граж-

данами Московскими, какимъ образомъ отклонить 1606. бѣду. За насъ нѣсколько сотъ тысячъ, а у него только пять тысячъ Поляковъ, да и то разсѣянныхъ по разнымъ мѣстамъ города. Стоитъ только назначить день, чтобы избить ихъ сонныхъ, вмѣстѣ съ обманщикомъ. Въ заключеніе Шуйскій убѣждалъ единомышленниковъ приступить къ дѣлу заблаговременно и тотчасъ его извѣстить, на что рѣшатся граждане. Народъ, уже склонный къ мятежу, охотно согласился очистить городъ православный отъ невѣрныхъ, и обѣщаль принять сторону Шуйскаго, лишь только настанетъ часъ къ исполненію заговора. Тогда условились въ планѣ: по первому набату, Москвитяне должны были броситься во Дворецъ съ воплемъ: »Поляки губятъ Царя,«—и, окруживъ Государя, будто бы для защиты, предать его смерти; потомъ ворваться въ Польскія жилища, которыя накупивъ будутъ означены Русскими буквами, и всѣхъ чужестранцевъ истребить, не трогая однако Нѣмцевъ, всегда преданныхъ Россіи.

Такъ составленъ былъ сей тайный заговоръ. Димитрій отчасти провѣдалъ о зломъ умыслѣ; но нимало не беспокоился; онъ думалъ имѣть довольно силы для усмиренія Россіянъ; а того не размыслилъ, что Поляки, разсѣянные по городу, жили далеко отъ Дворца. Онъ испыталъ это во время бунта.

1606. 8 Мая совершилось Царское бракосочетаніе; вскорѣ потомъ Царица была коронована. Наканунъ свадьбы, Димитрій имѣлъ жаркій споръ съ своими Боярами: Поляки хотѣли нарядить невѣсту въ Польское платье, говоря, что къ иноземному она еще не привыкла; Россіяне же требовали, чтобы какъ Царь, такъ и Царица вѣнчались, по старинѣ, въ Русскомъ. Послѣ долговременнаго прѣнія, Димитрій сказалъ: »Хорошо! Я согласенъ исполнить желаніе Бояръ и обычай народной, чтобы никто не жаловался, будто я замышляю великія перемѣны. Одинъ день ничего не значить!« Потомъ, убѣдивъ невѣсту надѣть Русское платье, онъ обвѣнчался съ нею въ церкви Пресвятой Богородицы ⁷⁵⁾. Но въ слѣдующій день (9 Мая), прислалъ къ супругу Польскую одежду, объявивъ притомъ: »Вчера я сдѣлалъ угодное народу; теперь же намѣренъ дѣйствовать по собственной волѣ«. Съ того времени Царица всегда наряжалась по-Польски. Праздновали эту свадьбу весьма весело, вдоволь ѣли и пили, пѣли и плясали; не говоря о музыкѣ инструментальной, скажу только, что вокальная состояла изъ 32 голосовъ: всѣ пѣсенники привезены были изъ Польши. Поляки, при семъ случаѣ, напились до-пьяна и возвращаясь домой, дозволяли себѣ весьма наглые поступки: рубили саблями встрѣчавшихся Москвитянъ и извлекали изъ каретъ знатныхъ

Боярынь для удовлетворенія гнусному сладострастію. Народъ же все это бралъ на замѣчаніе.

Въ субботу, 10 Мая, Царь приказалъ изготавить всѣ мясныя кушанья изъ телятины, презрѣвъ народный обычай: ибо такую пищу Россіане признаютъ заповѣдною. Русскіе повара не упустили разгласить о семъ въ народъ, и Москвитяне еще болѣе убѣдились, что Царь ихъ Полякъ; но скрыли свое негодованіе, выжидая удобнаго случая.

11 Мая Мартинъ Беръ, уроженецъ Нейштатскій, говорилъ во Дворцѣ, съ дозволенія Государя, первую Лютеранскую проповѣдь, для господъ Капитановъ, Докторовъ и другихъ Нѣмцевъ, коимъ слишкомъ далеко было ходить въ Нѣмецкую слободу.

12 Мая разнеслась въ городъ молва, что Дмитрій измѣнилъ православію; говорили, что онъ весьма рѣдко посѣщаетъ Божія храмы, гдѣ прежде такъ часто присутствовалъ, слѣдуетъ чуждымъ обычаямъ, ѣстъ нечистую пищу, не выпарившись ходить къ обѣднѣ, не кладетъ поклоновъ предъ образомъ Чудотворца Николая, послѣ свадьбы ни разу съ своею поганою женою не мылся въ банѣ, хотя она безпрестанно топится: все убѣждало народъ, что сей Царь не истинный Дмитрій, и что страшная бѣда грозитъ Отечеству. Такъ говорили вслухъ на всѣхъ

1606. рынкахъ. Двое Алебарщиковъ, схвативъ одного изъ сихъ говоруновъ, привели его во Дворецъ и донесли Государю, какой умыселъ затѣяли измѣнники. Димитрій сдѣлался осторожнѣе, собралъ всю гвардію, велѣлъ ей быть во Дворцѣ безотлучно и приказалъ допросить возмутителя; но коварные Бояре смотрѣли на сего безцѣльника сквозь пальцы и увѣрили Царя, что виновный болталъ дерзкія рѣчи отъ глупости, въ пьяномъ видѣ, что и трезвый онъ умнѣе не бываетъ; говорили притомъ, что Государь напрасно слушаетъ пустыя вѣсти наушниковъ Нѣмцевъ, и что у него довольно силы для усмиренія мятежа, если бы кто либо оный затѣялъ. Сии увѣренія успокоили безетрашнаго героя; онъ не обратилъ даже вниманія на донесенія своихъ Капитановъ, которые 13, 14 и 15 Мая, увѣдомляли его о таившейся измѣнѣ; спрятали ихъ письменные извѣты, и сказавъ: «все это ничего не значить!»—оставилъ изъ всей гвардіи во Дворцѣ, по прежнему, не болѣе 50 воиновъ, а прочимъ велѣлъ разойтись по домамъ и ожидать его приказанія. Но справедливо говорить пословица: «Чѣмъ менѣе думаемъ, тѣмъ скорѣе бѣда сбывается.» Димитрій оправдалъ изреченіе Св. Апостола Павла: «Егда бо рекуть—миръ и утвержденіе, тогда внезапно нападетъ на нихъ всегубительство.» Царь, не вѣрившій ни предзнаменованіямъ, ни очевиднымъ свидѣтельствамъ,

былъ сраженъ измѣнниками прежде, нежели ус- 1606.
пѣлъ опомниться.

Ночью на 16 Мая, случился такой морозъ, какого еще никогда не бывало: всѣ овощи завяли. Это не предвѣщало ничего добраго.

Наконецъ 17 Мая свершился дьявольскій умыселъ, таившійся въ продолженіе цѣлаго года. Въ 3 часа по полуночи, когда Царь и Польскіе господа покоились глубокимъ сномъ и не успѣли еще проспать отъ вчерашняго похмѣлья; измѣнники вдругъ ударили во всѣ колокола, конхъ въ каждой церкви по пяти и по шести, въ нѣкоторыхъ же по двѣнадцати, а церквей въ Москвѣ по крайней мѣрѣ три тысячи. Народъ взволновался; нѣсколько сотъ тысячъ человѣкъ, схвативъ дубины, ружья, сабли, копья, кто что могъ, — бѣшенство ихъ вооружало — устремились ко Дворцу съ крикомъ: »Кто умерщвляетъ Царя?« *Поляки!* отвѣчали Бояре.

Димитрій, изумленный тревогою, немедленно приказалъ своему любимцу, Басманову, узнать о причинѣ смятенія. Но коварные Бояре отвѣчали сему Вельможѣ, что имъ неизвѣстно, отъ чего волнуется народъ, и что вѣроятно случилось гдѣ нибудь пожаръ. Когда же съ громомъ набатовъ соединились неистовые крики, достигшіе внутреннихъ Царскихъ покоевъ, Димитрій выслалъ Басманова вторично съ повелѣніемъ удостовѣриться, точно ли открылся пожаръ, а

1606. самъ оставилъ свое ложе и спѣшилъ одѣться. Басмановъ видитъ весь дворъ наполненный людьми вооруженными, и спрашиваетъ, чего они хотятъ? что значить колокольный звонъ? Народъ завопилъ: выдай Самозванца; тогда узнаешь отвѣтъ нашъ 74)!

Не сомнѣваясь въ бунтѣ, Басмановъ бросился назадъ, приказалъ копѣеносцамъ не впускать ни одного человека, а самъ въ отчаяніи прибѣжалъ къ Царю, рвалъ на себѣ волосы и говорилъ ему: »Бѣда, Государь! Народъ требуетъ головы твоей! Ты самъ виноватъ: за чѣмъ не послушалъ вѣрныхъ Нѣмцевъ!« Между тѣмъ, одинъ изъ Бояръ ворвался, сквозь толпу тылохранителей, въ Царскій покой и закричалъ Дмитрію: »Ну, безвременный Царь! проспался ли ты? За чѣмъ не выходишь къ народу и не »даешь ему отчета?« Вѣрный Басмановъ, схвативъ Царскій палашъ, срубилъ голову сему наглецу. Самъ Дмитрій вышелъ въ переднюю, гдѣ были его Алебарщики, выхватилъ мечъ у Курляндскаго Дворянина Вильгельма Шварцгофа и грозя онымъ народу, кричалъ: *я самъ не Борисъ* 75)! Но встрѣченный выстрѣлами, спѣшилъ удалиться. Басмановъ же подошелъ къ толпѣ Бояръ и просилъ ихъ не выдавать Государя. Татищевъ, знатный Вельможа, обругалъ его, какъ не лзя хуже, и ударилъ своимъ длиннымъ ножомъ такъ, что онъ палъ мертвый. Бояре сбро-

силъ его съ крыльца, вышиною въ 12 сажень. 1606. Такъ погибъ за Царя сей герой, другъ и покровитель Нѣмцевъ 76).

Мятежники, ободренные смертію храбраго и осторожнаго мужа, какъ псы кровожадные, кинулись на тѣлохранителей, требуя выдачи обманщика. Царь снова явился предъ буйною толпою и хотѣлъ разогнать ее палашемъ; но легко ли было одолѣть такое множество! Чернь вырубилъ нѣсколько досокъ въ стѣнѣ, вломилась въ палаты и обезоружила копѣеносцевъ. Димитрій же едва могъ убѣжать во внутренніе покои 77). Нѣмцы заперли оныя изнутри и стали за дверями.

Устрашенный Царь бросилъ палашъ, не говорилъ ни слова, рвалъ на себѣ волосы и потомъ скрылся въ другой комнатѣ. Россіяне, стрѣляя въ дверь перваго покоя, заставили Нѣмцевъ отойти въ сторону: наконецъ раздробили ее топорами. »О для чего, говорили между собою Алебарщики, мы здѣсь не всѣ вмѣстѣ и не имѣемъ ружей! Тогда мы увѣнчались бы славою и спасли бы Царя: это оружіе годится только для красы, а не для дѣла. И онъ, и мы пропали. Горе женамъ, дѣтямъ и друзьямъ нашимъ! Ихъ вѣрно уже нѣтъ въ живыхъ! Горе и Царю, отвергшему совѣты наши! Погибал самъ, онъ губить и насъ!« Они удалились въ другую комнату, куда скрылся Димитрій, и заперли ее; но

1606. видя, что его тамъ нѣтъ, бросились въ третью, гдѣ также его не было.

Царь, между тѣмъ, пробѣжавъ Царицвынъ покон, достигнулъ каменнаго Дворца и выскочилъ отъ страха въ окно, вышиною отъ земли на 15 сажень;—но вся надежда на спасеніе исчезла: онъ вывихнулъ себѣ ногу. Россіяне, преслѣдуя его изъ одной комнаты въ другую, напали на тѣлохранителей, столпившихъ подлѣ Царской умывальни, и отнявъ у нихъ оружіе, представили къ нимъ столько людей, что лишили ихъ всякаго средства къ освобожденію; причемъ спрашивая, куда дѣвался Царь, обыскивали Дворецъ и похитили множество сокровищъ.

Бояре же и Князья вломились къ Царицѣ; женщины ея обмерли отъ страха, а сама она спряталась подъ юбку своей Гофмейстерины. »Гдѣ Царь и Царица« воскликнули Бояре (имя грубыхъ мужиковъ было имъ приличнѣе)? »Вамъ лучше должно знать, куда вы дѣвали Царя; мы не обязаны его караулить«—было отвѣтомъ. »Непотребныя! закричали Бояре, гдѣ..... Царица ваша?« »На что же вамъ Царица? спрашиваетъ Гофмейстерина. Ей отвѣчаютъ страшными угрозами 78). Послѣ того, Бояре раздѣлили между собою всѣхъ дѣвицъ—благородныхъ Полскъ—и отослали ихъ въ свои дома, гдѣ онѣ черезъ годъ стали матерями. Гофмейстерину же, толстую старуху, подъ платьемъ коей пряталась

Марина, Бояре оставили въ покоѣ, только бра- 1606.
нили ее безъ пощады и требовали непременно,
чтобы она призналась, куда скрылась ея Цари-
ца. «Сего дня рано поутру, сказала Гофмейсте-
рина, мы отправили ее въ домъ Пана Воеводы
Сендомирскаго: тамъ она и теперь.»

Между тѣмъ стрѣльцы, стоявшіе на стражѣ
у Чертольскихъ воротъ, увидѣвъ лежащаго Го-
сударя и услышавъ стоны его, спѣшили по-
мочь ему и хотѣли отвести его во Дворецъ. На-
родъ, замѣтивъ сіе, увѣдомилъ Бояръ, кото-
рые тотчасъ оставили Гофмейстерину, и бро-
сились съ крыльца, въ намѣреніи умертвить
Димитрія; тщетно стрѣльцы, имъ убѣжден-
ные, старались спасти его; положивъ на мѣстѣ
одного или двухъ Бояръ ружейными выстрѣла-
ми, они вскорѣ должны были уступить силѣ.

Бояре схватили разбившагося въ паденіи
Царя и повлекли его такъ, что онъ могъ бы
сказать съ плѣнникомъ Плавта: слишкомъ не
справедливо тащить и колотить въ одно время.
Его внесли въ комнаты, прежде великолѣпно
убранныя, но тогда уже разграбленныя и изга-
женныя. Въ прихожей было несколько тѣлохра-
нителей подъ стражею, обезоруженныхъ и пе-
чальныхъ. Царь взглянулъ на нихъ, и слезы
потекли изъ глазъ его; онъ протянулъ къ одно-
му изъ нихъ руку, но не могъ выговорить ни

1606. слова; что думалъ—извѣстно только Богу сердце-
вѣдцу; можетъ быть онъ вспомнилъ неоднократно
ныя предостереженія своихъ вѣрныхъ Нѣмцевъ!
Одинъ изъ копьеносцевъ, Ливонскій дворя-
нинъ, Вильгельмъ Фирстенбергъ, пробрался въ
комнату, желая знать, что будетъ съ Царемъ;
но былъ заколотъ однимъ изъ Бояръ, подлѣ са-
мого Государя. «Смотри, говорили нѣкоторые
Вельможи, какъ усердны псы Нѣмецкіе! И те-
перь не покидаютъ своего Царя; побьемъ ихъ до
последняго!» Но другіе не согласились.

Принесли Димитрія въ комнату, поступа-
ли съ нимъ не лучше Жидовъ..... тотъ щип-
неть, другой колетъ... вмѣсто Царской одеж-
ды, нарядили его въ платье пирожника и осы-
пали насмѣшками. «Поглядите на Царя Всерос-
сійскаго—сказалъ одинъ, у меня такой Царь на
конюшнѣ!» «А я бы этому Царю далъ знать,» го-
ворилъ другой... Третій, ударивъ его по лицу,
закричалъ: «Говори, к... с... кто ты, кто твой
отецъ и откуда ты родомъ?» «Вы всѣ знаете,
»отвѣчалъ Димитрій, что я Царь вашъ, сынъ
»Иоанна Васильевича. Спросите мать мою—она
»въ монастырѣ,—или выведите меня на Лобное
»мѣсто и дозвольте мнѣ объясниться.» Тутъ вы-
скочилъ съ ружьемъ одинъ кунецъ, по имени
Валуевъ, и сказавъ: «Чего толковать съ ерети-
комъ? Вотъ я благословлю этого Польскаго сви-
стуна!»—прострѣлилъ его насквозь 79).

Между тѣмъ, старый измѣнникъ Шуйскій 1606.

разъѣзжалъ на дворѣ верхомъ и уговаривалъ народъ скорѣе умертвить вора. Всѣ мятежники бросились ко Дворцу; но какъ онъ былъ уже наполненъ людьми, то они остановились на дворѣ и хотѣли знать, что говорилъ Польскій шутъ; имъ отвѣчали: Димитрій винится въ самозванствѣ (чего онъ впрочемъ не сдѣлалъ). Тутъ всѣ завопили: »Бей его, руби его.« Князья и Бояре обнажили сабли и ножи: одинъ разсѣкъ ему лобъ, другой затылокъ; тотъ отхватилъ ему руку, этотъ ногу; нѣкоторые вонзали въ животъ ему ножи. Потомъ вытащили трупъ убіеннаго въ сѣни, гдѣ погибъ вѣрный Басмановъ, и сбросивъ его съ крыльца, кричали: »Ты любилъ его живаго, не разставайся и съ мертвымъ!«—Такимъ образомъ тотъ, кто вчера гордился своимъ могуществомъ, и въ цѣломъ свѣтѣ гремѣлъ славою,—теперь лежалъ въ пыли и прахѣ. Бѣдствіе поразило и его, и супругу, и гостей въ девятый день послѣ брака. Не худо было бы и другимъ остерегаться такой же свадьбы: она была не лучше Парижской. Димитрій царствовалъ безъ 3 дней 11 мѣсяцевъ.

ГЛАВА VI.

Междоусобица.

1606.

Убийство Поляковъ. Наступленіе народа. Переговоры Болръ съ Мариною и опщанъ ея. Трупъ Самозванца на Красной площади. Минное чудо надъ трупомъ его. Молва о спасеніи Димитрія. Свидѣтельство Бера. Свойства Самозванца. Доказательство, что онъ не былъ Димитрій: слова Басманова и другихъ свидѣтелей современныхъ.

Во время бунта, нѣсколько сотъ Россіянъ окружили домъ, гдѣ жилъ Воевода Сендомирскій съ своими гайдуками и служителями (домъ сей находился въ Кремлѣ, не далеко отъ Царскихъ и Патріаршихъ палатъ, и принадлежалъ нѣкогда Борису Годунову); поставивъ противъ воротъ пушки, Россіяне такъ крѣпко стерегли оный, что не только человѣку, но и собакѣ не лъзя было выскочить. И такъ господинъ Воевода не могъ подать помощи своему зятю; впрочемъ рѣшился дорого продать свою жизнь, если бы на него напали.

По убіеніи Царя и Басманова, первыми жертвами злобы народной были музыканты и пѣсенники, люди невинные, благонравные и въ своемъ дѣлѣ искусные: всѣ они—человѣкъ до 100—были побиты въ Кремлѣ; въ монастырскихъ

домахъ, пожалованныхъ имъ покойнымъ Госу- 1606.
даремъ. Потомъ дошла очередь до Поляковъ,
жившихъ въ Китаѣ-городѣ и другихъ частяхъ
Москвы. Многіе изъ нихъ вскакивали съ постеле-
лей въ одѣхъ рубахахъ и прятались въ погребъ,
въ солому, даже въ навозъ; но тщетно: Моск-
витяне находили ихъ и убивали, иныхъ коль-
ями, другихъ каменьями или саблями; а женъ
и дочерей отвели къ себѣ.

Но братъ Царицынъ, Панъ Староста, при
помощи слугъ и благородныхъ Поляковъ, оборо-
вался весьма храбро въ своемъ домѣ, находив-
шемся противъ пушечнаго двора: здѣсь пало
много Россіянъ. Такую же твердость явили и
Царицины зятя, которые вмѣстѣ съ Польски-
ми послами, вооруживъ до 700 человекъ, въ
томъ домѣ, гдѣ умеръ Датскій Герцогъ Іоаннъ,
объявили народу, что они стануть палить по
городу, зажгутъ свой домъ, сядутъ на коней и
до послѣдняго человека будутъ защищать себя,
если Россіяне не поклянутся оставить ихъ въ
покоѣ. То же сдѣлали и Димитріевы Польскіе
всадники: никто изъ Русскихъ не смѣлъ войти
къ нимъ на дворъ. Напослѣдокъ Москвитяне
привезли пушки, навели ихъ на домъ Царици-
на брата и начали палить: послѣ двухъ выстрѣ-
ловъ, Поляки согласились сдаться, только съ
тѣмъ, чтобы жизнь и имущество ихъ были не-
прикосновенны. Русскіе дали слово и цѣловали

1606. крестъ. Но осажденные не вѣрили имъ и хотѣли говорить съ знатнѣйшими особами: тогда явился старый измѣнникъ Шуйскій съ товарищами и далъ клятву не трогать Поляковъ; только просилъ ихъ два дня не выходить изъ дома, потому, что Москвитяне злятся на нихъ за оскорбленіе своихъ женъ и дочерей.

Народъ столь же милостиво поступилъ и съ тѣми Поляками, которые по многочисленности могли обороняться; если же находили въ домѣ чело-вѣкъ 6, 8, 10, 12 и 14, всѣхъ побивали безъ пощады, какъ собакъ.

Нѣсколько Полковъ, сѣвъ на коней, спѣшили ускорять въ Нѣмецкую слободу; но къ несчастію, попались къ такимъ людямъ, которыхъ въ Ливоніи, или Германіи казнили бы позорною смертію: то были перекрещенные Мамелюки, враги Христіанъ, преданные болѣе Русскимъ, нежели Нѣмцамъ; Дмитрій не удостоилъ ихъ чести принять въ свою гвардію, ибо справедливо думалъ, что они, измѣнивъ Богу, не будутъ вѣрны и Царю. Сии бездѣльники, ожесточенные противъ Дмитрія и Поляковъ болѣе самыхъ Россіянъ, схватили несчастныхъ бѣглецовъ, думавшихъ найти у нихъ спасеніе, раздѣли ихъ до-нага и всѣхъ умертвили.

Дьявольская рѣзня продолжалась съ 3 часовъ до 11. Поляковъ погибло 2135 во); въ числѣ убитыхъ были Студенты, Нѣмецкіе ювелиры

и купцы. Аугсбургскіе, имѣвшіе много денегъ и 1606. всякаго добра. Злодѣи бросали тѣла убіенныхъ на улицы, въ жертву собакамъ и Русскимъ площаднымъ лекарямъ, которые вырѣзывали жиръ изъ труповъ. Двое сутокъ лежали мертвые подъ открытымъ небомъ; въ третій день убійца Шуйскій приказалъ ихъ подобрать и похоронить въ Божіемъ домѣ. Никогда, доколѣ міръ стоитъ, потомство не забудетъ 17 Мая: какъ ужасенъ былъ этотъ день для иностранцевъ! Нельзя изобразить его словами; повѣритъ ли читатель? шесть часовъ сряду гремѣлъ набатъ безъ умолку, раздавались ружейные выстрѣлы, сабельные удары, топотъ коней, громъ колесницъ и крикъ остервенившагося народа: »Съки, руби к. . . д. . . Поляковъ!» Гласъ милосердія замолкъ въ душахъ Москвитанъ: жестокіе не слушали ни просьбъ, ни молевій.

Одинъ благородный Полякъ, пробужденный тревогою, вскочилъ съ постели въ одной рубашкѣ и взявъ кошелекъ съ сотнею червонцевъ, кинулся въ погребъ, гдѣ зарылся въ песокъ. Русскіе, думая, что тамъ закопаны сокровища, нашли его: бросивъ имъ свой кошелекъ, онъ молилъ объ одной жизни, отдавался въ плѣнъ, увѣрялъ, что не знаетъ за собою никакой вины ни противъ Царя, ни противъ народа; предлагалъ все свое имѣніе, бывшее и въ Москвѣ, и въ Польшѣ; просилъ только отвести его во

1606. Дворецъ, гдѣ онъ дастъ отчетъ въ своихъ поступкахъ. Его вывели изъ погреба; на дворѣ онъ увидѣлъ своихъ людей, раздѣтыхъ до-нага и изрубленныхъ: принужденный итти по трупамъ ихъ, сей добрый человѣкъ погрузился въ печаль неизъяснимую; съ какою горестію смотрѣлъ онъ, какъ тяжки были вздохи его! Между тѣмъ встрѣтился одинъ Москвитянинъ и закричалъ: »Бей этого к... с...« Несчастный Полякъ кланялся ему почти до земли и умолялъ ради Бога пощадить жизнь его такими словами, которыя смягчили бы самый камень; видя же непреклонность злодѣя, сталъ просить именовъ Св. Николая и Пречистой Дѣвы Маріи. Жестокосердый Москвитянинъ ударилъ его саблею: тутъ вырвался несчастный изъ рукъ проводниковъ, отскочилъ назадъ, снова поклонился и воскликнулъ: »О Москвитяне! Вы называется Христіанами: гдѣ же Христіанское ваше милосердіе? Пощадите меня, ради святой Вѣры вашей, ради жены и дѣтей моихъ, покинутыхъ мною въ отечествѣ!« Все было напрасно: убійца разсѣкъ ему плечо; кровь полилась ручьями. Отчаянный Полякъ бросился бѣжать; злодѣи догнали и изрубили его—онъ умеръ въ жестокихъ мукахъ,—потомъ бросились на трупъ и поссорились другъ съ другомъ за рубашку и портки убитого: я самъ былъ тому свидѣтелемъ. Такъ сей бѣдный дворянинъ, потерявъ все свое имуще-

ство, всѣ одежды, золото, серебро, слугъ, коней, 1606. оружіе, лишился и самой жизни! Не радостную вѣсть получили его дѣти и жена, братья и родные, друзья и знакомые.

Въ сей несчастный для иностранцевъ день, многіе негодни, ровно ничего не имѣвшіе, нашли пребогатую добычу: нахватили бархатныхъ и шелковыхъ платьевъ, собольихъ и лисьихъ шубъ, золотыхъ цѣпей и колецъ, ковровъ, золота, серебра, всякой всячины, чего ни сами, ни предки ихъ никогда не имѣли. Довольно было пищи и самохвалямъ: »Кому устоять противъ насъ, Москвитянъ? намъ числа нѣтъ. Цѣлый свѣтъ не сладить: все должно покориться намъ!« Такъ, любезные Москвитяне! Вы очень храбры, когда сотнями нападаете на одного безоружнаго, особливо соннаго; иначе и въ нѣсколькихъ тысячахъ не много найдется храбровъ,

Наконецъ въ 11 часу трагедія кончилась: спасеннымъ отъ смерти Полякамъ дарована пощада; въ Москвѣ водворилась тишина; иноземцы могли теперь вздохнуть свободно. Какъ веселятся мореплаватели послѣ ужасной бури и свирѣпаго рѣва морскихъ волнъ, при наступленія ясной погоды; такъ радовались и мы, узнавъ, что убійства прекратились и что нашихъ осталось въ живыхъ еще нѣсколько сотъ чело-вѣкъ. Когда мѣтежъ затихъ, измѣнники Болре

1606. и Князья собрались предъ покоями Царицы и велѣли ей сказать, что имъ извѣстно ся знатное происхожденіе; кто же былъ тотъ воръ и обманщикъ, который выдавалъ себя за Дмитрія, должна вѣдать она, ибо знала его еще въ Польшѣ; и что если ей угодно возвратиться къ отцу, то выдала бы всѣ вещи, присланныя бездѣльникомъ Самозванцемъ къ ней на родину и подаренныя въ Москвѣ. Царица, немедленно отдавъ имъ не только свой гардеробъ, всѣ драгоценныя камни, жемчугъ, золотыя издѣлія; но и послѣднее платье, которое носила (она осталась въ одномъ спальномъ канотѣ), обѣщала заплатить за всѣ издержки, если Бояре тотчасъ отправятъ ее къ отцу. Не говоря ни слова объ издержкахъ, Россіяне требовали только 55,000 рублей со всѣми вещами, подаренными ей Самозванцемъ. Царица сказала въ отвѣтъ: »Для чести Москвитянъ и въ удовольствіе моему Государю, всѣ сіи деньги я истратила на путешествіе, прибавивъ къ нимъ столько же своихъ. Бояре все добро мое отобрали: у меня нѣтъ болѣе ничего.« Вмѣстѣ съ тѣмъ она просила прислать къ ней одного изъ отцовскихъ служителей, обѣщая доставить все, что только имѣеть, а остальное прислать изъ Польши, если дозволено будетъ ей туда возвратиться. Бояре согласились.

Узнавъ о семъ условіи, Царицынъ отецъ пригласилъ къ себѣ Бояръ и сказалъ имъ: »Вы

не хотите, Господа, отпустить ко мнѣ дочь мою, 1606.
 не получивъ прежде 55,000 рублей, которые
 прислалъ ей на дорогу Царь вашъ, Димитрій,
 желавшій поддержать какъ свою честь, такъ и
 достоинство народа? Но вы забываете, что от-
 правляя невесту, я изстратилъ по крайней мѣрѣ
 столько же: вы все у нея обобрали, и еще тре-
 буете отъ насъ денегъ! У меня есть теперь
 60,000 талеровъ и 20,000 Польскихъ золотыхъ:
 если вы отпустите меня въ отечество съ до-
 черью и со всѣми Поляками, я согласенъ вру-
 чить вамъ сіи деньги, а остальную сумму при-
 шлю въ послѣдствіи.» Бояре отвѣчали: »Освобо-
 дить тебя еще не время. Но мы согласны при-
 слать къ тебѣ дочь, какъ скоро получимъ твои
 80,000 талеровъ.» »Такъ и быть! воскликнулъ
 добрый Панъ Воевода. Я хочу жить и умереть
 съ нею. Деньги готовы, только приведите мою
 дочь съ ея Гофмейстериною и другими женщи-
 нами.» Князья и Бояре удалились; чрезъ нѣ-
 сколько времени привели Царицу къ отцовско-
 му дому; но до тѣхъ поръ не отдавали ея, пока
 Воевода Сендомирскій не выслалъ обѣщанной
 суммы. Огорченный симъ жестокимъ поступ-
 комъ, онъ сказалъ имъ: «Вы поступаете съ нами
 безсовѣстно. Когда покойный зять мой пришелъ
 въ Россію съ малочисленнымъ отрядомъ, вы
 признали его истиннымъ Димитріемъ и тѣмъ
 удостовѣрили насъ, Поляковъ, что онъ имѣлъ

1606. неоспоримое право на Русскій престолъ; вы были виною смерти Борисовой, истребили весь родъ его, короновали Димитрія, велѣли послать своимъ благодарить насъ за наше объ немъ попеченіе; наконецъ торжественною грамотою, за своею печатью, увѣрили насъ, что онъ сынъ Царя Іоанна Васильевича: это свидѣтельство и теперь хранится въ Польшѣ. Не я предлагалъ дочь свою вашему Государю; онъ самъ просилъ ея руки чрезъ васъ, Князей и Болръ. Я же только тогда согласился отпустить ее, когда все Русское Царство изъявило на то желаніе и когда Русскій посолъ, предъ лицомъ Его Королевскаго Величества, засвидѣтельствовалъ право Димитрія на престолъ Московскій. Послѣ сего, можете ли говорить, что онъ былъ Самозванецъ и что мы, Поляки, васъ обманули? Такъ! мы были виновны; но только въ томъ, что слишкомъ вѣрили вашей клятвѣ: вы обманщики, а не мы! Мы пріѣхали сюда друзьями, жили среди васъ въ безпечномъ спокойствіи, разсѣялись по городу, иной тамъ, другой здѣсь, чего вѣрно бы не сдѣлали, если бы замышляли какое либо зло; а вы губили насъ, какъ злѣйшихъ враговъ, подобно тайнымъ смертоубійцамъ; словами насъ привѣтствовали, душою проклинали! Многія сотни горестныхъ вдовъ и сиротъ, несчастныхъ родителей и друзей, оплакиваютъ смерть своихъ милыхъ, погубленныхъ вашею злодѣйскою

рукою, и на васъ непрестанныя жалобы возсы- 1606.
лають къ престолу Всевышняго. Чѣмъ вознагра-
дите ихъ за сію потерю? Положимъ, что покой-
ный зять мой былъ не сынъ Царя Іоанна, хотя
вы сами утверждали противное, чѣмъ провини-
лись предъ вами 100 музыкантовъ? что сдѣла-
ли вамъ ювелиры и купцы, которые никогда
васъ не трогали, и всегда продавали хорошіе
товары? чѣмъ виновны жены и дѣвы, столь
жестоко вами оскорбленныя? Если бы мы таили
дурной замыселъ, не три, или четыре тысячи
явилось бы тамъ, гдѣ миллионъ жителей: мы
привели бы цѣлое войско. Мы пріѣхали къ вамъ
на свадьбу, а встрѣтили смерть! Уже ли вы ду-
маете, что Богъ оставить безъ наказанія такое
злодѣйство? Нѣтъ, нѣтъ! Безвинная кровь, вами
пролитая, вмѣстѣ со слезами вдовъ и сирыхъ,
вопіетъ къ престолу Всевышняго, и требуетъ
возмездія! Вы можете, если хотите, погубить
всѣхъ насъ: Богъ будетъ нашимъ судьей! Со-
вѣсть ни чѣмъ насъ не упрекаетъ.»

Бояре и Князья отвѣчали: »Не ты вино-
вать, Господинъ Воевода! Мы также не виновны.
Всему причиною твои надмѣнные Поляки: они
срамили женъ и дочерей нашихъ, безчинствова-
ли въ городѣ, оскорбляли Россіянь, грозили
намъ смертію; на нихъ возсталъ народъ. Не
намъ было укротить толпу разъяренную! Не
менѣе виновать и самъ зять твой: онъ прези-

1606. ралъ наши нравы, обычаи, нашу Вѣру; предпочиталъ намъ всякаго иностранца, вопреки своей присягѣ. Предавъ ему землю Русскую, мы ожидали отъ него благодарности, думали, что онъ не забудетъ, на какую степень возвели его, и не станетъ любить чужихъ, болѣе своихъ. Если бы онъ не обманулъ насъ, никто не отрекся бы служить ему, какъ Димитрію, хотя бы онъ былъ и Самозванецъ. Мы приняли его, чтобы низложить Бориса и поправить свою участь; вмѣсто того, все пошло къ верху дномъ: онъ въ телатину, жилъ какъ бусурманинъ, и принудилъ насъ къ такому поступку, который намъ ни чуть не пріятенъ. И теперь, если бы онъ живъ былъ, мы сдѣлали бы тоже самое ⁸¹⁾. А музыкантовъ и другихъ невинныхъ людей, вмѣстѣ съ нимъ убитыхъ, по истинѣ весьма намъ жалко: они были жертвою неукротимаго изступленія народнаго; мы не могли спасти ихъ. Но прислужницы твоей дочери — теперь находятся вмѣстѣ съ нашими женами и дочерьми: имъ гораздо лучше, нежели самой дочери твоей. Можешь взять ихъ немедленно, если желаешь. Но поклянись: во-первыхъ, не мстить намъ, ни отъ своего лица, ни чрезъ своихъ родственниковъ; во-вторыхъ, примирить насъ съ Королемъ Польскимъ, коего подданные убиты во время смятеній; въ третьихъ, доплатить остальные изъ числа 55,000 рублей деньги, и возратить пода-

ренныя Димитріемъ твоей дочери вещи; не то, 1606.
готовься въ темницу со всѣми единосемцами!
Выбирай!»

Воевода возразилъ: »Все, что было прислано зятемъ моей дочери, вмѣстѣ съ отцовскимъ приданымъ, она привезла въ Россію, и все у нея отобрано до послѣдней шубы. Вамъ лучше знать, куда дѣвалось сіе добро: у васъ, Князья и Бояре, всѣ ея дѣвицы. Что можемъ дать мы, до-гола обобранные? Вы не могли требовать и 80,000 талеровъ, данныхъ мною за дочь: въ числѣ ихъ не было ни полушки вашей! Теперь мы болѣе ничего не имѣемъ. Впрочемъ охотно клянемся за себя и за всѣхъ родственниковъ не мстить вамъ; пусть разсудитъ сіе дѣло Тотъ, Кто говоритъ: *мищеніе мнѣ подобаетъ*. Но согласится ли простить Его Величество — мы не знаемъ, и слѣдовательно ручаться за него не можемъ; многіе изъ убіенныхъ были его подданные: участь ихъ будетъ ему горестна. Онъ властенъ въ моей жизни; я не могу вмѣшиваться въ дѣла его. И такъ не требуйте отъ меня невозможнаго!»

Москвитяне отвѣчали: »Какъ исполнить нашего требованія ты не хочешь, или не можешь, то изволь оставаться у насъ въ плѣну со всѣми Поляками, до тѣхъ поръ, когда мы узнаемъ мысли Короля Польскаго, и получимъ отъ тебя остальную сумму, да сверхъ того вознагражденіе

1606. за всѣ издержки на войну съ твоимъ зятемъ.
 »Буди воля Божія! сказалъ Воевода Сендомир-
 скій; Онъ послалъ мнѣ сіе бѣдственное бремя:
 перенесу его терпѣливо. Есть предѣлъ, даль-
 коего вредить мнѣ вы не можете: исполняйте
 волю Всевышняго; мы ничего не страшимся!»

Послѣ сего, Бояре заключили Воеводу съ
 дочерью, сыновьями и родственниками въ одинъ
 домъ, гдѣ содержали ихъ подѣ строжайшимъ
 карауломъ, не дозволяя никому входить и вы-
 ходить изъ сего дома, безъ дозволенія Бояръ⁸²⁾.
 Прочіе же Поляки, исключая Королевскаго по-
 сланника, 31 Мая были разосланы по темницамъ
 въ разные города: въ Новгородъ, Переяславль,
 Ростовъ, Галичъ, Кострому, Белоозеро, Во-
 логду; тамъ они сидѣли на хлѣбъ и водѣ
 и отдали за половинную цѣну все свое сере-
 бро, спасенное отъ грабителей, чтобы не уме-
 реть съ голода. Наконецъ Димитрій II осво-
 бодилъ ихъ чудеснымъ образомъ.

Описавъ выше сего смерть Боярина Басма-
 нова, допросъ и убіеніе Царя Димитрія, бѣдствіе
 Поляковъ, всѣ ужасы мятежа, непрерывный
 звонъ, непрестанную тревогу, — расскажу те-
 перь, что сдѣлали Россіяне съ своими жертвами.
 Обнаженные тѣла побитыхъ Поляковъ двое су-
 токъ лежали на улицахъ; тамъ терзали ихъ псы
 и площадные лекари, которые вырѣзывали изъ
 труповъ жиръ. Наконецъ высоконенитые Боя-

ре велѣли подобрать остатки тѣлъ, вывезти за 1606. городъ и бросить въ Божій домъ.

Бѣдные Поляки заключили праздникъ со-всѣмъ не такъ, какъ начали: вачали пиръ слиш-комъ весело, а кончили чрезъ мѣру печально. Дмитрій же и Басмановъ не удостоились чести пролежать во Дворцѣ до вечерни: какъ скоро затихъ мятежъ, неистовая чернь, привлазавъ къ ногамъ ихъ веревки, потащила обнаженные тру-пы кругомъ всего Дворца, чрезъ ворота Иеруса-лимскіе на площадь, гдѣ находятся суконныя лавки: тамъ положили Царя на столъ, а Басма-нова на скамью, такъ, что ноги Дмитрія ле-жали на груди его любимца. Между тѣмъ при-шелъ изъ Дворца одинъ Бояринъ, бросилъ Царю на животъ маску, на грудь волынку, а въ ротъ всунулъ дудку, и притомъ сказалъ: »Долго мы тѣшили тебя, к.... с.... и обманщикъ! Теперь самъ насъ позабавы!» Другіе же Бояре и граж-дане, приходившіе смотрѣть убитыхъ, свкли трупъ Самозванца плетми, приговаривая: »Сгу-билъ ты наше Царство, разорилъ казну, дорогой пріятель Нѣмцевъ!« А бабы Московскія, без-стыдно ругаясь надъ тѣломъ Дмитрія, поноси-ли Царицу такими словами, какихъ и сказать не возможно. Басманову было легче: съ дозволе-нія Бояръ, Князь Иванъ Голицынъ, сводный братъ умершаго, взялъ съ площади трупъ его и 18 Мая похоронилъ оный подлѣ его сына, за

*

1606. Англійскимъ подворьемъ. Димитрій же трое сутокъ оставался на площади и былъ предметомъ ругательствъ.

Въ третью ночь, около стола показался свѣтъ: когда часовые хотѣли подойти, свѣтъ исчезалъ — и снова являлся, какъ скоро удалялся. Испуганные такимъ явленіемъ, они тотчасъ донесли о семъ высокимъ Господамъ, которые на другое же утро приказали отвезти тѣло въ Божій домъ, за Серпуховскіе ворота. Когда везли его, поднялась ужасная буря, но не во всемъ городѣ, а только по дорогѣ въ Божій домъ, и едва миновали ворота на Кулишкѣ, самыя вѣтшія, съ тремя башнями, вихрь сорвалъ съ одной башни кровлю и повалилъ деревянную стѣну до Калужскихъ воротъ. Потомъ сдѣлалось чудо въ Божіемъ домѣ, куда бросили тѣло Димитрія вмѣстѣ съ другими мертвецами: утробъ оно очутилось при входѣ; близъ него сидѣли два голубя, которые тотчасъ улетали, если кто либо приближался, и опять садились на трупъ, когда никого не было. Бояре приказали завалить мертвеца землею; но онъ не долго оставался въ могилѣ: 17 Мая нашли его на другомъ кладбищѣ, далеко отъ Божіаго дома. Ужасъ напалъ на всѣхъ жителей Москвы: одни считали Димитрія необыкновеннымъ человекомъ, другіе діаволомъ, морочившимъ людей; иные же чернокнижникомъ, научившимся адскому искус-

ству у Лапландцевъ, которые велятъ убивать 1606. себя и послѣ оживають. Наконецъ 28 Мая рѣшились его сжечь, и пепелъ развѣвали по воздуху.

Уже въ первый день мятежа, Поляки распустили молву, что умерщвленъ былъ не Димитрій, а простой Нѣмецъ, на него похожій; но это — сказка, которою Поляки думали со временемъ воспользоваться. Сочинитель сей книги, зная Димитрія лично и видѣвъ его мертвымъ, можетъ увѣрить, что Россіане умертвили и сожгли того самого человѣка, который правилъ Государствомъ, и который уже не воскреснетъ. Пусть явятся еще трое Самозванцевъ подъ именемъ Димитрія: всѣ они будутъ обманщики.

Димитрій отличался многими превосходными качествами и необычайною храбростію; но вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣлъ и важные недостатки: былъ весьма безпеченъ и высокомеренъ; за что, безъ сомнѣнія, навлекъ на себя гнѣвъ Божій. Гордость его была такъ безпредѣльна, что онъ приходилъ въ ярость, когда получалъ свѣденія объ измѣнѣ Москвитянъ; затмѣвая пышностію всѣхъ своихъ предшественниковъ, онъ величалъ себя именемъ Царя Царей ⁸³). Тѣлохранители должны были становиться на колѣни, когда выходилъ къ нимъ Царь, или являлась Царица: и Богу такую честь не всегда изъявляютъ! Надъ нимъ-то сбылось изрѣченіе Пророка Исаи:

1606. *Высоціи укоризною сокрушаются, и высоціи смиряются.*

Заключенная Царица не могла, безъ слезъ раскаянія, вспомнить о своемъ высокомѣрїи и неблагодарности къ Богу, который возвелъ ее—дочь простаго Пана—на столь высокую степень; посему приписывая и свое несчастіе, и бѣдствіе супруга сему грѣху, она дала обѣтъ никогда не быть высокомѣрною, какъ скоро получитъ свободу. Да исполнитъ Богъ, ради Христа Спасителя, ея желаніе! Аминь.

Не худо было бы всѣмъ Государямъ заглядывать въ сіе трагическое зеркало, и замѣтивъ въ себѣ подобный недостатокъ, заранѣе исправлять его, не дожидаясь гнѣва Божія. Справедливо говоритъ пословица: *Что было разъ, случится и въ другоредъ.*

Разногласіе въ сужденіяхъ о Димитріи, котораго одни признають сыномъ Царя Іоанна Васильевича, а другіе — иноземцемъ, побудило меня развѣдать истину.

1. Однажды просилъ я Басманова убѣдительно сказать мнѣ: имѣеть ли Всемиловитѣйшій Государь нашъ законное право на престолъ Россійскій? Басмановъ, въ присутствіи одного Нѣмецкаго купца, отвѣчалъ мнѣ по довѣренности слѣдующее: »Вы, Нѣмцы, имѣете въ немъ отца и брата; онъ жалуется васъ болѣе, чѣмъ всѣ прежніе Государи; молитесь о счастіи его

вмѣстѣ со мною! Хотя онъ и не истинный Ца- 1606.
ревичъ, однакожь Государь нашъ: ибо мы ему
присягнули,—да и лучшаго Царя найти не мо-
жемъ.»

2. Такимъ же образомъ открылъ мнѣ прав-
ду одинъ Аптекарь, служившій лѣтъ 40 сперва
старому Тирану, потомъ сыну его, послѣ того
Годунову и наконецъ Димитрію: онъ зналъ хо-
рошо юнаго Царевича, имѣвъ случай видѣть его
ежедневно. Сей Аптекарь увѣрялъ меня, что Ди-
митрій—не сынъ Іоанновъ; что Царевичъ былъ
похожъ на свою мать, Марію Θεодоровну, а
Царь ни мало съ нею не сходствуетъ.

3. То же самое говорила мнѣ одна благо-
родная Ливонка, взятая въ плѣнъ Іоанномъ
и въ послѣдствіи освобожденная въ 1611 году.
Она была повивальною бабкою старой Царицы
и находилась при Дворѣ безотлучно, воспиты-
валъ Царевича.

4. Вскорѣ по убіеніи Димитрія, я отпра-
вился въ Угличъ, съ Нѣмецкимъ купцомъ Бернд-
томъ Хеперомъ, родомъ изъ Риги. На пути, въ
одной деревнѣ, мы встрѣтили стопятилѣтняго
старца, служившаго въ Угличѣ дворцовымъ сто-
рожемъ. Разговорясь съ нимъ о умерщвленномъ
Государѣ, мы просили его неотступно объяснить
намъ, дѣйствительно ли сей Царь былъ сынъ
Іоанновъ? Старикъ, убѣжденный нашимъ объ-
щаніемъ никому не открывать словъ его, всталъ

1606. съ своего мѣста и перекрестившись, сказалъ :
 »Убить Государь весьма храбрый ; въ теченіе
 одного года онъ заставилъ трепетать всѣхъ со-
 сѣдовъ. Умертвивъ его, Москвитяне поступили
 весьма неблагоразумно : ибо сами возвели его
 на престолъ ; конечно онъ не всегда наблюдалъ
 наши обычаи, но тѣмъ не менѣе надлежало дѣй-
 ствовать осторожнѣе. Онъ былъ человекъ ра-
 зумный — однако не сынъ Іоанна Васильевича.
 Сей послѣдній зарѣзанъ въ Угличѣ — тому уже
 17 лѣтъ — и вѣрно истлѣлъ давнымъ давно. Я
 самъ видѣлъ его мертваго, лежащаго на томъ
 мѣстѣ, гдѣ онъ всегда игрывалъ. Суди Богъ
 Князей и Бояръ нашихъ, погубившихъ двухъ
 Царей сряду: время покажетъ, будемъ ли счаст-
 ливѣе!»

5. Многіе Поляки увѣряютъ, что онъ былъ
 побочный сынъ Короля Стефана Баторія. Пред-
 водитель Польскихъ войскъ, осаждавшихъ Троиц-
 кій монастырь, Дня Петръ Сапѣга, однажды за
 столомъ выхваляя храбрость Поляковъ и дока-
 зывая, что они превосходили ею самыхъ Рим-
 лянь, между прочимъ говорилъ : »За три года
 предъ симъ, вооруженною рукою мы посадили
 на Русскій престолъ бродягу, подъ именемъ
 сына Царя Іоанна Грознаго ; теперь въ другой
 разъ даемъ Русскимъ новаго Царя и уже завое-
 вали для него половину Государства; онъ также
 будетъ называться Димитріемъ. Пусть ихъ доп-

нута съ досады: оружіемъ и силою мы сдѣлаемъ, 1606. что хотимъ! Я самъ это слышалъ.

6. Въ Угличѣ Князья и Бояре вообще не любили юнаго Царевича, потому, что въ немъ, еще отрокъ, обнаруживались признаки жестокосердія; люди же незначительные не могли похитить его изъ Дворца.

7. Россіяне, особливо знатнаго рода, соглашались скорѣе уморить, нежели отправить своихъ дѣтей въ чужія земли: развѣ Царь ихъ принудить. Они думаютъ, что одна Россія есть Государство Христіанское; что въ другихъ странахъ обитаютъ люди поганые, некрещенные, не вѣрующіе въ истиннаго Бога; что ихъ дѣти навсегда погубятъ свою душу, если умрутъ на чужбинѣ между невѣрными, и только тотъ идетъ прямо въ рай, кто скончаетъ жизнь свою на родинѣ. Но если бы Русскіе вѣрили въ иностранцамъ; многія высокія особы спасли бы и себя, и дѣтей, и имѣніе отъ бѣдствій войны долгодѣтельной. Они сего не сдѣлали, полагаясь на защиту Св. Николы; такъ пусть ихъ терпятъ все, что онъ имъ ни посылаетъ! Изъ вышесказаннаго очевидно, что сей Димитрій былъ не сынъ Іоанновъ, а иноземецъ; Россіяне же признали его Царевичемъ только для того, чтобы свергнуть осторожнаго Бориса, котораго иначе не лзя было бы низложить съ престола ⁸⁴).

Г Л А В А VII.

Царствованіе Василія Ивановича Шуйскаго.

1606.

Избраніе Шуйскаго. Письмо его къ Сигизмунду. Отъѣздъ Короля. Крамоль. Перенесеніе мощей Св. Димитрія. Чудеса Изгнана и бѣгство Князя Шаховскаго. Волненіе въ Пушину. Начало войны междоусобной. Пораженіе Царскаго войска. Чеснь праху Бориса Годунова. Бѣдствіе Царевны Ксесіи.

Въ осьмой день по смерти Димитрія, т. е. 24 Мая 1606 года, Князь Василій Ивановичъ Шуйскій, тотъ самый, коего голова за нѣсколько предъ тѣмъ мѣсяцевъ лежала на плахѣ, возведенъ былъ на Царскій престолъ. Не всѣ чины земскіе избрали его Государемъ: многіе изъ нихъ вовсе ничего не вѣдали; ему поднесли корону одни только жители Москвы — вѣрные соучастники въ убіеніи Димитрія, купцы, сапожники, пирожники и немногіе Бояре. Когда же Патріархъ со всѣмъ Духовенствомъ короновалъ его, и всѣ жители Москвы, Россіяне и Нѣмцы, дали присягу въ вѣрности; тогда уже разослали по всей Россіи указы, въ конхъ предписано было народу слѣдовать примѣру столицы.

Первымъ дѣломъ новаго Царя было объясниться съ Королемъ Польскимъ. Желая узнать, что побудило Польшу къ нарушенію мира,

Шуйскій отправилъ къ Сигизмунду посла съ 1606. значительными дарами, просилъ Его Величество запретить подданнымъ безпоконть набѣгами Русскіе предѣлы, изъявлялъ готовность жить въ добромъ согласіи, какъ было прежде, и вмѣстѣ съ симъ жаловался на Поляковъ, которые, пріѣхавъ въ Россію съ Воеводою Сендомирскимъ, позволяли себѣ столь наглые поступки и такъ озлобили народъ, что граждане возстали на своихъ оскорбителей. »Впрочемъ, присовокупилъ Шуйскій, хотя въ день мятежа погибло много Поляковъ, но Воевода Сендомирскій, подъ моею защитою, остался невредимъ.»

Король, съ своей стороны, ласково привѣтствуя Шуйскаго, просилъ отпустить въ Польшу его посланника, бывшаго при Димитріи. »Что же касается до убитыхъ Поляковъ, писалъ Сигизмундъ, не мое дѣло требовать возмездія. Поляки — народъ вольный, располагаютъ собою, какъ хотятъ, и если нѣкоторые изъ нихъ, пріѣхавъ въ Москву съ Воеводою Сендомирскимъ, на свадьбу его дочери, пострадали отъ собственнаго неблагоразумія, то сіе дѣло до меня не относится. Впрочемъ не могу также отнять права места у родственниковъ и друзей ихъ, если они захотятъ онымъ воспользоваться.» Въ заключеніе присовокупилъ, что Царскіе дары ему не нужны; отослалъ ихъ назадъ; просилъ только поскорѣ отпустить посланника.

1606. Шуйскій, исполняя желаніе Сигизмунда, дозволилъ послѣ выѣхать изъ Россіи; но прочіе Поляки были задержаны; ихъ бросали изъ одной темницы въ другую. Между тѣмъ, Царь, стараясь очистить городъ православный отъ нехристей (такъ называютъ Москвитяне всѣхъ вообще иноземцевъ), 23 Іюня выгналъ изъ столицы четверехъ медиковъ, навлекшихъ на себя его подозрѣніе короткимъ знакомствомъ съ Поляками, оставивъ при себѣ одного Давида Васмера, не имѣвшаго съ ними врагами никакой дружбы; онъ принятъ ко Двору и сдѣланъ Лейбъ-медикомъ.

Въ тоже время, распространилась молва, будто бы Царь Димитрій спасся отъ смерти и своихъ гонителей: Россіяне были въ недоумѣніи. Шуйскій спѣшилъ убѣдить народъ какъ въ самозванствѣ своего предшественника, такъ и въ неосновательности новыхъ разныхъ толковъ; для сего 30 Іюня послалъ въ Угличъ за прахомъ Царевича; а между тѣмъ, велѣлъ умертвить тамъ девяти-лѣтняго поповскаго сына, положить его въ гробъ и привезти въ Москву; самъ встрѣтилъ тѣло мнимаго Димитрія съ Боярами, Свѣщенниками, Монахами, съ крестами и хоругвями, проводилъ оное въ церковь, и велѣлъ объявить народу, что покойный Царевичъ, въ молодости безвинно пострадавшій, есть Святой Мученикъ: ибо тѣло его, преданное землѣ еще за 17 лѣтъ, нынѣ такъ свѣжо, какъ будто онъ только вчера

скончался; самые орѣхи, бывшіе въ рукѣ его 1606. предъ смертію, до сихъ поръ цѣлы; платье не встѣло и гробъ не согнулъ. Всякъ, кто хотѣлъ видѣть сего Угодника, могъ приходить въ Дворцовую церковь. Между тѣмъ, нѣсколько здоровыхъ людей, подкупленныхъ Шуйскимъ, притворяясь хворыми, хромыми, слѣпыми, ковыляли и приползали къ тѣлу Димитрія съ мольбою послать имъ исцѣленіе — и, о чудо! безногіе вдругъ пошли, слѣпые прозрѣли! Тѣ и другіе утверждали, что Царевичъ подалъ имъ помощь; а глупая чернь слушала ихъ съ благоговѣніемъ, и до такой степени вдалась въ суевѣріе, что Богъ, разгнѣванный обманомъ, наказалъ виновныхъ: одинъ мнимый слѣпецъ, умолявшій Димитрія о зрѣніи, дѣйствительно ослѣпъ; а другой обманщикъ, принесенный къ Святому, какъ разслабленный, умеръ. Наконецъ даже дѣти примѣтили, что всѣ сіи чудеса были только безстыднымъ обманомъ. Тогда Шуйскій приказалъ церковь запереть и никого въ нее не впускать, объявивъ, что народъ, не давая Царевичу покоя, прогнѣвалъ его ⁸⁵⁾.

Князь Григорій Шаховскій, въ день мятежа, похитивъ золотую Государственную печать, удался въ Путивль съ двумя Поляками, одѣтыми въ Русское платье. Переправясь чрезъ Оку, близъ Серпухова, онъ далъ перевозчику 6 Польскихъ злотыхъ и спросилъ его: »Знаешь ли, пріятель,

1606. «кто мы?» «Почему мнѣ знать!» отвѣчалъ переводчикъ. «Такъ слушай! сказалъ Шаховскій, только никому не говори: ты перевезъ Дмитрія, «Царя Всероссійскаго. Вотъ онъ (указавъ на одного Поляка), вотъ, нашъ юный, храбрый Царь, «котораго Москвитяне хотѣли убить! Онъ спасся—и съ Божіею помощію, приведетъ войско «изъ Польши, а тебя сдѣластъ большимъ человекомъ.»

Сію же сказку слышала въ Серпуховѣ одна Нѣмка — вдова, у которой Шаховскій обѣдалъ; давъ ей горсть денегъ, Князь примолвилъ: «Вотъ тебѣ, хозяйка, на медъ и пиво! Скоро мы сюда «возвратимся съ сильною ратію—и вы, Нѣмцы, «тогда будете счастливы.» Когда же Нѣмка сказала: «Что за странныя рѣчи? Кто вы?» Шаховскій отвѣчалъ: «Я—Князь; ѣду изъ Москвы, «и скажу тебѣ: ты угощала Царя Дмитрія! «Москвитяне хотѣли его убить; но обманулись: «убить другой человекъ, а Дмитрій спасся.» Съ симъ словомъ, бѣглецы пустились въ дорогу къ Путивлю; на всѣхъ постоялыхъ дворахъ, они рассказывали ту же басню, и притомъ такъ искусно, что всѣ Россіяне, отъ Москвы до Польской границы, начали вѣрить молвъ о спасеніи Дмитрія.

Достигнувъ Путивля, оба Ляха разлучились съ Княземъ Шаховскимъ, перешли за границу и давъ знать супругъ Воеводы Сендомирскаго

о происшествіяхъ Московскихъ, уведомили ее, 1606. что одинъ Князь, коему они обязаны спасеніемъ, взялся отмстить за смерть своего Государя. Между тѣмъ Шаховскій, открывъ за тайну жителямъ Путивля, что Москвитяне хотѣли умертвить Димитрія и перебили всѣхъ его Поляковъ; но что самъ онъ удалился къ тещѣ своей въ Польшу, откуда возвратится съ новыми силами и отмститъ измѣнникамъ, — убѣждаетъ народъ не оставлять Государя и помочь ему въ благомъ предпріятіи. Путивльцы съ радостію слышали вѣсть сію: немедленно призвали нѣсколько тысячъ Казаковъ, назначили Воеводою Истому Пашкова и поручили ему привести къ присягѣ окрестные города: вездѣ, куда ни приходилъ Пашковъ, жители изъявляли готовность служить Димитрію — и на пространствѣ 400 верстъ, до самаго Ельца, всѣ присягнули ему съ радостію ⁸⁶).

Свѣдавъ о семъ, Шуйскій ужаснулся и спѣшилъ собрать войско; а для лучшаго успѣха, распустилъ молву, что Крымскіе Татары, въ числѣ 50,000 человекъ, напали на Россію, положили многія тысячи Христіанъ, и уже идутъ къ Ельцу. Въ слѣдствіе сего, войско Царевѣицы приблизилось къ сему городу въ Августъ мѣсяцъ 1606 года; но къ удивленію, встрѣтило тамъ, вмѣсто Татаръ, земляковъ своихъ — Князей, Бояръ и Казаковъ Путивльскихъ. Обѣ стороны сразились: Москвитяне разбиты были на голову

1606. и отступили къ столицѣ. Путивльцы, захвативъ многихъ плѣнниковъ, поносили ихъ сими словами: »Вы думаете, к. . . д. . . съ своимъ шубникомъ (такъ называли Шуйскаго) умертвить Государя, перебить его людей и упиться его кровію: пейте же воду, бездѣльники, и тряскайте свои блины! Царь проучитъ васъ за кровопійство; пусть только придетъ войско его князь Польши! Нѣкоторые изъ плѣнныхъ, избитые плетями до полусмерти, получили свободу, но едва пришли въ Москву съ непріятною для Царя и причета его вѣстію, были заключены въ темницы и тамъ погибли.

Шуйскій, узнавъ о пораженіи своего войска, велѣлъ объявить народу, что Поляки, поддерживая Самозванца, низринули Россію въ бездну злополучія, истощили казну, обогрили землю кровію Христіанскою, погубили Царя Бориса Феодоровича съ сыномъ и супругою; нынѣ измѣнники снова разглашаютъ, что Димитрій не убитъ, а спасся бѣгствомъ: но это ложь очевидная; если бы даже молва сія была справедлива, во всякомъ случаѣ Димитрій есть обманщикъ, затѣявшій ввести въ Государство поганую вѣру.

Кромѣ сего, думая тронуть народъ жалостнымъ зрѣлищемъ, Царь Василій Ивановичъ приказалъ вырыть изъ могилы тѣла Бориса Годунова, сына и жены его, лежавшія въ одной

бѣдной обители 15 мѣсяцевъ, и похоронилъ 1606. оныя въ Троицкомъ монастырѣ съ Царскимъ великолѣпїемъ; тѣло Борисово несли 20 Монаховъ; супругу же и сына его по 20 Бояръ. Вельможи, Иноки, Священники, провождали усопшихъ пѣшкомъ до Троицкихъ воротъ: тамъ сѣвъ на коней, а гробы поставивъ на сани, отвезли ихъ въ монастырь съ торжественною тишиною. Позади ѣхала въ закрытыхъ саняхъ единородная дочь Годунова Ксенія, испуская жалобные вопли: »Горе мнѣ, злосчастной сиротѣ! Злодѣй погубилъ весь родъ мой; погубилъ отца, мать и брата; самъ онъ въ могилѣ, но и мертвый онъ терзаетъ Царство Русское. Суди его, Боже!«

Всѣ вообще Россїяне жалѣли о Борисѣ и охотно согласились бы видѣть его на престолѣ; но уже поздно: вольно же имъ было покидать его въ жертву Самозванцу; пусть пеняютъ сами на себя. Правду говоритъ пословица: *Старый другъ лучше новыхъ двухъ.*

ГЛАВА VIII.

1607—1608.

Пашковъ подѣ Москвою, Болотниковъ. Сиданіе его съ новымъ Самозванцемъ. Измена Калуги. Лжецарь вступаетъ въ Россію. Предложеніе Карла Шведскаго. Взятомяство Фидлера. Осада Калуги и Тулы. Самозванецъ въ Стародубѣ. Взятіе Тулы. Твердость Болотникова. Неудачи Васильевы. Лжедмитрій подѣ Брянскомъ и Болховымъ. Битвы. Предатель Ламдоръ. Дмитрій подѣ Москвою. Марина въ его рукахъ. Неудачныя столицы. Осада Троицкой Лавры. Бѣдствіе Ростова и Ярославля. Филаретъ.

Путивльскій воевода, Истома Пашковъ, въ Августъ мѣсяцъ двинулся на Москву, покоряя на пути до самой Коломны всѣ города и села Дмитрію безъ всякаго сопротивленія. Ставъ лагеремъ въ семи верстахъ отъ столицы, при деревнѣ Котлахъ, онъ требовалъ, чтобы жители Московскіе признали Дмитрія своимъ Государемъ, и выдали бы измѣнниковъ Шуйскихъ. Многіе изъ обитателей Москвы, Русскіе и иностранцы, не имѣя надежды на спасеніе, удалились изъ города.

Вскорѣ послѣ Мартинова дня, Истома Пашковъ соединился съ опытнымъ витяземъ, Иваномъ Исаевичемъ Болотниковымъ, который пришелъ къ нему на помощь чрезъ Калугу изъ Камарницкой волости, лежащей между Орломъ и

Путивлемъ. Всѣ города, бывшіе на пути его, 1606. также присягнули Димитрію. Болотниковъ родомъ былъ Русскій 87); увезенный въ молодости Татарами и проданный Туркамъ, онъ нѣсколько лѣтъ работалъ на галерѣ, какъ невольникъ; въ послѣдствіи, при помощи Нѣмцевъ, получивъ свободу, отправился въ Венецію, гдѣ услышалъ о странныхъ явленіяхъ въ своемъ Отецествѣ и спѣшилъ пробраться въ Польшу; тутъ узналъ онъ, что Царь Димитрій, убѣжавъ отъ кровожадныхъ Москвитянъ, скрывается у супруги Воеводы Сендомирскаго. Черезъ нѣсколько времени, Болотникова схватили и представили мнимому Димитрію, который, спрашивая его о родѣ и племени, замѣтилъ въ немъ опытность и предложилъ ему идти противъ измѣнниковъ. Болотниковъ съ радостію согласился пожертвовать жизнію за Царя своего. »Теперь я не могу еще наградить тебя, сказалъ Самозванецъ; на первый разъ возьми эту шубу, саблю и 30 червонныхъ. А это письмо вручи въ Путивль Князю Григорію Шаховскому; онъ дастъ тебѣ денегъ изъ Казны моей и войско. Скажи ему, что ты видѣлъ меня здѣсь и говорилъ со мною.«

Жители Путивля приняли Болотникова съ радостію и охотно вѣрили его рассказамъ, будто бы онъ проливалъ кровь свою за Димитрія и потерялъ все, что имѣлъ. Могли сомнѣваться

1606. въ этой сказкѣ тѣ люди, которые недавно повѣрили Князю Шаховскому?

Болотниковъ, въ слѣдствіе письменнаго и словеснаго повелѣнія Лжедмитріева, получивъ званіе большаго Воеводы, съ 12,000 отрядомъ 88) отправился чрезъ Камарницкую волость къ Москвѣ и вмѣстѣ съ Пашковымъ осадилъ сію столицу. Они однако поссорились: Болотниковъ, избранный Воеводою самимъ Царемъ, не хотѣлъ быть подъ начальствомъ Пашкова, избраннаго Шаховскимъ; прогналъ его и остался главнымъ Полководцемъ. Пашковъ, оскорбленный такимъ поступкомъ, завелъ переговоры съ Царемъ Василіемъ, получилъ отъ него знатные подарки и явившись въ Москвѣ съ Боярами Касимовскими и Рязанскими, среди бѣлаго дня объявилъ всенародно, что въ Путивлѣ никто не видалъ Дмитрія, что о спасеніи и бѣгствѣ его въ Польшу распустилъ слухъ Князь Шаховскій; но справедлива ли молва сія, ему, Пашкову, не извѣстно. Москвитяне отправились въ лагерь Болотникова съ требованіемъ показать имъ Царя Дмитрія. »Мы готовы присягнуть ему, говорили они, если только Царь твой истинный Дмитрій.« »Царь въ Польшѣ, отвѣчалъ Болотниковъ; я видѣлъ его своими глазами; онъ скоро сюда будетъ и поручилъ мнѣ васъ уведомить о семъ.« »Нѣтъ! возразили Москвитяне, это не Царь, а обманщикъ: мы сами убили Ди-

митрія. Не проливай крови напрасно, покорись 1606. Государю; онъ сдѣлаетъ тебя знатнымъ Господиномъ!» Болотниковъ отвергъ сіе предложеніе. «Давъ клятву Царю, говорилъ онъ, жертвовать за него самую жизнь, я сдержу свое слово и не буду бездѣльникомъ, подобно Пашкову. Вы заботитесь о своей пользѣ, я не менѣе думаю о собственной, еще болѣе о Государѣ. Идите; мы скоро увидимся!»

Послѣ сего онъ отправилъ гонца къ Князю Шаховскому, съ просьбою, какъ можно скорѣе доставить Царя изъ Польши: «Я довелъ Москвитянъ до того, писалъ Болотниковъ, что они готовы предаться Димитрію, лишь только увидятъ его. Царь долженъ пріѣхать одинъ, безъ войска: народъ и безъ того выдастъ ему измѣнника Шуйскаго.» Но тотъ, кого Шаховскій именовалъ Димитріемъ и отъ кого получалъ онъ въ Путивлѣ письма, не хотѣлъ вѣрить сему извѣстію, жилъ въ Польшѣ богатымъ Паномъ, и не искалъ престола, предоставивъ право спорить объ ономъ кому было угодно ⁸⁹).

И такъ не видя мнимаго Димитрія, разувѣренные Москвитяне ежедневно дѣлали вылазки; наконецъ самъ Шуйскій повелъ 100,000 человекъ на враговъ: множество побилъ, 10,000 взялъ въ плѣнъ, а остальныхъ обратилъ въ бѣгство. Отступивъ къ Серпухову, Болотниковъ сказалъ жителямъ сей крѣпости, что если они

1607. согласятся довольствовать его войско въ продолженіе года, онъ останется съ ними; въ противномъ случаѣ долженъ будетъ удалиться. Ему отвѣчали, что въ Серпуховѣ и самимъ нечего ѣсть; тогда онъ отступилъ далѣе, въ Калугу, на 36 миль отъ Москвы, городъ обильный съѣстными припасами. Калужане, въ угожденіе Царю Димитрію, приняли его защитника дружелюбно.

Болотниковъ обвелъ Калугу тыномъ съ двойнымъ рвомъ и выдержалъ осаду съ 30 Декабря 1606 года по 3 Мая 1607; но какъ Димитрій все еще не являлся, ибо въ Польшѣ не было охотниковъ идти на вѣрную смерть, то Князь Григорій Шаховскій выдумалъ новое средство и безъ Польскаго Димитрія поработить Москвитянъ. Степные Казаки уведомили его, что сынъ слабоумнаго Царя Феодора, Петръ, едва спасенный отъ Годунова, еще въ младенчествѣ, и нашедшій убѣжище въ ихъ степяхъ, желаетъ повидаться съ дядею своимъ Димитріемъ, въ намѣреніи испросить себѣ удѣлъ для различнаго мѣстопробыванія. Шаховскій, имѣя въ рукахъ Димитріеву печать, написалъ отъ имени сего Государя къ Царевичу Петру грамоту, въ коей просилъ набрать Казаковъ какъ можно болѣе, и привести ихъ въ Путивль, для покоренія Россіи, съ тѣмъ, что Царевичъ будетъ управлять престоломъ до прибытія Димитрія изъ

Польши. Такъ онъ предавалъ въ руки Петра 1607. прекраснѣйшее Царство 90)!

Петръ привелъ въ Путивль, на помощь дядѣ своему Димитрію, 10,000 человекъ; отсюда онъ отправился къ Тулу, вмѣстѣ съ Шаховскимъ, который рѣшился возвести его на Русскій престолъ, если Богъ поможетъ имъ одолѣть Москвитянъ, и никто не вздумаетъ пріѣхать изъ Польши, чтобы выдать себя за Димитрія; впрочемъ всѣ дѣлалъ и говорилъ именемъ сего Царя, который давно былъ въ могилѣ.

Въ томъ-же году Карлъ Герцогъ Шведскій, желая предостеречь Василя Шуйскаго, уведомлялъ его чрезъ нарочнаго посланника 91), что Король Польскій и Папа Римскій умышляютъ злое на Россію, что опасность, грозящая Русскому Царству, обратится и на Швецію; почему, предостерегая своего любезнаго сосѣда, Герцогъ изъяснялъ готовность выслать къ Новугороду въ пособіе 10,000 воиновъ Шведскихъ или Нѣмецкихъ, если Царь согласится содержать ихъ на счетъ своей казны. Шуйскій не принялъ сего предложенія и отвѣчалъ Герцогу, что Россія всегда умѣла собственными силами управляться со врагами, безъ помощи сосѣдовъ, и никогда искать оной не будетъ. Однако онъ ошибся въ своемъ расчетѣ; послѣ и самъ искалъ защитниковъ въ Швеціи, да уже поздно: пришелъ наконецъ Делагарди; но призвать его стоило Царю

1607. больших трудовъ и издержекъ. Не даромъ говорятъ пословица: *Куй желъзо, пока оно горячо.*

Между тѣмъ, легкомысленный Нѣмецъ, именемъ Фридрихъ Фидлеръ, родомъ изъ Кенигсберга, явился къ Василию Шуйскому съ предложениемъ избавить его и Россію отъ Болотникова ядомъ, если только будетъ награжденъ помѣстьями и деньгами. Шуйскій, давъ Фидлеру на первый разъ 100 талеровъ и коня, объявилъ, что онъ получитъ въ награду 100 душъ крестьянъ и 300 талеровъ ежегоднаго оклада, если сдержитъ свое слово и присягнетъ въ непремѣнномъ исполненіи своего обѣщанія: ибо Царь не совѣстѣмъ вѣрилъ ему, какъ извѣстному хвастуну и обманщику. Легкомысленный Фидлеръ произнесъ такую клятву, что у всякаго, кто слышалъ оную, дыбомъ становились волосы. Потомъ взялъ деньги, отправился въ Калугу, и вручилъ Болотникову ядъ, въ присутствіи многихъ людей, объявивъ, что это—подорокъ Василія Шуйскаго, и что Воевода можетъ употребить оный какъ хочетъ. Болотниковъ осыпалъ его наградами; но клятвопреступникъ, продавъ душу свою дьяволу и обезславивъ имя Нѣмцевъ, мало выигралъ: потерялъ все имущество, ни въ чемъ не находилъ утѣшенія; самый видъ его сдѣлался страшнымъ и дикимъ; въ послѣдствіи

онъ попался въ руки Шуйскаго и былъ сосланъ 1607. въ Сибирь. Вотъ его клятва :

»Во имя пресвятой и преславной Троицы, во имя предвѣчнаго Бога Отца, Бога Сына и Бога Духа Святаго, я Фридрихъ Фиддлеръ даю сію клятву въ томъ, что хочу погубить ядомъ врага Царю Василию Ивановичу и всему Царству Русскому, Ивана Болотникова; если же сего не исполню и обману моего Государя, да лишитъ меня Господь навсегда участія въ небесномъ блаженствѣ; да отринетъ меня навѣки отъ своего милосердія едиnorodный сынъ Божій Иисусъ Христосъ, кровь свою за насъ проліявшій; да не будетъ подкрѣплять душу мою сила Св. Духа; да покинуть меня всѣ Ангелы, Христіанъ охраняющіе. Пусть обратятся во вредъ мнѣ стихіи міра сего, созданныя на пользу чelовѣка; пусть земля поглотитъ меня живаго; да будутъ земныя произрастенія мнѣ отравою, а не пищею; да овладѣетъ тѣломъ и душею моею діаволь. Если даже духовный отецъ разрѣшитъ меня отъ клятвы, которую исполнить я раздумалъ бы, да будетъ таковое разрѣшеніе недѣйствительно. Но нѣтъ! я сдержу свое слово и симъ ядомъ погублю Ивана Болотникова, уповав на Божію помощь и Св. Евангеліе.«

1 Мая 1607 года, Царевичъ Петръ выслалъ изъ Тулы войско на помощь Калугѣ, уже давно

1607. осаждаемой Москвитянами. Царскіе Воеводы отправили противъ сего отряда нѣсколько тысячъ человѣкъ; враги встрѣтились на Пчелнѣ и сразились. Москвитяне, разбитые на голову, съ ужасомъ прибѣжали въ окопы свои подѣ Калугу. На другой день Болотниковъ сдѣлалъ вылазку и такъ перепугалъ Царское войско, что кинувъ всѣ орудія, всѣ военные снаряды, всѣ жизненные припасы, оно бросилось къ Москвѣ; а побѣдитель, избавившись отъ осады, перешелъ къ Петру въ Тулу.

Шуйскій однако ободрился, хотѣлъ овладѣть симъ городомъ, гдѣ собрались главные мятежники, и отправилъ всю рать свою къ Серпухову. Узнавъ о такомъ намѣреніи, Царевичъ Петръ, Князь Шаховскій и Болотниковъ спѣшили врагамъ на встрѣчу, и сразились съ ними подѣ Серпуховымъ; битва была упорная; Москвитяне разбѣжались бы навѣрное, еслибъ одинъ изъ Тульскихъ Воеводъ не передался на ихъ сторону съ 4,000 человѣкъ. Эта измѣна ужаснула сподвижниковъ Петра: они оставили поле сраженія и возвратились въ Тулу. Послѣ кратковременнаго отдыха, мятежники опять выступили на встрѣчу Василю Ивановичу, который уже приближался къ сему городу; но какъ Царское войско несравненно было многочисленнѣе, простираясь до 100,000 человѣкъ: то они возвратились въ крѣпость. Царь, въ Іюнь мѣсяцѣ

окруживъ Тулу со всѣхъ сторонъ, приказалъ 1607. запрудить въ полумили отъ города, рѣку Упу, среди ея протекающую. Вода остановилась и наполнила всѣ улицы, по конимъ можно было ѣздить только на паромахъ ⁹²⁾; между тѣмъ пресѣкся подвозъ сѣстныхъ припасовъ и настала голодъ: жители начали ѣсть собакъ, кошекъ, стерву, лошадей и воловьей кожи; дороговизна была страшная: за бочку ржаной муки платили 100 гульденовъ; пива не было и въ поминѣ; голодъ погубилъ многихъ; напрасно Болотниковъ нѣсколько разъ писалъ въ Польшу, къ тому, кто отправилъ его въ Россію, съ просьбою поспѣшить на помощь: Димитрій не являлся.

Наконецъ Казаки и всѣ граждане Тульскіе, разувѣренныя въ молвѣ о спасеніи Димитрія, рѣшились выдать Царю Василю главныхъ виновниковъ обмана, Князя Шаховскаго и Болотникова; сей послѣдній не терялъ мужества и сказалъ недовольнымъ: »Когда пріѣхалъ я изъ Венеціи въ Польшу, молодой человекъ, лѣтъ 24 или 25, призвалъ меня и объявилъ, что онъ Димитрій, бѣжавшій изъ Москвы во время бунта. Я далъ ему клятву въ вѣрности и сдержу мое слово. Не знаю, точно ли онъ Димитрій, коего видѣть въ Москвѣ мнѣ не случалось; но люди, знавшіе Царя, увѣряютъ, что сей человекъ на него похожъ.«

1607. Болѣе всего негодовали на Князя Шаховскаго, который разгласилъ, будто бы Димитрій бѣжалъ съ нимъ изъ Москвы; посадили его подъ стражу, съ угрозою выдать, какъ виновника войны, Василию Шуйскому, если не явится Димитрій. Наконецъ Болотниковъ далъ Подяку Ивану Мартиновичу Заруцкому порученіе развѣдать, что случилось съ тѣмъ, кто называлъ себя Димитріемъ, и будетъ ли онъ въ Россію, или нѣтъ. Заруцкій только доѣхалъ до Стародуба, гдѣ остался и ничего не отвѣчалъ.

Не имѣя свѣдѣній отъ Заруцкаго, Болотниковъ и Шаховскій отправили въ Польшу другаго гонца: то былъ Казакъ; онъ переплылъ Упу, достигъ Польши и увѣдомилъ друзей Воеводы Сендомирскаго, что если никто изъ нихъ не согласится выручить осажденных изъ бѣды неминуемой; то всѣ города, покоренные во имя Димитрія, будутъ преданы Его Величеству Королю Польскому, лишь только бы не доставались они Шуйскому. Друзья Воеводы Сендомирскаго тотчасъ приступили къ дѣлу; сыскали въ Бѣлорусскомъ городѣ Соколъ ⁹³⁾, проворнаго молодца, именемъ Ивана, родомъ изъ Россіи: онъ былъ учителемъ у какого-то Священника, и хорошо разумѣлъ языкъ Русскій и Польскій. Давъ сему плуту роль Димитрія съ нужными наставленіями, Поляки отправили его въ Путивль съ Паномъ Мѣховецкимъ ⁹⁴⁾. Жители Путивля

съ радостію признали его Димитріемъ. Отсюда 1607. обманщикъ въ концѣ Іюля пошелъ въ страну Сѣверскую и прибылъ въ Стародубъ съ двумя спутниками, Григоріемъ Кашнецомъ и писаремъ Алексѣемъ; но здѣсь выдавалъ себя не за Царя, а за Царскаго родственника, Нагаго; говорилъ, что Царь не далеко съ Павомъ Мѣховецкимъ и многими тысячами всадниковъ; что Стародубцы должны радоваться прибытію Государя, который за вѣрную службу осыплетъ ихъ милостями.

Мѣховецкій однакожь не явился къ назначенному времени; жители Стародубскіе, раздраженные обманомъ, схватили писаря Алексѣя, Григорія Кашнеца, даже мнимаго родственника Царскаго—Лжедимитрія II, и повели ихъ къ пыткамъ; начали съ писаря: раздѣли его и стали исписывать ему спину плетью, допрашивая, живъ ли Царь и гдѣ онъ? Къ такому письму писарь не привыкъ. »Пусть будетъ сомной, что Николѣ угодно, размышлялъ онъ; скажу правду; открою, что сей Нагой не родственникъ Царя, а самъ Димитрій.» Наконецъ рѣшился и закричалъ: Пощадите, дайте сказать, гдѣ Царь вашъ! Пытку прекратили. »Дураки! говорилъ Алексѣй народу, ну какъ вамъ не грѣшно тиранить меня за Государя? Да развѣ не знаете его? Онъ здѣсь; онъ видитъ мою муку: вотъ онъ! Это не Нагой, а Царь вашъ. Коли хотите и его по-

1607. губить съ нами, губите! Для того-то и не открывался онъ, чтобы узнать, будете ли вы рады ему.» Тутъ бѣдные простодушные Стародубцы пали предъ Самозванцемъ на колѣни и завопили: «Виноваты, Государь; клянемся жить и умереть за тебя!» Его проводили съ почтеніемъ въ Царскія палаты. Такимъ образомъ Димитрій, убитый въ Москвѣ, опять явился въ Стародубъ.

Обрадованный симъ событіемъ, Иванъ Мартиновичъ Заруцкій (котораго послали, какъ выше сказано, къ Царю изъ Тулы), немедленно явился къ Самозванцу, представилъ письмо, и хотя съ перваго взгляда замѣтилъ, что сей Димитрій есть обманщикъ; но въ присутствіи народа, призналъ его своимъ прежнимъ Государемъ, котораго впрочемъ никогда не видывалъ. Стародубцы еще болѣе убѣдились въ истинѣ словъ писаря Алексѣя.

Въ тотъ же день прибылъ и Мѣховецкій съ нѣсколькими эскадронами Польской конницы. Димитрій тотчасъ отправилъ его освободить Козельскъ отъ осады; а самъ обѣщалъ идти въ слѣдъ, для освобожденія Тулы и Калуги; остался же въ Стародубѣ только для того, чтобы увѣриться въ усердіи народномъ; для сего употребилъ слѣдующую хитрость: Ивану Заруцкому приказано было выѣхать съ копьемъ въ рукахъ за городъ и ожидать тамъ Димитрія, который хотѣлъ состязаться съ нимъ въ искусствѣ

владѣть оружіемъ и въ ристанин. Какъ скоро 1607. соберется народъ на сіе зрѣлище, Заруцкій долженъ былъ ударить въ Царя копьемъ по платью, такъ, чтобы онъ свалился съ лошади, будто бы отъ удара, а самъ немедленно ускакать въ городъ и скрыться: все это дѣлалось для того, чтобы видѣть, равнодушно ли перенесетъ народъ паденіе своего Государя. Въ слѣдствіе сего условія, Царь упалъ съ коня и притворился полумертвымъ; граждане бросились на Заруцкаго съ крикомъ: «лови, держи измѣнника!» схватили его въ воротахъ, изрядно отпочивали дубинами, привели къ Царю связаннаго и спрашивали, что прикажетъ дѣлать съ виновнымъ. Димитрій, видя, что бѣдному Заруцкому довольно досталось, отвѣчалъ со смѣхомъ: «Спасибо вамъ, православные! вижу преданность вашу; я цѣлъ и невредимъ. Это была шутка; мы хотѣли только испытать васъ.» Стародубцы дивились такой хитрости и смѣялись отъ чистаго сердца; а Заруцкій остался при своихъ побояхъ.

Между тѣмъ, Панъ Мѣховецкій прогналъ Москвитянъ отъ Козельска и ожидалъ тамъ своего Государя. Димитрій выступилъ 1 Августа съ намѣреніемъ освободить Тулу и Калугу; но скоро возвратился къ Самову; ибо узналъ, что Шуйскій старается склонить на свою сторону города Болховъ, Бѣлевъ, Лихвинъ, и разставляетъ ему сѣти. Сія города въ самомъ дѣлѣ

1607. поддались Шуйскому и вѣрно поймали бы Самозванца, если бы онъ не успѣлъ удалиться и не ушелъ въ Самовъ, гдѣ жилъ цѣлую зиму, пока не получилъ подкрѣпленія.

Послѣ отпаденія Болхова, Бѣлева и Лихвина, Тула не могла долѣе держаться: голодъ усиливался, вода прибывала; однакожъ осажденные не хотѣли покориться; ждали только пониженія воды, чтобы сдѣлать вылазку и пробиться сквозь непріятелей. Какой-то чародѣй, старый Монахъ, изъявилъ Петру и Болотникову готовность прорыть плотину и спустить воду; требовалъ только 100 рублей за услугу. Когда обѣщали ему сію награду, онъ раздѣлся донага и бросился въ воду: вдругъ послышался въ глубинѣ страшный шумъ; Монаха не видно было долѣе часу; всѣ думали, что онъ попался въ когти дьяволу. Но чародѣй наконецъ выплылъ, только весь изцарапанный,—и навопросъ, гдѣ онъ такъ долго былъ, отвѣтствовалъ: «Не дивитесь! Мнѣ было довольно дѣла: 12,000 бѣсовъ помогали Шуйскому сдѣлать сію плотину и запрудить Упу. Съ ними-то я все возился, не щадя себя, какъ вы можете судить по этимъ язвамъ; 6,000 демоновъ я склонилъ на нашу сторону; но прочіе 6,000, самые злобные, не даютъ разрушить плотину: съ ними я не могъ сладить!»

Димитрія все не было; въ Тулѣ утратили по- 1607.
слѣдную надежду на спасеніе; изнуренные голо-
домъ жители едва могли держаться на ногахъ;
наконецъ Петръ и Болотниковъ извѣстили Шуйс-
каго, что они готовы сдать ему крѣпость, если
имъ даровано будетъ помилованіе; въ против-
номъ случаѣ умрутъ съ оружіемъ въ рукахъ и
скорѣе съѣдятъ другъ друга отъ голода, нежели
сдадутся.

Шуйскій, изумленный сими словами, от-
вѣтствовалъ: »Я далъ клятву не іаждать никого
изъ Тульскихъ жителей; но ваша доблесть и
неизмѣнное соблюденіе присяги, хотя и *вору* дан-
ной, побуждаетъ меня даровать вамъ жизнь,
если только вы согласитесь служить и мнѣ съ
тою же вѣрностію.« Сія слова Царь подтвердилъ
крестнымъ цѣлованіемъ; Тула покорилась 1607
года, въ день Іуды и Симеона.

Выѣхавъ въ задніе ворота, гдѣ разлитіе
воды было не такъ сильно, Болотниковъ явился
предъ ставкою Шуйскаго, сошелъ съ коня, обна-
жилъ саблю, положилъ ее себѣ на шею, уда-
рилъ челомъ въ землю и сказалъ Василию:
»Я исполнилъ обѣтъ свой; служилъ вѣрно тому,
кто называлъ себя Димитріемъ въ Польшѣ
(справедливо, или нѣтъ, не знаю: никогда пре-
жде Царя я не видывалъ). Я не измѣнилъ своей
клятвѣ; но онъ выдалъ меня; теперь я въ твоей
власти! Если хочешь головы моей—вели отсѣчь

1607. ее этою саблею; но если оставишь мнѣ жизнь,— послужу тебѣ столь же вѣрно, какъ и тому, кто оставилъ меня.» Шуйскій послалъ его съ Княземъ Петромъ и 52 Нѣмцами въ Москву, подѣ надзоромъ приставовъ. Нѣмцы могли видѣться съ друзьями своими; но Болотниковъ и Петръ ни съ кѣмъ не имѣли сношенія и находились нѣсколько времени подѣ стражею. Василій сдержалъ Царское слово такъ свято, какъ только можно ожидать отъ подобныхъ ему людей: Князя Петра, который могъ быть истиннымъ Царевичемъ⁹⁵⁾, приказалъ повѣсить; Болотникова отправилъ въ Каргополь и заключилъ въ темницу, а потомъ велѣлъ утопить; Нѣмцевъ разослалъ въ Сибирскія степи, на 800 миль отъ Москвы, гдѣ они болѣе 4 лѣтъ до сего 1612 года, живутъ среди народовъ дикихъ, варварскихъ, не видятъ ни куска хлѣба, питаются только рыбою и мясомъ. Да поможетъ имъ милосердый Богъ, ради Иисуса Христа, освободиться изъ этой неволи! Князь Григорій Шаховскій, главный виновникъ войны, счастливо спасся отъ петли, благодаря своей тюрмѣ: искусному плуту все сходять съ рукъ! Казаки и Тульскіе граждане посадили его въ темницу за ложное увѣреніе въ помощи Дмитрія; Шуйскій, овладѣвъ городомъ, приказалъ выпустить на волю всѣхъ заключенныхъ, въ числѣ ихъ и Шаховскаго, который увѣрялъ Царя, что народъ

озлобился на него за намѣреніе покориться Го- 1607.
сударю. И такъ сей грубый обманщикъ полу-
чилъ полную свободу; но въ послѣдствіи, при
первомъ удобномъ случаѣ, передался Димитрію
II, и сдѣлался его главнымъ Воеводою и вѣр-
нѣйшимъ совѣтникомъ.

Въ знакъ благодарности за покореніе Тулы,
Василій отправился на богомолье въ Троицкій
монастырь, въ ненастное осеннее время; усерд-
но молился тамъ Св. Сергію, просилъ его за-
ступленія противъ прочихъ враговъ Калужскихъ,
Козельскихъ, особливо противъ сопостата Самов-
скаго, именовавшаго себя Димитріемъ, и далъ
обѣтъ въ честь Св. Сергія установить въ Троиц-
кой обители празднество, когда смирить из-
мѣнниковъ.

Всѣ люди военные, осаждавшіе Тулу, полу-
чили дозволеніе отлучиться въ дома для отды-
ха, до перваго зимняго пути; но тѣ Воеводы и
ратники, которые стояли поѣзъ Калугою, обяза-
ны были оставаться на службѣ. Царь отправилъ
въ сей городъ Боярина Егора Беззубцева, (быв-
шаго прежде на сторонѣ измѣнниковъ сперва
въ Калугѣ, потомъ въ Тулѣ), съ обѣщаніемъ да-
ровать милость мятежникамъ, если они поко-
рятся добровольно. Калужане отвѣчали, что они
и не думаютъ о сдачѣ; что не знаютъ другаго
Царя, кромѣ Димитрія, который не замедлитъ

1607. подать имъ помощь; потомъ сдѣлали вылазку и побили множество Москвитянъ.

Раздраженный такимъ упорствомъ, Василій рѣшился овладѣть городомъ непремѣнно; не хотѣлъ ожидать войска, распущеннаго до зимняго пути, и приказалъ объявить пѣвнымъ Казакамъ, отбитымъ у Болотникова подъ Москвою 2 Декабря 1606 года, что если они желаютъ получить свободу, оружіе и деньги, пусть присягнуть ему въ вѣрности и пойдутъ на враговъ. 4000 Казаковъ поклялись немедленно; получили нѣсколько бочекъ пороху и отправились подъ Калугу, чтобы взять ее приступомъ. Но тамъ вскорѣ поссорились съ Боярами и замыслили измѣну; Воеводы Шуйскаго, бросивъ станъ, бѣжали въ Москву.

На другой день, Казаки подошли къ стѣнамъ крѣпости, рассказали осажденнымъ о бѣгствѣ Москвитянъ, совѣтовали скорѣ воспользоваться порохомъ и съѣстными припасами, въ лагерь оставленными, и просили дозволенія войти въ городъ. Но какъ Воевода Шотуцкій не вѣрилъ симъ словамъ, то они переправились чрезъ Оку, ниже крѣпости, и объявили, что пойдутъ искать Царя своего Диматрія. Калужане рѣшились осмотрѣть лагерь Московскій, и увидѣвъ, что онъ оставленъ непріятелемъ, послали вслѣдъ за Казаками съ просьбою возвратиться; но уже поздно: огорченные отказомъ,

Казаки продолжали путь; воротились только 1608. 100 человекъ и нѣсколько Атамановъ для покупки разныхъ припасовъ; Казаки остались въ Калугѣ, Атаманъ же уѣхалъ обратно.

Между тѣмъ Калужане захватили все, что нашли въ станѣ Московскомъ, и потомъ храбро оборонялись до пріѣзда Димитрія II, признали его истиннымъ Димитріемъ, присягнули ему въ вѣрности, и не измѣняли клятвъ до самой смерти Самозванца, какъ ниже будетъ сказано въ концѣ сей книги.

Желая выгнать Димитрія II изъ Сомова, Шуйскій вывелъ въ поле всѣхъ Бояръ и отправилъ ихъ съ войскомъ подъ Болховъ; но глубокий снѣгъ, выпавшій въ Январѣ 1608 года, остановилъ военныя дѣйствія; можно было вредить только однимъ кормовщикамъ. Между тѣмъ Димитрій, свѣдавъ о многочисленности Василіевой рати, отправилъ въ Польшу гонца съ требованіемъ прислать какъ можно болѣе конницы. Въ слѣдствіе сего, Самуилъ Тишкевичъ привелъ къ нему 700 всадниковъ; потомъ явился съ такимъ же отрядомъ Александръ Лисовскій.

Димитрій выступилъ со всѣмъ войскомъ изъ Сомова и осадилъ Брянскъ. Здѣсь начальствовалъ сотнею Нѣмцевъ плѣнный Ливонецъ Гансъ Бергъ, мошенникъ преискусный: за годъ предъ тѣмъ, онъ оставилъ Шуйскаго и передался Димитрію; потомъ измѣнилъ своимъ товари-

1608. шамъ, осажденнымъ въ Калугъ, явился къ Василію и былъ щедро награжденъ; спустя нѣсколько времени, снова перебѣжалъ къ Димитрію, покинувъ въ Москвѣ дѣтей, и взявъ съ собою только жену; Самозванецъ хотѣлъ его повѣсить; но Паны Польскіе испросили ему прощеніе. Не прослуживъ и года Димитрію, Гансъ Бергъ выдалъ Тулу, опять очутился въ Москвѣ и снова заслужилъ милость Царскую. Сообщникомъ сему измѣннику былъ другой старый плутъ, также Ливонецъ, Тенниргъ фонъ Виссенъ: они выдали Димитрію Боярина Ивана Ивановича Годунова, мужа добраго и благочестиваго, котораго Самозванецъ велѣлъ утопить въ Калугѣ 96).

Не взявъ Брянска, Димитрій двинулся къ Орлу, куда уже прибылъ Князь Адамъ Вишневецкій съ 2000 конныхъ копѣйщиковъ и Князь Романъ Рожинскій съ 4000. До сихъ поръ главнымъ Полководцемъ Димитріевымъ былъ Мѣховецкій; Рожинскій, отнявъ у него начальство надъ войскомъ, въ Апрѣлѣ 1608 года приступилъ къ Болхову; Москвитяне ужаснулись; многіе Князья, Бояре и Нѣмцы, видя многочисленность Поляковъ, увѣрили, что ихъ привелъ истинный Димитрій, перешли къ нему и въ награду получили столько помѣстьевъ, сколько никогда прежде не имѣли; почему хотя въ послѣдствіи и увидѣли въ мнимомъ Царѣ обманщика; однакожь не хотѣли его оставить. Димит-

рій еще болѣе увеличилъ число приверженцевъ, 1608. объявивъ въ разныхъ городахъ, что крестьяне, согласные присягнуть ему, могутъ присвоить земли господъ своихъ, служившихъ Василию, и жениться на дочеряхъ Боярскихъ, коихъ успѣютъ захватить въ помѣстьяхъ. Такимъ образомъ многіе холопи сдѣлались Боярами, а господа ихъ, преданные Шуйскому, умирали съ голоду.

17 Апрѣля начальники Нѣмецкой дружины послали къ Димитрію II Ротмистра Бартольда Ламсдорфа, юношу неопытнаго, никогда въ чужихъ краяхъ не бывавшаго, Поручика Іоахима Берга и Прапорщика Георга фонъ Аалена, людей столь же малоопытныхъ, но въ плутовствѣ довольно искусныхъ: они предлагали Димитрію свои услуги и просили не останавливаться походомъ, общалъ при первомъ сраженіи перейти на его сторону съ распущенными знаменами. Надобно знать, что сіи люди присягнули Шуйскому, около двухъ лѣтъ служили съ честью, брали деньги, и притомъ слышали, что Димитрій—Самозванецъ. Вѣроломные уговаривали и прочихъ Нѣмцевъ передаться Димитрію, хотя многіе изъ нихъ имѣли въ Москкѣ женъ и дѣтей. Если бы сіе случилось, Шуйскій не пощадилъ бы ни одного Нѣмецкаго младенца; но Всевышній, по вѣчной Своей премудрости, удержалъ простыхъ воиновъ отъ измѣны, а начальниковъ такъ ослѣпилъ, что они ежедневно на-

1608. пивались до-пьяна и забыли о своемъ предложеіи непріятелю. 23 Апрѣля, въ день Св. Георгія, Димитрій встрѣтился съ Русскимъ войскомъ при Каминшѣ: битва завязалась. Начальники Нѣмецкой дружины были такъ трезвы, что вовсе позабыли свою измѣну; простые же всадники, ничего объ оной не зная, по первому приказанію, ударили на Поляковъ и побили ихъ до 4000 человекъ. Раздраженные потерей, Димитрій и Полководецъ его Рожинскій вѣрно перевѣшали бы Нѣмецкихъ переметчиковъ, если бы сіи послѣдніе не скрылись. Рожинскій отдалъ приказъ не падать ни одного Нѣмца въ слѣдующемъ сраженіи.

24 Апрѣля Димитрій двинулся всѣми силами подѣ Болховъ на Москвитянъ. Конные копѣйщики его, ударивъ на самый многочисленный отрядъ, обратили его въ бѣгство. Предатель же Ламсдорфъ отвелъ въ сторону своихъ всадниковъ и хотѣлъ итти къ Димитрію съ распущенными знаменами. Многіе честные люди говорили ему: »Все кончено! Русскіе бѣгутъ; Поляки насъ окружаютъ: одни мы не въ силахъ устоять. Куда же идешь ты Капитанъ?» »Тотъ будетъ бездѣльникъ, воскликнулъ Ламсдорфъ, кто оставитъ свое знамя!» »Называй насъ какъ хочешь, отвѣтствовали воицы; мы не оставемся: сраженіе проиграно, а ты замыслиаешь передаться; жены и дѣти еще слишкомъ для насъ

милы, чтобы губить ихъ измѣною. Плутства 1608. же не любимы! Сказавъ сіе, они поскакали за Русскими въ Москву. Вскорѣ Запорожскіе Казаки, окруживъ покрытаго латами измѣнника Ламсдорфа и всѣхъ единомышленниковъ его, исполнили въ точности приказаніе Рожинскаго : всѣ Нѣмцы, числомъ до 200 человекъ, были изрублены, оставивъ женъ своихъ горестными вдовцами, а дѣтей несчастными сиротами. Никогда не загладить своей вины легкомысленный Ротмистръ, равно затѣявшій быть слишкомъ умнымъ: въ пренеподнія ада низринуть его слезы вдовъ и сиротъ, коихъ мужа и отцы сдѣлались жертвою столь постыднаго поступка! Измѣна его была бы еще пагубнѣе, если бы онъ живой передался непріятелю : тогда всѣхъ Нѣмцевъ, оставшихся въ Москвѣ, Шуйскій велѣлъ бы навѣрное перебить. Теперь же, когда многіе изъ ихъ единомышленниковъ пали на полѣ битвы, Россіянѣ жалѣли о сихъ страдальцахъ и не отняли помѣстьевъ у вдовъ беззащитныхъ. Ламсдорфъ и единомышленники его затѣяли измѣну единственно для того, чтобы заслужить почтеніе Поляковъ ; пускай другіе лишились бы головы, съ женами и дѣтьми—для нихъ было все равно. Правосудіе Божіе покарало предателей ; не найдутъ они себѣ покоя и въ могилахъ—и тамъ будутъ преслѣдовать ихъ невинныя жертвы!

Разбитый Шуйскій возвратился въ Москву,

1608. въ день Вознесенія Христова; ему казалось, что всѣ Москвитяне хотять наострить лыжи изъ Москвы и бѣжать къ Самозванцу: и точно народъ оставилъ бы Василія навѣрное, еслибъ Димитрій поспѣшилъ пришествіемъ. »За чѣмъ не возвращаются Бояре, которые передались ему?« толковала чернь. Многіе граждане уже помышляли о средствахъ оправдать себя предъ Димитріемъ, когда онъ овладѣетъ столицею, и всю вину слагали на Бояръ, называя ихъ предателями, себя же оправдывая невѣдѣніемъ. »Говорять, что Димитрій весьма проникателенъ, сказалъ одинъ Москвитянинъ, и что онъ можетъ по глазамъ узнать виновнаго.« »Пропалъ же я, вскричалъ уstraшенный мясникъ, если онъ меня увидитъ: этимъ ножемъ я заколоу пятерыхъ его Поляковъ!« Однимъ словомъ, Москва была въ ужасѣ.

9 Іюня Димитрій со всѣми силами подступилъ къ Москвѣ и остановясь въ селѣ Тайнинскомъ, осматривалъ окрестныя мѣста, гдѣ бы расположиться лагеремъ; въ семь же мѣсяцъ прибылъ къ нему изъ Литвы Янъ Петръ Павелъ Сапѣга съ 7000 конныхъ копѣйщиковъ.— Василій съ своей стороны выслалъ изъ столицы сильное войско, подѣ начальствомъ Князя Михаила Скопина; но сіе войско, оградивъ станъ свой острогами, оставалось въ бездѣйствіи; Димитрій, напавъ на оное 24 Іюня, въ ночь на Ивановъ

день, такъ потревожилъ сонъ Московскихъ 1608. ратниковъ, что многіе изъ нихъ никогда уже не проснутся. Ожидая приступа къ самой Москвѣ, Василій велѣлъ поставить пушки на городскихъ валахъ. Поляки навѣрное овладѣли бы столицею, если бы напали на нее немедленно; но Димитрій, надѣясь на покорность жителей, не хотѣлъ разорять столь обширнаго города, и неоднократно удерживалъ нетерпѣливыхъ Поляковъ, шедшихъ самовольно на приступъ, сими словами: »Если разорите мою столицу и сожжете мою казну, чѣмъ же будетъ мнѣ наградить васъ?« Не другъ, а злѣйшій врагъ внушилъ Димитрію эту мысль! Гораздо было бы лучше истребить одинъ городъ, чѣмъ разорять половину Царства: въ Россіи скоро явилась бы новая Москва; спасая столицу, онъ предавалъ множество селъ и городовъ разрушенію.

29 Іюня 1608 года, въ день Петра и Павла, Димитрій расположился лагеремъ въ 12 верстахъ отъ Москвы, при селѣ Тушинѣ; тамъ стоялъ онъ до 29 Декабря 1609 года. Въ продолженіе сего времени была не одна схватка между непріятелями; не одинъ гордый витязь палъ на полѣ сраженія. Москвитяне, опасаясь, чтобы Поляки не освободили Воеводы Сендомирскаго, Маряны, вдовы Димитрія I, Пана Стадницкаго и другихъ Польскихъ господъ, заключенныхъ въ Ярославль и Ростовъ, перевезли

1608. ихъ въ Москву, въ надежныя темницы; въ послѣдствіи согласились отпустить плѣнниковъ въ отечество; требовали только клятвеннаго обѣщанія не переходить къ непріятелю и не воевать съ Россією. Поляки съ радостію присягнули и благодарили Бога за спасеніе себя отъ смертоубійцы. И такъ Москвитяне повезли ихъ въ Польшу, окольными путями, чтобы не попасть въ руки непріятеля. Свѣдавъ о семъ, Дмитрій II выслалъ на дорогу нѣсколько тысячъ всадниковъ, которые, побивъ провожатыхъ Марины, взяли Царицу, и со всѣми находившимися при ней Поляками, отвезли въ Тушинскій лагерь. Не помня себя отъ радости, Дмитрій велѣлъ палить изъ всѣхъ пушекъ; Царица также хотѣла радоваться, но по нѣкоторымъ причинамъ не могла; впрочемъ для лучшаго обмана притворилась веселою; только не поѣхала прямо въ Тушинскій лагерь, а остановилась въ шатрахъ за версту отъ онаго. Тутъ начались переговоры; наконецъ условились: Воеводѣ Сендомирскому надлежало отправиться въ Польшу, а Марина согласилась остаться съ мнимымъ Дмитріемъ, который однако долженъ былъ отказаться отъ правъ супруга, пока не завоюетъ Москвы и не достигнетъ престола. Самозванецъ обѣщалъ свято хранить договоръ и поклялся Богомъ. Послѣ сего было торжественное свиданіе; Царь и Царица искусно играли свои роли и привѣтствова-

ли другъ друга съ радостными слезами, съ та- 1608.
кою непритворною нѣжностію, съ такимъ вос-
хищеніемъ, что эта комедія ослѣпила мно-
гихъ зрителей. По всему Государству разнеслась
молва о семъ происшествіи; вездѣ признавали
Самозванца Димитріемъ; Боиры со всѣхъ сторонъ
стремились въ Тушинскій лагерь.

Не получая помощи отъ Бога, Шуйскій
обратился къ дьяволу; пустился колдовать, со-
бралъ всѣхъ чернокнижниковъ, какихъ только
могъ найти (чего не успѣвалъ сдѣлать одинъ, за
то принимался другой), приказалъ вырѣзывать
младенцевъ изъ чрева беременных женъ, и уби-
вать коней, чтобы достать сердце: все эго зары-
вали въ землю, около того мѣста, гдѣ стояло
Царское войско. «Оно было невредимо, увѣря-
ли чародѣи, доколѣ не выходило за черту;
но лишь только переступало ее, всегда было
поражаемо. Съ Поляками случалось тоже: едва
подходили къ чертѣ, люди и кони падали или
обращались въ бѣгство.» Но все было тщетно:
знатные Вельможи оставляли Шуйскаго и тол-
пами стремились къ Димитрію, доколѣ не увѣ-
рилъ Москвитянъ въ обманъ Князь Василій Ма-
сальскій, который, въ числѣ другихъ передав-
шись Самозванцу, чрезъ нѣсколько дней со мно-
гими Боирами возвратился въ Москву, и объ-
явилъ торжественно, что мнимый Димитрій
есть новый *воръ* и обманщикъ. Съ тѣхъ поръ

1608. Москвитяне стали усердно защищаться. Шуйскій, по совѣту Бояръ, рѣшился призвать на помощь чужеземцевъ и отправилъ въ Швецію храбраго героя, Михаила Скопина 97). Новые свидѣтели еще болѣе удостовѣрили Москвитянъ въ истинѣ словъ Масальскаго: то были два плута и измѣнники Ливонецъ Гансъ Шнейдеръ и Австріецъ Генрихъ Канельсенъ; оба сѣи бездѣльника убѣжали отъ Димитрія въ Москву, взошли на Лобное мѣсто и хорошо разумѣя по-Русски, поклонились народу всѣмъ священнымъ, что Тушинскій воръ есть обманщикъ, а не первый Димитрій. Канельсенъ, за нѣсколько предъ тѣмъ лѣтъ, бѣжалъ изъ Австріи въ Турцію и принялъ тамъ за деньги Мусульманскую вѣру; потомъ ушелъ отъ Турковъ и нѣсколько лѣтъ жилъ въ Германіи; наконецъ, въ правленіе Бориса Годунова, пріѣхалъ въ Москву, разбогатѣлъ, зазнался, перекрестился, отрекся отъ своего Бога, котораго изъ дѣтства исповѣдывалъ, плевалъ для сего троекратно чрезъ плечо, и поклонился Русскому Богу Николаю 98): одною смертію можно изгладить такое преступленіе! До трехъ разъ онъ перебѣгалъ отъ Шуйскаго къ Димитрію, отъ Димитрія къ Шуйскому; но Москвитяне вѣрили сему богоотступнику.

Утративъ надежду на добровольную покорность Москвитянъ, Димитрій далъ Пану Сапѣгъ 15,000 воиновъ, съ повелѣніемъ осадить Троиц-

кій монастырь и пресѣчь подвозъ съѣстныхъ 1608. припасовъ къ столицѣ. Сапѣга осаждалъ Троицкій монастырь въ продолженіе всего времени, когда Димитрій находился подѣ Москвою; но не могъ овладѣть онымъ. Этотъ монастырь лежитъ въ 12 миляхъ отъ Москвы. Шуйскій послалъ ему на помощь всѣхъ всадниковъ, сколько могъ собрать (числомъ до 30,000), подѣ начальствомъ меньшаго брата своего Ивана Ивановича, съ повелѣніемъ отразить войско Самозванца. Непріатели встрѣтились при Воздвиженскомъ и сразились. Сапѣга ударилъ стремительно; но дважды былъ отбитъ, и Поляки уже начали трусить. «Друзья! воскликнулъ Польскій Военачальникъ, бѣгство васъ погубить; Польша далеко; лучше пасть на полѣ битвы, чѣмъ терпѣть побоя, подобно женщинамъ непотребнымъ. Каждый изъ васъ дѣлай съ Богомъ свое дѣло: Я вездѣ буду впереди. За мною храбрые товарищи! Ударимъ еще разъ: Богъ даруетъ намъ побѣду.» Смѣло бросились Поляки на враговъ, побили нѣсколько тысячъ и одержали побѣду; съ тѣхъ поръ Шуйскій не показывался въ полѣ и не беспокоилъ Поляковъ подѣ Троицкимъ монастыремъ, до прибытія Понтуса Делагарди. Сапѣга же отрядилъ небольшую дружину, состоявшую изъ Нѣмцевъ, Казаковъ и Поляковъ, подѣ начальствомъ Испанца Дона Жуана Крузатти, для покоренія окрестныхъ селъ и го-

1608. родовъ. Переяславъ присягнулъ Димитрію; но Ростовъ, отстоящій отъ онаго не далѣе 12 миль, не хотѣлъ покориться. 11 Октября онъ былъ преданъ огню и мечу. Всѣ сокровища, въ немъ найденныя, золото серебро, жемчугъ, драгоценныя каменья, достались побѣдителямъ. Свирѣпыя войны не щадили и Св. Иконъ, даже разрубили серебряный гробъ Св. Леонтія, а изображеніе сего Угодника, вылитое изъ золото, въ 200 фунтовъ вѣсомъ, присвоили себѣ. Митрополитъ Ростовскій Князь Феодоръ Никитичъ взятъ былъ въ плѣнъ и отправленъ въ Подмосковный лагерь, гдѣ Самозванецъ принялъ его ласково и возвелъ въ достоинство Патріарха; при семъ случаѣ, Митрополитъ вынулъ изъ своего жезла восточный яхонтъ, цѣною въ полбочки золота, и подарилъ его Димитрію 99).

Несчастіе Ростова было урокомъ многолюдному и богатому Ярославлю; онъ изъявилъ готовность признать Димитрія Царемъ и служить ему, чѣмъ могъ, если только права гражданъ останутся неприкосновенными, дома не будутъ разграблены, а женъ и дѣтей ихъ не тронутъ Поляки. Заключивъ такое условіе, жители Ярославля, Русскіе и иностранцы, Англичавѣ и Нѣмцы, присягнули назначенному къ нимъ Воеводоу, перекрещенному Шведу, Греческой вѣры 100), и отправили въ Тушинскій лагерь 30,000 рублей для раздачи войску; сверхъ того обла-

лись снарядить тысячу всадниковъ и выставить 1608. значительное количество съѣстныхъ припасовъ; но Панибраты не сдержали слова: грабили купеческія лавки, били народъ, оскорбляли Бояръ, и безъ денегъ покупали все, чего хотѣли. То-то была славная торговля! Это вѣроломство имѣло пагубныя слѣдствія, какъ ниже увидимъ.

Кострома, Галичъ, Вологда также покорились Димитрію и безъ сомнѣнія не измѣнилибъ присягъ, если бы не взбунтовалъ ихъ проклятый перекрещенецъ Даниль Эйловъ, прибывшій изъ Нидерландъ и промышлявшій въ Россіи вываркою соли. Себѣ на бѣду и народу на пагубу, Эйловъ сперва разглашалъ въ окрестныхъ городахъ, что мнимый Димитрій есть обманщикъ, и что Россіяне не обяваны сохранять присяги, данной Самозванцу; наконецъ рѣшился перебить Поляковъ и собралъ въ свою соловарню до 200 человекъ простаго народа, вооруженныхъ луками, стрѣлами и копьями. Но едва Поляки свѣдали о заговорѣ и явились предъ соловарнею, нашъ храбрецъ спрятался въ погребъ съ тремя старшими дочерьми, предавъ бѣдныхъ крестьянъ въ жертву непріятеля. Вскорѣ, т. е. 11 Декабря, онъ и самъ попался въ руки Поляковъ, которые заставили его внести выкупъ 600 талеровъ, а дочерей задержали и вѣрно возвратили бы ихъ къ отцу совсѣмъ не въ такомъ состояніи, въ какомъ онъ были до плѣна, если бы не вступилъ

1608. ся за нихъ Ярославскій Воевода Іоакимъ Шмитъ; сему благородному человѣку Эйловъ и дѣтнго должны быть обязаны вѣчною благодарностію. 12 Декабря, Поляки умертвили близъ выше-означенной соловарни 1000 Россіянъ и сожгли многія деревни. Въ тотъ же день прибыли въ Ярославль изъ Тушинскаго и Троицкаго лагерей Панъ Александръ Лисовскій съ 500 Казаковъ ¹⁰¹⁾ и Янъ Шучинскій съ 900 конныхъ копѣйщиковъ; изъ Ярославля они двинулись къ Даниловскому монастырю, сожгли его и умертвили всѣхъ жителей; потомъ пошли къ Кострому, Галичу и другимъ непокорнымъ городамъ: все обратили въ пепелъ и овладѣли несмѣтною добычею. Такъ миновалъ 1608 годъ, бѣдствен- ный для Россіи; много пострадала она отъ сто- тысячнаго войска Димитріева!

ГЛАВА IX.

1609.

Тушинскій лагерь. Осада Смоленска Сигизмундомъ. Письмо Шуйскаго. Прибытіе Делагарди. Ляпуновъ. Волненіе сѣверо-восточной Россіи. Бѣдствіе Ярославскаго Воеводы Шиняпа. Марина жена Тушинскаго вора. Высокомѣріе Самозванца. Побѣды Михаила Скопина. Набѣги Лисовскаго.

Много страдала Россія въ 1608 году; но 1609 былъ для нея несравненно злополучнѣе: во всѣхъ концахъ Государства воспламенились войны; все доказывало, что Богъ прогнѣвался на Русскихъ, и рѣшился ихъ наказать; Димитрій продолжалъ осаду Москвы и Троицкой обители; войны его, числомъ до 100,000 человекъ, вездѣ, гдѣ только могли, обращали въ пепелъ города и села, грабили, убивали Москвитянъ. Добыча была несмѣтная; и въ Тушинѣ, и въ Троицкомъ лагерѣ войско плавало въ изобиліи: не лѣзя было надивиться, откуда бралось такое множество съѣстныхъ припасовъ—всякаго рода скота, масла, сыру, муки, меду, солоду, вина; даже собаки не успѣвали пожирать головъ, ногъ и внутренностей животныхъ, разбросанныхъ по улицамъ и производившихъ столь ужасный смрадъ, что уже опасались мороваго повѣтрія. Польскіе солдаты готовили для себя кушанья

*

1609. ежедневно изъ наилучшихъ припасовъ; а пива такъ много забрали у крестьянъ и монаховъ, что его некуда было дѣвать: пили только медъ.

Въ семь же году, Сигизмундъ, Король Польскій, вступилъ въ Россію съ 20,000 воиновъ, явился подъ Смоленскомъ и хотѣлъ, чтобы сей городъ, изстари принадлежавшій Польшѣ, добровольно ему покорился. Но какъ жители отвѣчали на сіе предложеніе пушечными выстрѣлами, то Король осадилъ Смоленскъ и простоялъ подъ нимъ около 2 лѣтъ, т. е. до 13 Іюня 1611 года. Во время столь продолжительной осады, пали на приступахъ многіе храбрые Нѣмцы, служившіе Сигизмунду; изъ цѣлаго полка ихъ осталось не болѣе 400 человекъ ¹⁰²). Осажденные могли и долѣе обороняться, но между ними появилась тяжкая болѣзнь, произшедшая отъ недостатка въ соли и уксусѣ; при взятіи Смоленска, нашлось не болѣе 300 или 400 здоровыхъ людей, которые уже не могли защищать его обширныхъ укрѣпленій, имѣвшихъ цѣлую милю въ окружности; городской валъ былъ толщиною въ 23 фута и такъ высокъ, что штурмовыя лѣстницы, въ 35 ступеней, не доставали до верха ¹⁰³); наваливъ вокругъ всей стѣны нѣсколько тысячъ возовъ съ камнями, Смоляне даже безъ пушекъ, пороха, копей, саблей, легко могли бы отбить непріятеля, еслибъ при каждомъ отверстіи въ стѣнѣ было хотя по

одному человѣку. Осадныя орудія мало вредили 1609. городскому валу, и только со стороны Днѣпра сдѣлали проломъ въ 40 сажень шириною. Но это несчастіе такъ испугало жителей Смоленска, что они, прекративъ защиту, гибли безъ всякаго сопротивленія; не многіе граждане думали найти спасеніе съ женами и дѣтьми въ крѣпкомъ замкѣ, и всѣ тамъ погибли отъ взрыва пороховаго погреба. Комендантъ Смоленска взятъ былъ въ плѣнъ и отправленъ въ Польшу ¹⁰⁴). Сія двухлѣтняя осада погубила 80,000 человѣкъ, разоривъ въ конецъ область Смоленскую, гдѣ не осталось ни овцы, ни быка, ни коровы, ни теленка: враги все истребили.

За годъ до покоренія Смоленска, Василій Шуйскій предлагалъ Сигизмунду чрезъ нарочнаго посла престолъ Московскій, съ тѣмъ условіемъ, чтобы Король пособилъ одолѣть плута Лжедмитрія. Но чрезъ два дни послѣ сего предложенія, Поляки схватили Русскаго переметчика съ Царскою грамотою къ Смоленскому Воеводѣ. «Обороняйся, писалъ Шуйскій, какъ можно долѣе всѣми средствами; я между тѣмъ постараюсь вооружить Сигизмунда сладкими рѣчами противъ Самозванца; когда не станетъ обманщика, мы подумаемъ и о томъ, чтобы не многія изъ этихъ стриженныхъ головъ вышли изъ Россіи.» Прочитавъ сіе письмо, Его Королевское Величество не мало дивился лукавству

1609. Москвитянь. »Можно ли вѣрить теперь Русскимъ, воскликнулъ Сигизмундъ? Только дай, Боже, помощь: я проучу этого бездѣльника, Шуйскаго; забудетъ онъ меня обманывать ¹⁰⁰⁾!«

Между тѣмъ Князь Михаилъ Скопинъ, посланный Шуйскимъ для набора иноземныхъ войскъ, возвратился изъ Швеціи и привелъ съ собою 3000 Нѣмцевъ подъ начальствомъ Понтуса Делагарди ¹⁰⁶⁾. Въ послѣдствіи скажемъ, какимъ образомъ Скопинъ хотѣлъ освободить Москву при помощи Бояръ Новгородскихъ.

Лѣтомъ сего же года, Татары напали на Россію съ другой стороны, и въ три или четыре недѣли увели множество плѣнниковъ. Бѣдные разоренные крестьяне скитались изъ края въ край; вездѣ были слышны вопли несчастныхъ: иной потерялъ жену и дѣтей, другой родителей; слезы вдовъ и сиротъ могли бы самый камень тронуть.

Тогда же явился новый врагъ: то былъ Московскій Бояринъ Ляпуновъ; овладѣвъ нѣсколькими городами и принявъ имя *Благо Царя*, онъ воевалъ и съ Димитріемъ II, и съ Сигизмундомъ III, и съ Василіемъ Шуйскимъ, для спасенія Русской вѣры. Гдѣ проходило его войско, тамъ трава не росла ¹⁰⁷⁾.

Въ Февралѣ, Мартѣ и Апрѣлѣ мѣсяцахъ, вспыхнулъ бунтъ въ сѣверовосточныхъ предѣлахъ Россіи: Вологда, Галичъ, Кострома, Рома-

новъ, Ярославль, Суздаль, Молога, Рыбинскъ и 1609. Угличъ измѣнили Димитрію; со всѣхъ сторонъ являлись толпы необузданныхъ крестьянъ, которые истребляли Нѣмцевъ и Поляковъ съ немовѣрною злобою. Бѣда, если остервенится грубая чернь! Упаси, Боже, отъ рукъ ея каждого честнаго воина! Причиною мятежа была наглость Панибратовъ: сіи пришельцы, не довольные усердіемъ народа, охотно дававшего имъ все нужное для продовольствія, грабили безъ милосердія бѣдныхъ Россіянъ, какъ будто непріятелей; несчастные стали прятать свои вещи, даже зарывали ихъ въ землю; но и это не помогало. Вѣсть о прибытіи Скопина и Понтуса Делагарди наконецъ ободрила притѣсняемыхъ; народъ вооружился и отмстилъ Полякамъ: многихъ повѣсилъ, другихъ изрубилъ, а нѣкоторыхъ побросалъ въ проруби, съ такими словами: »Полно вамъ, глаголи, жрать нашихъ коровъ и теллятъ! Ступайте въ Волгу ловить нашу рыбу.« Для усмиренія мятежа посланы были Паны Самуэль Тишкѣвичъ и Лисовскій, первый въ Романовъ, а второй въ Ярославль; сіи Полководцы, не успѣвъ одолѣть мятежниковъ, которые укрѣпились острогами и засѣками, отправили къ жителямъ Ярославля для переговоровъ прежняго Воеводу ихъ Іоакима Шмита, избѣжавшаго смерти съ немногими Поляками. Шмитъ старался образумить Ярославцевъ, увѣряя, что Ди-

1609. митрій пришлеть къ нимъ Воеводу знатнаго, котораго Поляки будутъ бояться. Бунтовщики, подозвавъ сего несчастнаго мужа къ стѣвамъ крѣпости, вдругъ окружили его и увели въ городъ; онъ погибъ злою смертію: его бросили нагаго въ огромный котель, наполненный кипящимъ медомъ. Виновникомъ же сего несчастнаго злодѣяства, зачинщикомъ всего мятежа былъ тотъ самый богоотступникъ Эйловъ, который однажды уже измѣнилъ Димитрію, попался въ руки Поляковъ съ тремя дочерьми и только по ходатайству честнаго Шмита, избавилъ себя отъ плѣна, а дочерей отъ посрамленія. Не довольствуясь несчастіемъ своего благодѣтеля, онъ старался еще болѣе озлобить Россіянь. Злополучный Шмитъ до тѣхъ поръ варился въ котлѣ, когда тѣло его уже начало отставать отъ костей; наконецъ былъ выкинутъ за городскую стѣну на съѣденіе свиньямъ и собакамъ. Друзья не смѣли предать землѣ печальвыхъ остатковъ мученика; вдова же его испытала горькія оскорбленія болѣе отъ измѣнника перекрещенца и его сообщниковъ, нежели отъ Русскихъ.

Смерть сего достойнаго мужа въ послѣдствіи отмстилъ Панъ Лисовскій: предавъ огню городскія предмѣстья, онъ разорилъ въ конецъ область Ярославскую, истребивъ все, что ни встрѣтилъ; не пощадилъ ни женъ, ни дѣтей, ни дворянъ, ни земледѣльцевъ; сжегъ Кинешиму, Поволжскъ, Георгі-

гѣвскъ, и обремененный добычею, возвратился 1609. въ Троицкій лагерь. Перо не можетъ выразить всѣхъ бѣдствій, постигшихъ Россію въ 1609 году; я не рѣдко удивлялся, какъ могла она столь долгое время переносить свое злополучіе!

Димитрій II, узнавъ о прибытіи Скопина въ Январѣ 1609 года съ войскомъ Делагарди въ Новгородъ, отправилъ противъ него 4000 конныхъ копѣйщиковъ, подъ начальствомъ Пана Керносицкаго. Сей Панъ въ одномъ сраженіи разбилъ Шведовъ, прогнавъ ихъ въ Новгородъ и осадилъ оный. Осада продолжалась цѣлую зиму до Мая мѣсяца. Димитрій не помнилъ себя отъ радости и думая, что уже все выигралъ, тайно женился на вдовѣ Димитрія I, жившей въ Тушинскомъ лагерѣ, забывъ клятву, данную Воеводѣ Сендомирскому—не прежде сочетаться бракомъ съ его дочерью, какъ по восшествіи на престолъ ¹⁰⁸). Онъ былъ упоенъ мечтою о своемъ величіи до такой степени, что называлъ только себя Христіанскимъ Царемъ во всей подсолнечной. Вотъ его титулъ: »Мы, Димитрій Ивановичъ, Царь и Государь всея Русіи, Богомъ избранный и дарованный, Богомъ хранимый и чтимый, Богомъ помазанный и возвышенный надъ всѣми прочими Царями, подобно второму Израилю руководимый и управляемый силою Божіею, единый Царь Христіанскій въ подсол-

1609. вечной, повелитель многихъ Княжествъ, и проч. и проч. и проч.»

Между тѣмъ, не задолго до праздника С. Троицы, Нѣмцы сдѣлали вылазку изъ Новгорода, перешли болото, напали на Поляковъ врасплохъ и многихъ положили на мѣстѣ. Керношницкій долженъ былъ отступить въ Тушинскій лагерь. Раздраженный неудачею, Димитрій проклиналъ Нѣмцевъ, даже злился и на тѣхъ, которые ему служили. Скопинъ же и Делагарди, одержавъ побѣду, двинулись впередъ, перешли Волгу и заняли Тверь; тутъ встрѣтились они съ 5,000 конныхъ копѣйщиковъ, высланныхъ Димитріемъ подъ начальствомъ Пана Зборовскаго, сразились съ ними и, разбитые на голову, бѣжали за Волгу; но вскорѣ ободрившись: на другой день опять начали битву и съ такимъ мужествомъ ударили на Поляковъ, что Зборовскій не могъ устоять; покрытый стыдомъ, потерявъ многихъ воиновъ, онъ удалился въ Тушинскій лагерь¹⁰⁹). Эта неудача еще болѣе озлобила Димитрія противъ Нѣмцевъ.

Въ день С. Апостоловъ Петра и Павла, Скопинъ прибылъ къ Колязину монастырю и укрѣпился въ ономъ съ Русскими Боярами; Делагарди же сталъ подлѣ монастыря; Димитрій снова выслалъ противъ нихъ Пана Зборовскаго, назначивъ ему въ помощь Полководца Сапѣгу, осаждавшаго Троицкій монастырь. Оба сіи вое-

начальника, предводительствуя 12,000 конныхъ 1609. копѣйщиковъ, до самаго Сентября мѣсяца испытывали свое счастіе и старались вытѣснить непріятеля; но каждый разъ были отражаемы; наконецъ произошла рѣшительная битва. Понтусъ Делагарди велъ Нѣмцевъ, Скопинъ Русскихъ Боярь: оба они напали на враговъ такъ стремительно, что Поляки бѣжали стремглавъ, и только подъ Троицкимъ монастыремъ могли опомниться отъ ужаса.

Не зная о семъ происшествіи, Александръ Лисовскій смѣлою хитростію воинскаго хотѣлъ покорить мятежный Ярославль; шелъ день и ночь, и уже достигалъ своей цѣли: раскинувъ лагерь въ 3 миляхъ отъ Ярославля, онъ хотѣлъ выдать себя за героя Скопина, чтобы овладѣть городомъ нечаянно; но Скопинъ и Делагарди успѣли занять оный. Лисовскій спѣшилъ отступить въ ночное время, но уже поздно: дорога къ Троицкому Монастырю была занята Нѣмцами, которые, какъ объявилъ плѣнный Бояринъ, поджидали только другаго отряда съ Давидомъ Шерупцовымъ, чтобы чрезъ нѣсколько часовъ напасть на врага. Лисовскій не надѣялся на своихъ Казаковъ, отступилъ къ Суздалю, гдѣ укрѣпился острогомъ, и держался цѣлую зиму; иногда дѣлалъ вылазки, опустошалъ сосѣдственные города и монастыри и всегда возвращался съ богатою добычею; наконецъ, узнавъ, что вла-

1609. дѣчество Димитрія II кончилось и что войско Тушинское передалось Сигизмунду, оставилъ Суздаль въ Маѣ мѣсяцѣ 1610 года, сдѣлалъ большой кругъ и вышелъ на Псковъ; Псковитяне приняли его съ радостию, надѣясь имѣть защитника отъ Нѣмцевъ, которые нападали на нихъ изъ Шведскаго города Нарвы. Лисовскій въ самомъ дѣлѣ успѣлъ посредствомъ разныхъ происковъ переманить на свою сторону 300 Ирландцевъ и 500 Англичанъ; тогда Нѣмцы не смѣли болѣе тревожить Псковскихъ предѣловъ. Самъ же онъ, дѣйствуя въ пользу Сигизмунда, зимовалъ въ Мироничахъ; наконецъ свѣдавъ, что Казаки и Россіяне хотятъ измѣнить ему, выступилъ изъ крѣпости, овладѣлъ Краснымъ и распустивъ всѣхъ иноземцевъ, набралъ дружину изъ 300 Поляковъ. Тамъ онъ находится и теперь, не измѣняя въ вѣрности Сигизмунду. Такимъ образомъ, отрѣзанный Делагардиемъ отъ своихъ сообщниковъ, Лисовскій долженъ былъ, подобно хитрой лисицѣ, искать другой норы для выхода изъ Россіи.

Принудивъ Ярославль снова присягнуть Шуйскому, Скопинъ и Делагарди укрѣпились со всѣмъ войскомъ своимъ въ Слободѣ Александровской; тутъ они оставались до перваго пути. Поляки иногда нападали на нихъ; но ничего не выигравъ, спѣшили убраться во свояси. Въ день С. Мартина, Скопинъ и Делагарди, рѣ-

шлись посѣтить Троицкій монастырь, чтобы 1610. покушать тамъ съ Панибратами Мартинова гуся ¹¹⁰). Поляки вовсе не ожидали такихъ не званыхъ гостей, забыли о гусяхъ и отступили къ Дмитровску, гдѣ въ укрѣпленномъ станѣ держались противъ Нѣмцевъ нѣсколько времени.

Г Л А В А X.

1610.

Рожинскій передается Сигизмунду. Бѣгство Самозванца въ Калугу. Злоба на Поляковъ и Нѣмцевъ. Волненіе Тушинскаго лагеря. Смерть Воеводы Стадницкаго. Тайный прїездъ Маринны въ Калугу. Скопинъ и Делагарди спасаютъ Россію. Смерть Скопина. Переговоры Сигизмунда съ Поляками. Битва Клушинская. Звѣрство Лжедмитрія. Беръ осужденъ на смерть. Онъ спасаетъ себя и Нѣмцевъ.

Въ Декабрѣ 1609 года Сигизмундъ прислалъ въ Тушинскій лагерь Пановъ Стадницкаго, Збаражскаго, Людвиг Мейера и Ротмистра Манчина съ письмомъ къ главному Полководцу Димитрія II, Князю Роману Рожинскому и къ Польской Шляхтѣ. »Вспомните, писалъ Король,

1610. »какое преступленіе вы сдѣлали въ минувшемъ году, взбунтовавшись противъ своего Государя! Я готовъ забыть оное и возвратить все, чего вы лишились, если только согласитесь выдать обманщика, который называетъ себя Димитріемъ.» Королевскіе послы вели переговоры съ Княземъ Рожинскимъ весьма скрытно, и Димитрій, ничего не подозрѣвая, съ каждымъ днемъ ожидалъ ихъ торжественнаго представленія. Но видя, что послы къ нему, не являются, онъ призвалъ Рожинскаго и спросилъ: »Съ какимъ намѣреніемъ пріѣхали посланники и почему они до сихъ поръ не идутъ ко мнѣ, хотя живутъ въ лагерь нѣсколько недѣль?» Князь, уже задумавшій со многими господами исполнить Королевское повелѣніе, притомъ же будучи пьянъ, грозилъ Димитрію побоями и отвѣтствовалъ: »Какое тебѣ дѣло к.... с.... за чѣмъ послы пріѣхали ко мнѣ? Чортъ знаетъ, кто ты таковъ! Довольно мы за тебя крови пролили, а награды еще не видимъ.« Много подобныхъ вѣжливостей наговорилъ Панъ Рожинскій. Димитрій выскочилъ изъ комнаты, прибѣжалъ къ своей супругѣ и упавъ ей въ ноги, сказалъ со слезами: »Мнѣ, или Рожинскому должно погибнуть! Этотъ Панъ такъ оскорбилъ меня, что я буду не достоинъ видѣть твои очи, если не отыщу ему. Онъ за-одно съ своимъ Королемъ; тутъ скрывается злой умыселъ; я долженъ удалить-

«ся! Ты же, моя милая супруга, останься здѣсь. 1610.

»Богъ да сохранить насъ!» Сказавъ сіе, Димитрій нарядился въ крестьянское платье, и ночью, 29 Декабря 1609 года, въ навозныхъ саняхъ отправился въ Калугу, съ шутомъ своимъ, Петромъ Кошелевымъ. Въ лагерь никто не могъ придумать, куда дѣвался Царь; нѣкоторые полагали, что онъ тайно убитъ.

Димитрій остановился въ монастырѣ, близъ Калуги, и отправилъ къ жителямъ сего города нѣсколько Монаховъ съ такимъ извѣстіемъ: »Поганый Король неоднократно требовалъ отъ меня страны Сѣверской, называя оную вмѣстѣ съ Смоленскомъ своею собственностію; но какъ я не хотѣлъ исполнить сего требованія, опасаясь, чтобы не укоренилась тамъ вѣра поганая: то Сигизмундъ замыслилъ погубить меня, и уже успѣлъ, какъ я извѣстился, склонить на свою сторону Полководца моего Рожинскаго и всѣхъ Поляковъ, въ станѣ моемъ находящихся. Къ вамъ, Калужане, я обращаю слово: отвѣчайте, хотите ли быть мнѣ вѣрны? Если вы согласны служить мнѣ, я пріѣду къ вамъ и надѣюсь, съ помощію Св. Николая, при усердіи многихъ городовъ, мнѣ присягнувшихъ, отмстить не только Шуйскому, но и коварнымъ Полякамъ. Въ случаѣ же крайности, готовъ умереть съ вами за вѣру православную: не дадимъ только торжествовать ереси; не уступимъ Королю

1610. »ни двора, ни кола, а тѣмъ менѣе города, или
»Княжества!«

Такая рѣчь весьма полюбилась кровожаднымъ жителямъ Калуги: они явились въ монастырь съ хлѣбомъ-солью, проводили Димитрія въ городъ съ торжествомъ, дали ему домъ Воеводы Скотницкаго, снабдивъ его всѣмъ нужнымъ: одеждами, конями, винами, съѣстными припасами. Утвердясь въ Калугѣ, Димитрій послалъ немедленно за Княземъ Шаховскимъ, который, выступивъ съ нѣсколькими тысячами Казаковъ противу Короля Польскаго, находился въ то время при Царево-Займищѣ, недалеко отъ Вязьмы. Князь прибылъ въ Калугу въ пятый день послѣ Крещенія. Между тѣмъ, Димитрій учредилъ для себя новый Дворъ и во всѣ мѣста, гдѣ только были его приверженцы, разослалъ повелѣнія—истреблять Поляковъ при всякомъ случаѣ. Отъ сего неожиданнаго поступка погибло много несчастныхъ жертвъ. Нѣмцы также пострадали: нѣсколько сотъ Нѣмецкихъ купцовъ, которые везли въ Тушинскій лагерь, по дорогамъ Смоленской и Путивльской, бархаты, шелкъ, ружья, вино Мальवासійское и пріяныя коренья, бывъ перехвачены Казаками и приведены въ Калугу, лишились всего, что имѣли, нѣкоторые и самой жизни; а спасшіеся отъ смерти пошли по-миру. Богу одному извѣстно, чего не претерпѣли они въ Калугѣ, Перемыш-

лѣ и Козельскѣ! Сколько прежде Димитрій лю- 1610.
билъ Нѣмцевъ, столько возненавидѣлъ ихъ въ
послѣдствіи, когда потерпѣлъ важный уронъ въ
битвахъ съ Делагардіемъ, и тѣмъ болѣе, когда
бѣжалъ изъ Тушинскаго лагеря. Думая, что
Нѣмцы благопріятствуютъ Королю Польскому,
онъ приказалъ отнять у нихъ помѣстья, самые
дома, и отдать Россіянамъ. Съ часу на часъ
они ожидали насильственной смерти и не смѣ-
ли исполнять обрядовъ своего богослуженія. А
болѣе всѣхъ претерпѣлъ гоненій въ городѣ Ко-
зельскѣ духовный пастырь ихъ, Мартинъ Беръ,
котораго старались всѣми силами погубить 25
Русскихъ Поповъ, желавшихъ завладѣть его
имуществомъ: Богъ спасъ его чудеснымъ обра-
зомъ.

На другой день послѣ бѣгства Димитріева,
Поляки, Русскіе Бояре и Патріархъ Филаретъ
Никитичъ, въ общемъ совѣтѣ положили едино-
гласно: жить въ мирѣ другъ съ другомъ, не пе-
редаваться ни Королю, ни Шуйскому, не вѣрять
никому, кто вздумаетъ явиться подъ именемъ
Димитрія, а тѣмъ менѣе служить прежнему об-
манщику. Во время сего совѣщанія, Русскіе безъ
пощады поносили Царицу Марину, такъ, что
она боялась остаться въ лагерь и тайно удали-
лась въ городъ Дмитровскъ, къ Пану Сапѣгѣ.

7 Января 1610 года Димитрій отправилъ
изъ Калуги въ Тушинскій лагерь Боярина Ивана

1610. Плещеева, съ приказаніемъ развѣдать мысли Польскихъ воевъ; когда же замѣтитъ, что они желаютъ его возвращенія, объявить имъ, что Царь пріѣдетъ съ казною и дастъ имъ жалованье за многія трети впередъ, если только они представятъ въ Калугу измѣнника Рожинскаго живымъ или мертвымъ. Сіе покушеніе было неудачно: Поляки не хотѣли измѣнить клятвѣ, данной ими другъ другу послѣ Димитріева бѣгства. Плещеевъ думалъ склонить по крайней мѣрѣ Казацкаго Атамана, Ивана Мартиновича Заруцкаго, и убѣждалъ его итти съ Казаками въ Калугу; но и тутъ не имѣлъ успѣха: Заруцкій съ большею частію своего отряда отправился къ Сигизмунду подъ Смоленскъ; прочіе же Казаки, наскучивъ столь странною войною, удалились въ свои степи, а служить Димитрію согласились не болѣе 500 человекъ, которые пошли въ Калугу; но были настигнуты Поляками и большею частію побиты.

Вскорѣ послѣ того, Димитрій подослалъ въ Тушино Калужскаго Воеводу Пана Казимира, настоящаго Вертумна: съ Поляками онъ былъ добрый Полякъ, съ Русскими Русскій; видя, что у самихъ Поляковъ ничего нельзя выиграть, Казимиръ успѣлъ поддѣлаться къ Рожинскому, который дозволялъ ему даже возвратиться въ Калугу, куда хитрый Панъ хотѣлъ съѣздить, по словамъ его, только для того, чтобы взять

свое имѣніе и навсегда бросить Димитрія. Ро- 1610.

живскій далъ ему письмо къ прежнему Воеводѣ Скотницкому, который потерялъ милость Димитрія отказомъ идти подъ Смоленскъ противъ Короля Польскаго. Въ слѣдствіе сего письма, Скотницкій долженъ былъ склонить на сторону Рожинскаго находившихся въ Калугѣ Поляковъ и схвативъ при помощи ихъ Димитрія, привезти его въ Тушинскій лагерь. Но лукавый царедворецъ вручилъ письмо самому Димитрію, который, узнавъ содержаніе онаго, закипѣлъ гнѣвомъ и тотчасъ велѣлъ палачамъ бросить. Скотницкаго ночью въ Оку; сей добрый человѣкъ, видя смерть неизбежную, хотѣлъ звать по крайней мѣрѣ, за какую вину онъ погибаетъ; палачи отвѣчали: »Царь велѣлъ намъ не разсуждать съ тобою, а бросить тебя въ воду.» Потомъ, накинувъ на шею петлю, потащили его, какъ дохлую собаку. Вотъ послѣднія слова несчастнаго: »Такой ли награды ожидалъ я за вѣрную службу и двухлѣтнюю оборону Калуги! Господи, помилуй меня!» Жена и дѣти его лишились всего имущества. При семъ случаѣ, раздраженный Димитрій сказалъ: »Только бы взойти мнѣ на престолъ: не оставляю въ живыхъ ни одного иностранца; не пощажу и младенцевъ въ матерней утробѣ!»

13 Января того же года, пріѣхалъ въ Калугу Царицинъ Коморникъ ¹¹¹⁾, юноша краси-

★

1610. вый и ловкій, съ словеснымъ донесеніемъ о прибытіи Марины въ городъ Дмитровскъ; Царь скорѣ отправилъ его обратно и просилъ Царицу какъ можно скорѣе пріѣхать въ Калугу, чтобы не попасть въ руки Поляковъ, которые, какъ онъ извѣстился, хотѣли отвезти ее къ Королю Польскому въ Смоленскій лагерь. Между тѣмъ Скопинъ и Делагарди приступили къ Дмитровску; уstraшенный Сапѣга убѣждалъ Царицу удалиться въ Калугу, если не желаетъ отправиться къ отцу своему. »Мнѣ ли, Царицѣ Всероссійской, «сказала ему Марина, въ такомъ презрѣнномъ »видѣ явиться къ роднымъ моимъ! Я готова »раздѣлить съ Царемъ все, что Богъ ни пошлетъ »ему.« Она рѣшилась ѣхать въ Калугу; велѣла сшить для себя мужской Польской кафтанъ изъ краснаго бархату, купила сапоги со шпорами, вооружилась пистолетами, саблею и, сѣвъ на коня, отправилась въ путь. Сапѣга далъ ей въ провожатые 50 Казаковъ и всѣхъ Нѣмцевъ, бывшихъ въ Дмитровскѣ: проскакавъ 48 Нѣмецкихъ миль, она достигла Калуги ночью, послѣ заутра ни, и назвала себя Димитріевымъ Коморникомъ, привезшимъ важное извѣстіе, коего никому, кромѣ Царя, сообщить не можетъ. Димитрій тотчасъ догадался; велѣлъ Казакамъ отпереть ворота и впустить мнимаго коморника. Марина, подѣхавъ къ крыльцу, соскочила съ коня, и всѣ увидѣли Царицу! Пріѣздъ ея произвелъ

радость неизъяснимую. Не имѣя при себѣ ни 1610. одной Польки, она учредила новый штатъ изъ Нѣмокъ, которыя не могли нахвалиться ея благосклонностію.

Между тѣмъ, Скопинъ овладѣлъ наканунѣ масленицы Дмитровскимъ острогомъ и принудилъ Пана Сапѣгу отступить къ монастырю Св. Іосифа. Оставивъ здѣсь нѣсколько сотъ Казаковъ, Сапѣга уѣхалъ къ Королю, подъ Смоленскъ; войско же его расположилось зимовать на берегахъ Угры, въ странѣ плодородной, обильной съѣстными припасами и еще не испытавшей опустошительной войны: теперь дошла очередь и до нея! По удаленіи Сапѣги, вскорѣ опустѣлъ и Тупинскій лагерь.

Въ то же время Иванъ Тарасовичъ Граматинъ и Михайло Глѣбовичъ Салтыковъ, люди пронырливые и лукавые, со многими Болрами явились къ Сигизмунду и совѣтовали ему овладѣть Русскимъ Государствомъ, сиротѣющимъ безъ достойнаго и законнаго Правителя: »Дорога къ престолу, говорили они, уже проложена Димитріемъ; вся страна, до самой Москвы, ему »покорилась; никогда не будетъ тебѣ столь удобнаго случая къ покоренію Россіи; мы же съ »своей стороны убѣдимъ соотечественниковъ по- »кинуть Шуйскаго и покориться Вашему Вели- »честву.« Тогда же Поляки, оставленные Димитріемъ, прислали къ Сигизмунду просьбу, въ

1610. коей изъявляли готовность служить ему противъ Русскихъ, если Король заплатитъ имъ жалованье, невыданное Димитріемъ за прошедшее время. Сигизмундъ отвергнулъ сіе условіе, объявивъ, что согласенъ производить жалованье токмо съ того времени, когда Поляки поступятъ къ нему на службу. Огорченные отказомъ, они проклинали Рожинскаго, измѣнившаго Царю, не щадили и самихъ себя за безчестное нарушеніе клятвы, данной Димитрію. Весьма немногіе изъ Тушинскихъ Поляковъ пришли въ станъ Королевскій; товарищи ихъ соединились большею частію съ войскомъ Сапѣги, стоявшимъ на Угрѣ, и ожидали тамъ отвѣта на свою просьбу о выдачѣ жалованья, рѣшившись дѣйствовать сообразно съ онымъ; между тѣмъ, грабили и опустошали окрестную страну, которую въ конецъ разорили.

Скопинъ и Делагарди вошли въ столицу безъ всякаго препятствія. Въ теченіе одного года, сіи Полководцы очистили все пространство отъ Ливоніи до самой Москвы, такъ, что изъ стотысячной непріятельской рати, около двухъ лѣтъ осаждавшей Москву и Троицкій монастырь, не видно было ни одного Поляка, ни одного Казака: все бѣжало отъ горсти Нѣмцевъ! Шуйскій весьма ласково принялъ своихъ защитниковъ; часто угощалъ ихъ за Царскимъ столомъ; одарилъ всѣхъ офицеровъ золотою и серебряною

посудою; выплатилъ всему войску жалованье 1610. золотомъ, серебромъ, соболями. Эта щедрость такъ избаловала Нѣмцевъ, что они дѣлали въ Москвѣ разныя безчинства, и Москвитяне съ не-терпѣніемъ ожидали весны, чтобы выпроводить сихъ гостей противъ непріятеля. Храбрый же Скопинъ, спасшій Россію, при помощи Нѣмцевъ, набранныхъ имъ въ Швецію, получилъ отъ Васи-ліа Щуйскаго въ награду—ядъ. Царь прика-залъ его отравить, досадуя, что Москвитяне ува-жали Скопина за умъ и мужество болѣе, чѣмъ его самого. Вся Москва погрузилась въ печаль, узнавъ о кончинѣ великаго мужа ¹¹²⁾.

Около Пасхи, въ концѣ зимы, Сапѣга воз-вратился къ войску, стоявшему на Угрѣ, съ рѣ-шительнымъ отвѣтомъ отъ Сигизмунда: Король велѣлъ сказать, что Димитріа онъ и знать не хочетъ, а согласенъ давать жалованье чрезъ каждую четверть года только тѣмъ Полякамъ, которые согласятся служить въ Королевскомъ войскѣ. Недовольное симъ отвѣтомъ Польское Рыцарство, служившее прежде подъ начальствомъ Сапѣги и Рожинскаго, спѣшило оправдаться предъ Димитріемъ и отправило къ нему посла, который объявилъ, что Поляки никогда и не думали измѣнять Его Величеству, что предате-лемъ былъ одинъ Рожинскій съ немногими со-общниками, что Богъ уже наказалъ смертію се-го въроломнаго измѣнника, что Сигизмунду

1610. передались только его клеветы; Рыцарство же Польское не хотѣло нарушить присягу, не выходило изъ лагеря и теперь готово послужить Царю, если токмо получить жалованье за прежніе 9 мѣсяцевъ, соглашаясь ожидать терпѣливо уплаты остальнаго въ послѣдствіи. Димитрій, весьма обрадованный такою вѣстію, отвѣчалъ Полякамъ, что онъ вскорѣ прійдетъ къ нимъ съ деньгами, и собравъ не одну тысячу рублей со всего народа, ему покорившагося, немедленно отправился съ Россіянами и Казаками на берега Угры. Тамъ примирился съ своими старыми сподвижниками, выдалъ имъ жалованье за три четверти года, взялъ новую присягу въ вѣрности и отдалъ приказъ: послѣ Троицина дня снова двинуться на Москву.

Между тѣмъ Шуйскій выслалъ войско подъ начальствомъ своихъ Бояръ, чтобы очистить Смоленскую дорогу и отразить Сигизмунда отъ Смоленска; при семъ случаѣ Делагарди получилъ отъ Царя много денегъ на жалованье своимъ воинамъ. Нѣмцы и большая часть Россіянъ остановились въ городѣ Можайскѣ, а Григорій Волуевъ съ незначительнымъ отрядомъ отправился впередъ, чтобы развѣдать о числѣ непріятелей, стоявшихъ подъ Смоленскомъ; но узнавъ въ Царево-Займищѣ о приближеніи Станислава Жолкѣвскаго съ великими силами, Волуевъ расположился лагеремъ близъ лѣса и укрѣпивъ

онный окопомъ, тотчасъ уѣдომилъ о семъ про- 1610.
чихъ Воеводъ. Жолкѣвскій не замедлилъ осадить
его; а Русскіе Воеводы вмѣстѣ съ Делагардіемъ
спѣшили отъ Можайска выручить передовой
отрядъ. Это случилось 23 Іюля. Свѣдавъ о дви-
женіи Царскихъ Воеводъ, Жолкѣвскій раскинулъ
станъ подлѣ самыхъ укрѣпленій Волюева, обнесъ
овый тыномъ и оставивъ тамъ небольшой от-
рядъ легкой конницы, съ приказаніемъ непре-
станно быть въ виду осажденныхъ и уговари-
вать Волюева покориться Королю Польскому,
самъ между тѣмъ пошелъ на встрѣчу Москви-
тянамъ, бывшимъ подѣ начальствомъ Делагарди;
оба войска сразились въ Ивановъ день, близъ
села Клашина, въ 6 миляхъ отъ Можайска: во
время битвы, двѣ роты Французовъ передались
Жолкѣвскому и вмѣстѣ съ Поляками начали
стрѣлять по Россіянамъ, которые, бывъ устра-
шены измѣною, бросились бѣжать къ Москвѣ и
оставили союзниковъ своихъ, Нѣмцевъ. Сіи по-
слѣдніе долго сражались съ упорствомъ и уже
побили лучшихъ Польскихъ всадниковъ; но за-
мѣтивъ, что Русскіе оставили поле битвы и что
имъ однимъ не устоять противъ Поляковъ,
вступили съ непріателемъ въ переговоры. »Мы
»готовы сдаться, говорили Нѣмцы, если только
»жизнь наша будетъ въ безопасности; въ про-
»тивномъ случаѣ станемъ биться до послѣдняго
»человѣка.» Поляки прекратили сѣчу и прислали

1610. къ нимъ Пана Зборовскаго съ клятвеннымъ уврѣненіемъ, что Нѣмцы будутъ невредимы. Многіе изъ нихъ не хотѣли вѣрить сему обѣщанію, не забывъ вѣроломнаго поступка Поляковъ съ Динаминдскимъ гарнизономъ, который, сдавшись на честное слово, былъ весь истребленъ. Они напомнили о семъ Пану Зборовскому: тогда поклялись знатнѣйшіе изъ Польскихъ Вельможъ, что плѣнные не лишатся ни жизни, ни оружія. Нѣмцы рѣшились сдаться. Въ самомъ дѣлѣ договоръ былъ свято соблюдаемъ: кто хотѣлъ служить Его Величеству, давалъ присягу; а кто не хотѣлъ, удалялся безпрепятственно ¹¹³).

Торжествуя побѣду, Станиславъ Жолкѣвскій возвратился къ Царево-Займищу и приказалъ плѣннымъ Боярамъ извѣстить Волуева, что все Русское войско разсѣяно, а Нѣмцы покорились Сигизмунду. Волуевъ, переговоривъ съ плѣнными Боярами, сдался со всемъ отрядомъ Пану Жолкѣвскому. Послѣ сего Поляки, Нѣмцы и Россіане подступили къ Москвѣ и осадили ее съ одной стороны. Въ то же время прибыли изъ Погорѣлаго ¹¹⁴) Капитаны Нѣмецкихъ ротъ Лавилла и Эбертъ: соединясь съ войсками Его Королевскаго Величества, они овладѣли Іосифовымъ монастыремъ и весь отрядъ, тамъ находившійся, изрубили до послѣдняго человѣка; сему отряду, бывшему на сторонѣ Димитрія, поручена была защита Іосифова монастыря Па-

номъ Сапѣгою; когда онъ вывелъ войско свое 1610. на Угру, а самъ отправился къ Королю подъ Смоленскъ.

Димитрій, раздраженный такимъ событіемъ, немедленно приказалъ побросать въ воду всѣхъ Нѣмцевъ, при немъ находившихся. »Теперь-то я вижу, говорилъ онъ, что Нѣмцы мнѣ нисколько не преданы: они служатъ невѣрному Королю и бьютъ моихъ людей, забывъ, что во всемъ мірѣ одинъ я — Государь Христіанскій. Всѣ они дадутъ отвѣтъ, лишь только бы взойти мнѣ на престолъ!»

Бояре, услышавъ сіе дьявольское слово, спѣшили одинъ за другимъ безстыдно оклеветать Нѣмцевъ, особенно жившихъ въ Козельскѣ; послѣднихъ ненавидѣли они за то, что опасались потерять прекрасныя деревни, прежде пожалованныя Нѣмцамъ за вѣрную службу, потомъ отобранныя безъ всякой вины ихъ, по одному подозрѣнію, и розданныя Царскимъ Совѣтникамъ: Князю Григорію Шаховскому, Трубецкому, Рындину, Михайлѣ Константиновичу Юшкову, Третьякову и другимъ. Сіи Бояре, день и ночь искавшіе средствъ къ погубленію Нѣмцевъ, опасались не безъ причины: ибо знали невинность сихъ честныхъ людей, которые не падали своей жизни за Димитрія, теряли здоровье, лишались друзей и пріятелей. И такъ, едва разгнѣванный Димитрій поклялся истребить всѣхъ Нѣмцевъ,

1610. въ Россіи находившихся, Господа Сенаторы донесли ему, что сіи мнимые измѣнники переписывались съ Поляками и предлагали Его Королевскому Величеству сдать городъ Козельскъ, что свѣдавъ о какой либо неудачѣ войска Дмитріева, они были внѣ себя отъ радости, плясали, пѣли, веселились, между тѣмъ, какъ вѣрные Москвитяне предавались горести. Сія клевета еще болѣе озлобила Дмитрія: онъ въ ту же минуту отправилъ въ Козельскъ гонца, а въ Калугѣ далъ повелѣніе: какъ скоро приведутъ Нѣмцевъ (числомъ 52), безъ всякаго допроса побросать ихъ въ Оку. Этотъ приговоръ вѣрно былъ бы исполненъ, если бы не спасъ несчастныхъ духовный пастырь ихъ, Мартинъ Беръ, которому готовилась та же участь. Распрашивая дорогою обреченныхъ на смерть, точно ли писали они къ Польскому Королю, не получали ли отъ него писемъ, или вообще не знаютъ ли за собою какой либо измѣны противъ Дмитрія? Беръ требовалъ искренняго признанія, чтобы легче дать отвѣтъ и отвратить бѣду, обещая никому не сказывать словъ ихъ: всѣ Нѣмцы клялись небомъ въ невинности и преданности Царю-Государю. Пастырь съ своей стороны также поклялся, ободрялъ спутниковъ надеждою на Божіе милосердіе, говорилъ, что Всевышній не допуститъ погубить невинныхъ, что въ Его руцѣ сердце Царево, что Онъ внушитъ Государю

справедливость и разсѣять прахомъ замыслы 1610. враговъ высокоумныхъ.

Но какъ ни старался пастырь одушевить мужествомъ своихъ духовныхъ дѣтей, — они, большаго частію, были не утѣшны, и многіе выдумывали странныя средства къ своему спасенію: жизнь мила, а смерть ужасна! Достигнувъ Калуги, гдѣ находился Дмитрій съ Дворомъ своимъ, Беръ оставилъ спутниковъ на лугу близъ Оки, а самъ хотѣлъ узнать отъ духовныхъ дочерей своихъ, Фрейлинь Царициныхъ, что было причиною столь ужаснаго Царскаго гнѣва? Для сего взялъ съ собою Капитана Давида Гильбертса, Прапорщика Мойтцена и двухъ Ливонскихъ дворянъ, переправился чрезъ рѣку и вмѣстѣ съ провожатыми пробрался къ Царицинымъ Фрейлинамъ. Гофмейстерина изумилась, увидѣвъ духовнаго отца; спрашивала, за чѣмъ онъ оставилъ несчастныхъ, и со слезами говорила, что никакія просьбы не могутъ смягчить Царскаго гнѣва, что всѣхъ Нѣмцевъ ожидаетъ неизбѣжная смерть. »Да поможетъ намъ Богъ! отвѣчалъ Мартинъ Беръ. Онъ знаетъ нашу невинность. Если же смерть неизбѣжна, умремъ по крайней мѣрѣ съ утѣшительною мыслию, что погибнемъ не какъ преступники, а какъ истинные Христіане, которые всегда подвергаются гоненію, клеветѣ и всякимъ опасностямъ. Господь Отецъ нашъ, воздастъ въ свое время

1610. каждому по дѣламъ. Я также терплю гоненіе отъ Русскихъ, хотя служу не Царю, а Богу, никогда не замышлялъ вреднаго противъ Его Величества и всегда молился за него съ духовными дѣтьми своими. Не жалуясь на его неблагодарность: такъ всегда награждаетъ міръ истинныхъ Христіанъ! Но всѣ прихожане клялись мнѣ Царствомъ Небеснымъ, что никто изъ нихъ не знаетъ никакой вины за собою; мы смѣло пустились въ дорогу, поручивъ себя благодати Всевышняго: если бы совѣсть насъ упрекала, мы безъ сомнѣнія избрали бы иной путь.»

Послѣ сего пастырь убѣждалъ Гофмейстерину и Госпожъ Фрейлинъ рассказать обо всемъ Царицѣ и умолить ее слезами, чтобы она испросила у Его Величества не помилованія измѣнникамъ, а пощады людямъ вовсе невиннымъ.

»Доложите Государынѣ, говорилъ Беръ, что въ числѣ обреченныхъ на смерть есть дѣти, что вмѣстѣ съ ними погибаютъ духовный отецъ и многіе родственники падшихъ на полѣ битвы за Его Величество; что если и сіи витязи трехлѣтней войны умрутъ позорною смертію, во всей Россіи не будетъ никого ихъ злосчастіе; мы просимъ одного, заключилъ Беръ: чтобы милосердая Царица убѣдила Его Величество отдѣлать безвинныхъ отъ виновниковъ; первые да будутъ помилованы, а послѣдніе да испытаютъ всю тяжесть Царскаго гнѣва!» Тронутыя сими

словами, всѣ Фрейлины пошли къ Царицѣ, упали къ ногамъ ея и такъ горько плакали, что ни одна не могла выговорить ни слова. Царица, глядя на нихъ, также заплакала, велѣла имъ встать и догадываясь, о чемъ идетъ дѣло, спросила: »Пріѣхали ли Нѣмцы изъ Козельска?» »Русскіе выгнали ихъ, не исключая и духовнаго отца нашего!» отвѣчали, рыдая, Госпожи Фрейлины; потомъ весьма трогательно убѣждали Царицу помиловать несчастныхъ. »Не плачьте, дѣти мои! сказала Ея Величество. Царь страшно гнѣвается на всѣхъ Нѣмцевъ: уже отданъ приказъ утопить ихъ въ Окѣ, какъ скоро они сюда придутъ; никто не смѣетъ просить о пощадѣ; но я попытаюсь, не тронется ли онъ моими слезами и не успѣю ли на этотъ разъ спасти ихъ.« Сказавъ сіе, Царица немедленно послала камердинера къ лютому Шаховскому, которому поручено было исполнить Царскую волю, съ приказаніемъ остановить казнь до другаго повелѣнія, угрожая смертію въ случаѣ ослушанія; другаго же камердинера послала къ Царю съ просьбою удостоить ее на минуту своимъ посѣщеніемъ. Царь не хотѣлъ видѣть своей супруги. »Знаю, чего она хочетъ! сказалъ Димитрій. Она будетъ просить за поганныхъ Нѣмцевъ; напрасный трудъ! Всѣхъ въ воду сего же дня—или я не Димитрій! А если она вздумаетъ мѣня беспокоить, утопить и ее вмѣстѣ съ Нѣм-

1610. «цами!» Такой отвѣтъ весьма опечалилъ Царицу. »Богъ знаетъ, сказала она, чѣмъ такъ провинились бѣдные Нѣмцы!»

Одна Фрейлина тотчасъ побѣжала къ Пастору и объявила ему со слезами, что просьба Царицы безуспѣшна. »Да будетъ воля Божія!» сказалъ Пасторъ, и въ ту же минуту послалъ дворянина Рейнгольда Энгеланда за Нѣмцами, бывшими на другой сторонѣ Оки, велѣвъ имъ взять церковную утварь, для того, чтобы вкусивъ Св. Тайнъ, послѣдовать примѣру Христа Спасителя. Ожидая прибытія духовныхъ дѣтей, онъ молился и пѣлъ псалмы, которые сочинилъ въ сіи злополучныя минуты. Эти псалмы будутъ приложены въ концѣ Лѣтописи ¹¹⁵⁾

Между тѣмъ, Царица рѣшилась прятти къ Димитрію со всѣми своими женщинами, упала ему въ ноги и просила со слезами рассмотреть хладнокровно, всѣ ли Нѣмцы виноваты, чтобы не жалѣть послѣ о невинныхъ, какъ о Воеводѣ Скотницкомъ; убѣждала размыслить, что на смерть осуждено 52 человѣка, что въ этомъ числѣ одинъ Пасторъ, много безвинныхъ отроковъ; что вдовы и сироты, потерявъ мужей и отцовъ, не престанутъ умолять Небо о страшной мести дерзкому виновнику слезъ ихъ, — и что правосудіе предписываетъ наказать только преступниковъ. Сначала Димитрій ничего и слышать не хотѣлъ; наконецъ смягчился тро-

гательною просьбою Царицы, поднялъ ее и 1610. всѣмъ женщинамъ также велѣлъ встать. Потомъ спросилъ камердинера: «Далеко ли отсюда до Козельска?» 12 миль, было отвѣтомъ. «И они уже здѣсь!» воскликнулъ изумленный Царь; я только вчера послалъ за ними! Чуть ли Бояре не наболтали много лишняго. Не понимаю, какъ могли Нѣмцы такъ скоро пріѣхать! — Они твои, примолвилъ Димитрій, обращаясь къ Царицѣ, дѣлай съ ними, что хочешь.»

Печальные Нѣмцы собрались въ одинъ домъ, и уже готовились принять Св. Тайны, какъ вдругъ явился главный Коморникъ Царицынъ Георгъ Гребсбергъ, съ радостною вѣстью, что бѣда миновала и что Государыня исходатайствовала у Царя милость. «Радуйтесь, Нѣмцы, говорилъ Коморникъ, молитесь о здравіи Царя и Царицы, своей матери; будьте покорными дѣтьми ея!» «Богъ да сохранить милосердную нашу Государыню, вмѣстѣ съ супругомъ ея! Вѣчно будемъ молиться за нихъ!» отвѣчали Нѣмцы.

По удаленіи Коморника, Пасторъ обратился къ духовнымъ дѣтямъ и сказалъ: «Любезные друзья! въ третій разъ мы дѣлаемся жертвою клеветы; Богъ доселѣ хранилъ невинныхъ отъ погибели; но если бы не открылся случай умалостивить Царицу, мы пропали бы навѣрное; жены же и дѣти наши мало бы выиграли

1610. отъ того, что мы погибли бы невинно. Подадимъ Царицѣ просьбу, въ коей изъяснимъ благодарность, скажемъ, что какъ никто изъ насъ не знаетъ за собою преступленія противъ Его Величества, то всѣ мы просимъ не милости Царской, а строгаго правосудія, и что если хотя одинъ изъ насъ окажется виновнымъ, мы всѣ умереть согласны; посему станемъ просить Царицу, чтобы она убѣдила Государя дать намъ очную ставку съ неизвѣстными доносчиками. Они говорятъ, будто мы писали къ Сигизмунду: пусть представятъ сіи письма — каждый знаетъ руку товарища; никто не отречется отъ собственнаго почерка. Мы увѣрены въ своей невинности и преданности Государю.» Такой совѣтъ немедленно приведенъ былъ въ исполненіе. Царица, принявъ просьбу, представила ее своему супругу. Царь засмѣялся. «Правда, говорилъ онъ, я никогда не думалъ, чтобы Нѣмцы мнѣ измѣнили: вотъ уже третій годъ они несутъ трудную службу. Завтра же подъ чистымъ небомъ, въ присутствіи всѣхъ Болръ, всего народа, доставлю имъ случай оправдаться.» Такъ и случилось.

На другой день, Димитрій предъ выходомъ къ обѣднѣ, увидѣвъ Нѣмцевъ подлѣ крыльца и узнавъ Капитана Давида Гильбертса и Прапорщика Томаса Мойтцена, сказалъ громко: «Нѣмцы! за трехлѣтнюю усердную службу, я далъ

вамъ награду Царскую, далъ помѣстья Боярь и 1610
 Князей; вы разбогатѣли и жили въ довольствѣ;
 всѣ сосѣды ваши знаютъ это. Но когда вы мнѣ
 измѣнили, перестали оказывать должное почте-
 ніе, хотѣли предать Козельскъ поганому Королю
 Польскому и перейти на его сторону, я взялъ
 обратно пожалованныя вамъ помѣстья и роз-
 далъ оныя моимъ Боярамъ; а васъ велѣлъ сюда
 привести и бросить въ Оку.- »Даруй Богъ тебѣ,
 Царь-Государь! здравіе, отвѣчали Нѣмцы съ низ-
 кимъ поклономъ; мы ни въ чемъ не виноваты;
 намъ и въ умъ не приходило того, что на насъ
 васаказали. Мы просимъ не милосердія, а стро-
 гаго правосудія. Пусть каждый преступникъ
 воспріиметь должную казнь. Благоволи, Царь-
 Государь, оказать намъ сію милость!» Димитрій
 сошелъ съ крыльца вмѣстѣ съ Боярами и ука-
 завъ на нихъ пальцемъ, примолвилъ, обращаясь
 опять къ Нѣмцамъ: »Вотъ ваши обвинители!
 Сверхъ того, я получилъ доносъ изъ Козельска
 отъ Воеводы, Боярь, Священниковъ и гражданъ.»
 »Государь! воскликнули обвиняемые, въ твоей
 власти Воеводы, Князья, Бояре, какъ и мы ино-
 земцы: вели имъ вознаградить насъ, или пусть
 займутъ наше мѣсто!»

Царь, сѣвъ на лошадь, обратился къ го-
 сподамъ Боярамъ и сказалъ: »Я вижу невинность
 моихъ иноземцевъ, и думаю, что вы поступили
 съ ними, какъ бездѣльники. Если же вы правы,

1610. покажите письма и уличите виновных.» Бояре, не имѣя средствъ сего сдѣлать, смотрѣли на Нѣмцевъ съ видомъ презрѣнія и говорили: «Мы Русскіе; они ѣдятъ нашъ хлѣбъ, а не мы ихъ.» Тутъ Его Величество явилъ свое правосудіе. «Нѣмцы, сказалъ онъ ласково, вы правы! Бояре изъ одной ненависти васъ преслѣдуютъ. Все, чего вы лишились, получите обратно!» Потомъ продолжалъ: «Князья и Бояре! отдайте немедленно имъ деревни, бывшія причиною вашей зависти; а вы, Нѣмцы, будьте вѣрны и впредь, какъ были до сихъ поръ. Вы получите и другія помѣстья; удалитесь отъ враговъ своихъ изъ Козельска; живите со мною въ Калугѣ: тутъ, при моихъ глазахъ, Бояре не станутъ васъ беспокоить.» Такъ злодѣи умножили счастье добрыхъ, а сами покрылись вѣчнымъ стыдомъ!

На обратномъ пути, Пасторъ говорилъ духовнымъ дѣтямъ своимъ: «Любезные друзья! подумаемъ о средствахъ избавитися отъ несчастія. Царь объявилъ, что мы окружены врагами, которые завидуютъ, вѣроятно, и тому, что у насъ осталось. Я рѣшился покинуть свой домъ; возьми жену, дѣтей, а если можно, и пожитки. Кто изъ васъ согласенъ со мною, пускай изготавится въ дорогу: завтра мы отправимся. Не будемъ искушать Бога; довольно мы уже пострадали. Кто ищетъ опасности, тотъ и погибаетъ.» Одни согласились на сіе предложеніе Пастора; пере-

везли женъ, дѣтей, и поселились въ Калугѣ. 1610. Другіе же изъ скуности не хотѣли бросить имѣнія и остались въ Козельскѣ, среди гонителей Христіанъ. Но вскорѣ испытани Божій гнѣвъ вмѣстѣ съ варварами: 1 Сентября незнано пришедши отъ Смоленска *вольные люди*; въ два часа овладѣли беззащитнымъ городомъ, побили 7000 человекъ и предавъ оный пламени, увели въ плѣны Князей, Бояръ, Воеводу и всѣхъ Нѣмцевъ, которые отвергли совѣтъ духовнаго заступника своего; жены и дѣти ихъ также достались въ руки Поляковъ; все добро ихъ было разграблено.

Г Л А В А XI.

Жолкѣвскій подѣ Москвою. Измѣна Ляпунова. Низложение Шуйскаго. Посольство къ Сигизмунду. Присяга Владиславу. Последнее покушеніе Самозванца овладѣть Москвою. Бѣгство его. Посольство въ Астрахань. Безумныя дѣла. Смерть Хана Касимовскаго. Петръ Еруслановъ. Умерщвленіе Самозванца. Марина и сынъ ея. Шуйскій въ плѣну. Санданіе его въ Варшавѣ съ посломъ Турецкимъ. Грозное письмо Султана къ Сигизмунду.

Жолкѣвскій, одержавъ рѣшительную побѣду при Клушинѣ, разсѣявъ всю рать Московскую, склонилъ на свою сторону Нѣмцевъ Делагардіевыхъ, заставилъ отрядъ Валуева положить оружіе и наконецъ осадилъ Москву со стороны Можайска. Въ то же время Димитрій II, высту-

1610. пивъ изъ Калуги съ своими Поляками, овладѣлъ Пафнутьевымъ монастыремъ и сжегъ его до основанія, перебивъ въ ономъ всѣхъ Монаховъ, Священниковъ, Бояръ и 500 стрѣльцевъ, присланныхъ изъ Москвы на помощь. Москвитяне были въ отчаяніи: не успѣвъ избавиться отъ одного непріятеля, они увидѣли предъ собою другаго.

— Среди всеобщаго унынія, три отважные Боярина, уже давно бывшіе въ согласіи съ Жолкѣвскимъ, Захарій Ляпуновъ, Михайло Молчановъ и Иванъ Резецкій, составили заговоръ противъ Царя Василія Ивановича: 14 Іюля они вышли на Лобное мѣсто, созвали народъ и объявили, въ какомъ горестномъ состояніи находится земля Русская. «Ее, говорили сіи Бояре, какъ беззащитную овчарню опустошаютъ волки. Бѣдные жители гибнутъ, и никто не хочетъ, или не можетъ спасти ихъ: Царь уже третій годъ ни въ чемъ не имѣетъ счастья, ибо неправдою присвоилъ себѣ правленіе; не одна сотня тысячъ за него пострадала; кровопролитію не будетъ конца, доколѣ не оставитъ престола сей злосчастный Государь, который съ своими братьями только умѣетъ терять сраженія. Если нашъ голосъ, заключили Бояре, залуживаетъ нѣкоторую довѣренность гражданъ: родъ Шуйскаго долженъ быть сведенъ съ престола; а Царемъ Государственные чины избѣ-

ругъ того, кого укажетъ Богъ.» Этотъ совѣтъ 1610. весьма понравился Москвитянамъ: они рѣшились немедленно приступить къ дѣлу. Тогда Бояре велѣли имъ идти въ Кремль и объявить свое намѣреніе Царскимъ Совѣтникамъ: граждане тотчасъ бросились съ начальниками мятежа въ палаты Шуйскаго, взяли корону и скипетръ, отнесли ихъ въ казну, а Царя отвели въ прежній домъ его; тамъ выстригли ему нѣсколько волосъ и принудили его быть Монахомъ.

На другой день Москвитяне собрались за городомъ, въ той сторонѣ, гдѣ не было непріятелей, для рѣшенія, кому изъ Бояръ вручить Царскую корону. Но какъ скоро началось совѣщаніе и знатнѣйшія особы вмѣстѣ съ прочими стали подавать голоса, выступили впередъ нѣсколько человѣкъ съ сими словами: »Въ числѣ Князей нѣтъ никого, кто могъ бы сказать, что онъ знатнѣе другихъ родомъ и саномъ: следовательно, если выберемъ Царемъ какого либо Князя, Бояре будутъ ему завидовать и крамольничать: никто не любитъ кланяться равному! И такъ возмемъ чужеземца, который самъ былъ бы Королевскаго рода и въ Россіи не имѣлъ бы себѣ подобнаго. Въ Римской Имперіи много Королей, достойныхъ носить нашу корону; но нѣтъ . ни одного, кто и языкомъ и одеждою, и обычаями такъ былъ бы съ нами согласенъ, какъ Сигизмундъ Король Польскій, или

1610. сынъ его Владиславъ, уже герой знаменитый. Возведемъ его на престолъ; только тогда успокоится Россія; иначе, при всякомъ другомъ Царѣ, бѣдствіямъ не будетъ конца. О Димитріи не говоримъ ни слова: каждому извѣстно, что онъ плутъ и обманщикъ, бѣглый учитель Бѣлорусскій, достойный не престола, а висѣлицы. И такъ, господа, если вы согласны, мы подумаемъ объ условіяхъ, съ коними возведемъ Владислава на престолъ, такъ, что наша вѣра и обычаи останутся неприкосновенными, и народъ не будетъ обремененъ новыми налогами: извольте объявить ваше мнѣніе!»

Всѣ сословія, воскликнувъ, что ничего не можетъ быть лучше этого совѣта, опредѣлили привести оный въ исполненіе, только осмотрительно; потомъ въ добромъ согласіи возвратились въ Москву. Съ Жолкѣвскимъ немедленно заключено было перемиріе, а подъ Смоленскъ отправлено посольство съ предложеніемъ Владиславу Русскаго престола, но на многихъ условіяхъ. Сигизмундъ, выслушавъ пословъ, отпустилъ ихъ съ удовлетворительнымъ отвѣтомъ ¹¹⁶⁾ и уполномочилъ Полководца своего Жолкѣвскаго вступить съ Русскими въ переговоры, давъ ему право дѣйствовать по его собственному благоусмотрѣнію и напередъ соглашаясь на все, что онъ ни сдѣлаетъ, кромѣ двухъ статей: 1) Королевичъ не перемѣнитъ вѣры и 2) будетъ

имѣть при себѣ Польскій дворъ: ибо Сигиз- 1610.
мундъ не хотѣлъ предать его одного въ руки
Москвитянъ. Впрочемъ же на все былъ согла-
сенъ: обѣщалъ Москвитянамъ свободу въreisпо-
вѣданія, неприкосновенность ихъ законовъ,
правовъ и обычаевъ, обѣщалъ, что сынъ его не
только не дозволитъ нарушать Русскія права,
но и будетъ имѣть о нихъ особенное попече-
ніе.

Обрадованные Королевскимъ отвѣтомъ, Мо-
сквитяне поклялись признать Владислава Ца-
ремъ и служить ему вѣрно, доколѣ онъ не на-
рушитъ предложенныхъ условій; Жолкѣвскій съ
своей стороны далъ клятву именемъ Владисла-
ва, что всѣ статьи будутъ свято соблюдаемы и
что самъ Королевичъ вскорѣ пріѣдетъ въ Моск-
ву для принятія Царства въ свое владѣніе. По-
слѣ того Польскій Военачальникъ въ лицѣ Госу-
даря приглашенъ былъ въ Кремль, гдѣ ему под-
несли весьма богатые дары. Москвитяне подру-
жились съ Поляками: толпы однихъ стремились
въ лагерь, толпы другихъ въ Москву; ласкали,
честили другъ друга.

Между тѣмъ Димитрій, свѣдавъ отъ нѣко-
торыхъ Бояръ и Казаковъ, пріѣхавшихъ къ нему
изъ Москвы, что жители оной присягнули Вла-
диславу, но что въ ней есть люди ему предан-
ные и что нужно только подступить къ столи-
цѣ, дабы поселить въ жителяхъ раздоръ, немед-

1610. Янну оставилъ Пафнутьевъ монастырь, собралъ всѣхъ преданныхъ Поляковъ, Нѣмцевъ, Казаковъ, Татаръ, Русскихъ, и расположился лагеремъ между Москвою и Коломенскимъ монастыремъ, въ надеждѣ на счастливый успѣхъ своихъ клевретовъ; но сія надежда была напрасна: ежедневныя вылазки Москвитянъ доказывали, что народъ вовсе не помышляетъ ему покориться. Вскорѣ онъ замѣтилъ, что въ столицѣ появились Польскіе копейщики и что Поляки, ему служившіе, весьма неохотно дерутся съ своими единоземцами; тутъ Самозванецъ сыгралъ прежнюю ролю—бѣжалъ изъ лагеря, и покрытый срамомъ, возвратился въ Калугу съ нѣсколькими сотнями Казаковъ и Романовскихъ Татаръ, въ день Св. Варѣоломея ¹¹⁷).

По удаленіи Дмитрія, Поляки одинъ за другимъ приходили въ Москву: вскорѣ собралось ихъ до пяти тысячъ человекъ. Нѣмцы также успѣли пробраться въ столицу, въ числѣ 800 воиновъ. Размѣщенные въ Кремль, лучшей крѣпости Московской, они имѣли въ рукахъ своихъ военные снаряды. 5000 Поляковъ, вопреки желанію Москвитянъ, заняли вѣншій замокъ и учредили стражу вкругъ третьей стѣны: имъ отпускались въ избытокъ всякіе съѣстные припасы и сверхъ того производилось ежемѣсячное жалованье отъ казны, которая чрезъ

то оскудѣла еще болѣе, нежели въ правленіе 1610. Шуйскаго 118).

Димитрій весьма досадовалъ на Поляковъ, виновниковъ его срамнаго бѣгства, и еще болѣе на Русскихъ, которые такъ жестоко его обманули. «Мнѣ болѣе ничего не осталось, говорилъ онъ, какъ собрать Турковъ и Татаръ: они помогутъ мнѣ завоевать наслѣдство моихъ предковъ! Если же не успѣю овладѣть Россіею, разорю ее такъ, что она ничего не будетъ стоить. Доколѣ я живъ—не будетъ ей покоя.»

Желая поправить неудачу, онъ послалъ въ Астраханское Царство любимаго Поляка своего, Пана Керносицкаго (который былъ впрочемъ болѣе Русскій) съ извѣстіемъ, что Царь и Царица рѣшились избрать своею столицею Астрахань, не желая жить въ Москвѣ, оскверненной присутствіемъ нехристей. Если бы удался этотъ замыселъ, Россія испытала бы новыя ужаснѣйшія бѣдствія; но Богъ спасъ ее: Димитрій совершенно потерялъ рассудокъ, не щадилъ никого, самыхъ вѣрныхъ сподвижниковъ своихъ, не многихъ Татаръ и Казаковъ. Сія люди берегли его день и ночь, были съ нимъ безотлучно, участвовали во всѣхъ увеселеніяхъ, провожали его на охоту, между тѣмъ, какъ Нѣмцы и Поляки не смѣли къ нему подойти; но за всѣ услуги Татаръ, Димитрій приказалъ утопить въ Окѣ Хана Касимовскаго, обвиненнаго предъ Ца-

1610. ремя собственнымъ сыномъ въ намѣреніи бѣжать въ Москву.

Раздраженный таковымъ поступкомъ Димитріа, Татарскій Князь Петръ Еруслановъ искалъ случая умертвить Ханскаго сына и уже думалъ исполнить свое намѣреніе, когда отцебійца возвращался домой отъ Царя; но Князь отступилъ: жертвою его мести былъ другой знатный Татаринъ, одѣтый такъ же точно, какъ и тотъ, кого онъ подстерегалъ. Еруслановъ, до тѣхъ поръ весьма уважаемый Царемъ за то, что онъ зналъ дорогу къ Астрахани, заключенъ въ темницу; а 50 другихъ Татаръ отданы подъ стражу; впрочемъ постращавъ ихъ нѣсколько дней, Димитрій даровалъ имъ свободу, сталъ попрежнему ласковъ, ѣздилъ съ ними на охоту, посылалъ ихъ въ окрестности для набѣговъ и опустошенія деревень, принадлежавшихъ ненавистнымъ Полякамъ. Но Татары не могли забыть своего оскорбленія и цѣлые два мѣсяца весьма искусно таили намѣреніе отмстить Димитрію. Каждую ночь привозили въ Калугу по 10 и по 12 Поляковъ, которыхъ не рѣдко хватали съ постелей; привозили иногда и купцовъ, пойманныхъ на дорогѣ. Царь обыкновенно приказывалъ еще до разсвѣта заковать сихъ несчастныхъ кнутомъ до смерти; тѣла ихъ бросали собакамъ на съѣденіе; остатки же зарывали въ землю, какъ падалище; блгородныхъ Поляковъ топили въ рѣкѣ. Видя та-

кое усердіе Татаръ, Димитрій думалъ, что они 1610. уже забыли прежнее оскорбленіе и такъ взрѣлъ имъ, что отправляясь на охоту, всегда бралъ ихъ съ собою человекъ по 20 и по 30, а изъ придворныхъ не болѣе 2 или 3, да шута Петра Кошелева, неразлучнаго своего товарища. Вѣроломные Татары изълывали Царю безпредѣльную преданность, выжидая случая — отмстить ему. За нѣсколько дней до исполненія заговора, дали звать своимъ единоплеменникамъ, чтобы они, при первомъ выѣздѣ Царя на охоту, выбрались изъ Калуги въ Пельну и дождавшись тамъ Князя Ерусланова, немедленно отправились восвояси.

41 Декабря Димитрій, не предчувствуя своей участи, отправился на охоту съ Княземъ Еруслановымъ и 20 Татарами; товарищи ихъ, согласно взаимному условію, взявъ все, что только могли, выѣхали верхами въ разные ворота и соединились на Пельнской дорогѣ въ числѣ 1000 человекъ. Какъ скоро Димитрій отъѣхалъ отъ города около четверти пути, Князь Петръ, поравнявшись съ нимъ, прострѣлилъ его насквозь; потомъ отрубилъ ему голову. »Я научу тебя, примолвилъ Князь, топить Хановъ и сажать въ темницу Князей, которые служили тебѣ вѣрно, негодный обманщикъ!« Шутъ Кошелевъ и два Боярина не хотѣли быть свидѣтелями сего печальнаго зрѣлища: ударили по лошадямъ и не оглядываясь прискакали въ Калугу

1610. съ извѣстіемъ, какимъ образомъ кончилась охота.

Татары между тѣмъ пустились по Пельской дорогѣ восвояси, опустошая и истребляя все, что имъ ни попадалось. Въ Калугѣ ударили тревогу; пушечными выстрѣлами дали знать, чтобы войско собиралось для преслѣдованія вѣроломныхъ; но уже поздно: ихъ не лѣзя было настигнуть. Только немногіе изъ Татаръ остались въ Калугѣ, потому ли, что не имѣли добрыхъ коней, или недовѣрчивые товарищи не открылись имъ, не извѣстно. Сихъ несчастныхъ гоняли изъ улицы въ улицу, хуже, чѣмъ зайцевъ въ полѣ, дубинами и саблями, пока всѣхъ не перебили. Такъ невинные пострадали за виновныхъ! Все доказываетъ, что они вовсе не знали о злодѣйскомъ умыслѣ; въ противномъ случаѣ, успѣли бы спасти себя, или донесли бы о заговорѣ. Удовлетворивъ мести, Князя, Бояре и граждане Калужскіе отправились туда, гдѣ погибъ ихъ Царь; нашли трупъ и голову; отвезли сіи бранные остатки въ крѣпость, обмыли ихъ и приставивъ голову къ телу, положили Царя на столъ на показъ всему народу. Потомъ, чрезъ нѣсколько дней, похоронили его съ приличными обрядами въ Дворцовой Калужской церкви, гдѣ онъ лежитъ до сихъ поръ. Не забудутъ и позднѣйшіе потомки сего человека,

который былъ виною вѣроятныхъ бѣдствій 1610. Россіи !

Легко вообразить, съ какою горестію узнала о семъ несчастномъ происшествіи благочестивая Царица Марина. Давно ли она потеряла одного супруга, теперь лишилась и другаго! Она была уже беременна, и вскорѣ разрѣшилась сыномъ. Бояре выпросили у нея себѣ новорожденнаго Царевича, чтобъ укрыть его отъ убійцъ и воспитать тайно, со временемъ возвести на престолъ. Москвитяне до сихъ поръ оказываютъ Маринѣ Царскую почесть¹¹⁹⁾; какую же перемену произведетъ въ Россіи сынъ ея, узнаютъ тѣ люди, которые проживутъ еще лѣтъ двадцать¹²⁰⁾.

Такъ кончилъ дни свои Димитрій II; смерть его была ужасна! Долго спорилъ онъ съ Василиемъ Шуйскимъ за безцѣнное сокровище; но не могъ имъ овладѣть. Да и Шуйскій не умѣлъ пользоваться онымъ: и ему пришлось изъ Монарха сдѣлаться Монахомъ; а яблоко раздора досталось Владиславу.

Низложивъ Шуйскаго съ престола, Москвитяне отправили его съ двумя братьями, Димитріемъ и Иваномъ, и знатнѣйшими изъ Князей, Голицыными, къ Польскому Королю, въ лагерь Смоленскій. Отсюда, по волѣ Сигизмунда, ихъ отвезли въ Польшу, какъ плѣнниковъ. Рассказываютъ за достовѣрное, что на Варшавскомъ Сеймѣ, бывшемъ около Мартинова дня 1611 года,

1610. присутствовалъ посланникъ Турецкаго Султана. Пируя за пышнымъ Королевскимъ столомъ, онъ желалъ видѣть прежняго Царя Московскаго: его желаніе было исполнено. Шуйскаго привели въ Царской одеждѣ, и посадили за столъ противъ посланника. Сей послѣдній долго смотрѣлъ на него, не говоря ни слова: потомъ началъ превозносить счастіе Короля Польскаго, который за нѣсколько предъ тѣмъ лѣтъ имѣлъ въ рукахъ своихъ Максимилиана, а теперь держитъ въ пѣну великомощнаго Царя Русскаго. »Не дивись, отвѣчалъ Шуйскій, оскорбленный словами посланника, не дивись моей участи! Я былъ сильный Государь, а теперь пѣвникъ; но знай: когда Король Польскій овладѣетъ Россіею — и твоему Государю не миновать моей участи! Есть у насъ пословица: *Сего дня моя очередь, а завтра твоя.*»

Султанъ, узнавъ о семъ отвѣтѣ, въ 1612 году прислалъ, какъ говорятъ, слѣдующее письмо къ Королю Польскому: »Мы, Султанъ пресвѣтлѣйшій, сынъ великаго Императора, сынъ Высочайшаго Бога, владѣтель всей Турціи, Греціи, Вавилоніи, Македоніи, Сармаціи, Король верхняго и нижняго Египта, Александріи, Индіи, Государь всѣхъ народовъ, блистательный сынъ Магомета, покровитель и защитникъ города Иерусалима и рая земнаго, стражъ Святаго гроба Бога небеснаго, Царь Царей, повелитель всѣхъ

владыкъ и боговъ земныхъ, обладатель древа 1610. жизни и Святаго Града, Государь и наслѣдникъ всѣхъ странъ Черноморскихъ — Королю Польскому поклонъ! Дошло до насъ, что ты съ своими Корольками и Князьками затѣялъ противъ насъ, могущественнаго и непобѣдимаго Императора, злое дѣло, по внушенію людей легкомысленныхъ: расторгнувъ дружбу и миръ, о коемъ ты прежде умолялъ насъ, забывъ обѣщаніе не вести съ нами войны, ты напалъ на наши области, все грабилъ, губилъ, убивалъ, жегъ, истреблялъ. Теперь жди возмездія: изъ всѣхъ областей, намъ подвластныхъ, отъ одного края вселенной до другаго, мы соберемъ силы несмѣтныя, подавимъ ничтожныхъ владыкъ и въ Краковѣ явимъ предъ тобою наше величіе; тамъ мы воздвигнемъ такой памятникъ, что Государство твое вѣкъ насъ не забудетъ. Въ знакъ же сей воли, посылаемъ тебѣ мечъ, стрѣлу и ядро, обогранныя кровію. Наши кони и вельблюды опустошатъ твои поля; да вѣдаетъ міръ, сколь ужасенъ гнѣвъ нашъ! Какъ владыка небесный караетъ богоотступниковъ; такъ и мы, Владыка земной, хотимъ наказать твое вѣроломство: гнѣвъ нашъ поразитъ тебя прежде, чѣмъ получишь отъ насъ другое письмо. Вразуми себѣ все, что мы сказали; если же не поймешь, то почувствуешь. — Султанъ пресвѣтлѣйшій ²¹¹).

Г Л А В А XII.

1611—1612.

Владислава признають Царемъ во всей Россіи. Своевольство Поляковъ въ Москвѣ. Негодованіе народа. Правосудіе Говста-скаго. Всеобщая ненависть къ Полакамъ. Сооры съ ними. Тщепыя усилія Намѣстника. Вербное Воскресеніе. Патриархъ виновникъ возстанія. Кровопролитіе въ сполицѣ. Мужество Маржерета. Пожаръ и разореніе Москвы. Полковникъ Спрусъ. Патриархъ въ темницѣ. Неисповѣсто Поляковъ. Лапуновъ ожидаетъ ихъ. Сапага и Ходковичъ. Заключение.

По смерти Димитрія II, города, воевавшие съ Москвою, прислали къ жителямъ оной письмо слѣдующаго содержанія: «Попуталъ насъ лукавый! Сгубилъ наше Царство проклятый Самозванецъ! Мы хотимъ жить съ вами въ добромъ согласіи, но прежде прогоните нехристей, поганныхъ Поляковъ: только тогда Россія успокоится и кровь христіанская перестанетъ литься ⁽¹²²⁾.»

Москвитяне отвѣчали, что они будутъ рады и благодарны, если областные жители опомнятся и исправятся; но что не лѣзя нарушить присяги Владиславу: иначе въ Россіи никогда единодушіе не водворится. Въмѣстѣ съ сими отвѣтомъ, разослали тайно грамоты, въ коихъ совѣтовали своимъ единоземцамъ признать Царемъ Королевскаго сына, чтобы внутренніе раз-

доры прекратились, и города воевать между со- 1611.
бою перестали; но въ то же время убѣждали испо-
доловъ истреблять Поляковъ, имѣвшихъ въ Россіи
помѣстья, или просто въ ней жившихъ. »Такимъ
образомъ, писали Москвитине, Государство не-
замѣтно очистится отъ сихъ невѣрныхъ. Мы же
съ своей стороны довольно имѣемъ силъ побить
при случаѣ всѣхъ Поляковъ, въ столицѣ живу-
щихъ, хотя они и не скидаютъ съ себя ни
латъ, ни шлемовъ ¹²³⁾.» Слѣдуя сему внушенію,
города присягнули Владиславу въ Январѣ 1611
года, и думали оставить Поляковъ въ дуракахъ;
но Русскіе скоро испытали на себѣ пословицу:
Не рой яму другому, самъ въ нее попадешь.

25 Января Московскіе обыватели жалова-
лись Намѣстнику Владислава, Гонѣвскому ¹²⁴⁾,
что Поляки притѣсняютъ народъ, не уважаютъ
Русскаго богослуженія, ругаются надъ Св. Ико-
нами, даже стрѣляютъ въ нихъ изъ ружей; что
Россіянамъ и въ домахъ нѣтъ безопасности; что
казна Государственная расхищена и непомѣр-
ныя суммы выдаются на содержаніе 6000 вон-
новъ, а Царь Владиславъ не является; и что
Король, вопреки обѣщанію, до сихъ поръ не
соглашаясь прислать своего сына, обнаружи-
ваетъ намѣреніе только разорить въ конецъ
Русскую землю. Въ заключеніе же недовольные
велѣли сказать наотрѣзъ Намѣстнику и всѣмъ
его ротмистрамъ, чтобы они позаботились о

1611. скорѣйшемъ прибытіи Царевича, въ противномъ случаѣ убрались бы сами туда, откуда пришли: иначе имъ укажутъ дорогу. »Для такой невѣсты, говорили Москвитяне, какова Россія, мы скоро найдемъ и другаго жениха!«

Нанъ Гонсѣвскій ласково принялъ сію жалобу и просилъ Москвитянъ быть покойными, особенно же не замышлять ничего вреднаго, къ собственному несчастію: ибо, говорилъ Намѣстникъ, Его Величество такъ озабоченъ разными дѣлами въ своемъ Государствѣ, что не имѣетъ никакого средства ввести въ Россію своего сына съ приличнымъ Царскому сану достоинствомъ; притомъ же Король хочетъ непремѣнно овладѣть Смоленскомъ, искони принадлежавшимъ Польской коронѣ, чтобы въ послѣдствіи не имѣть объ ономъ спора съ собственнымъ сыномъ. Впрочемъ Гонсѣвскій обѣщалъ немедленно просить Сигизмунда о скорѣйшемъ пріѣздѣ избраннаго Россіанами Государя, и далъ слово строго наказывать Поляковъ, которые станутъ нарушать спокойствіе столицы.

Народъ, узнавъ о столь добромъ намѣреніи Гонсѣвскаго, тотчасъ приступилъ къ нему съ просьбою явить примѣрный судъ надъ пльнимъ Польскимъ дворяниномъ, выстрѣлившимъ въ образъ Богоматери, соглашаясь забыть о прочихъ своихъ обидахъ. Дворянинъ былъ взятъ немедленно и осужденъ на смерть. Близъ Стрѣлян-

скихъ воротъ, гдѣ находилась сія Икона, ему 1611. отсѣкли обѣ руки и повѣсили ихъ подѣ образомъ; а самаго виновника вывели за городъ и сожгли ¹²⁵). При семъ случаѣ Панъ Гонсѣвскій обнародовалъ объявленіе, что скоро прибудетъ Царь Владиславъ, что Москвитяне должны молиться о здравіи Его Величества, что Государь повелѣлъ строжайшимъ образомъ наблюдать за правосудіемъ, наказывать своеволюство, охранять гражданъ и Святыню ихъ, и что казнѣ виновнаго дворянина служить яснымъ доказательствомъ попеченій Владислава о благѣ и спокойствіи Россіи.

Москвитяне казались довольными; но Поляки, испытавъ на дѣлѣ ихъ вѣроломство, не дремали: разставили при всѣхъ воротахъ сильную стражу въ полномъ вооруженіи, запретили Русскимъ имѣть при себѣ что либо смертоносное, обыскивали всѣ возы, прїѣзжавшіе въ городъ, опасаясь, нѣтъ ли въ оныхъ оружія. Если же Москвитяне изъявляли досаду, Поляки говорили имъ: »Осторожность не мѣшаетъ; насъ горсть, а насъ тысячи, мы не думаемъ ничего дурнаго, вы же, Москвитяне, насъ не любите. Не хотимъ съ вами ссориться — этого требуетъ Государь нашъ; только вы будьте спокойны!« Не взирая на сіи убѣжденія, Москвитяне весьма негодовали на Поляковъ. »Уже и теперь, говорили они, нѣтъ намъ воли; что же будетъ, когда наберетъ

1611. ся поболѣе сихъ лысыхъ головъ? По всему видно, они хотятъ быть нашими господами. Но мы ихъ проучимъ! Мы выбрали Царемъ Поляка, только не для того, чтобы каждый безмозглый Ляхъ здѣсь поднималъ носъ; мы не думали отказываться и отъ своего права. Старая собака Король не хотѣлъ отпустить своего щенка: теперь оба они могутъ навѣки остаться во своихъ: не хотимъ Владислава! А эти глаголи, пусть добромъ отсюда уберутся, не то, переколотимъ ихъ, какъ псовъ. Насъ вѣдь семьсотъ тысячъ: если на что рѣшимся, стоимъ за себя!»

Злоба народа безпрестанно увеличивалась; Москвитяне насмѣхались надъ стражею Гонсѣвскаго, и нерѣдко поносили Поляковъ, приходившихъ на рынокъ за покупками. »Эй, пучки! кричали насмѣшники, долго ли вамъ здѣсь пировать? Видно придется собакамъ потѣшиться надъ плѣшивыми головами, когда не хотите добромъ оставить нашего города!» За все, что ни покупали, Поляки должны были платить вдвое дороже противъ Русскихъ, или возвращались съ рынка домой съ пустыми руками. Благоразумные Поляки, видя всеобщую ненависть, старались удерживать своихъ пылкихъ товарищей. »Смѣйтесь, какъ хотите, говорили они Русскимъ, для насъ все равно; не мы будемъ зачинщиками. Но берегитесь, не пришлось бы вамъ раскаяваться!»—и уходили домой осмѣянные.

13 Февраля Польскіе дворяне велѣли своимъ служителямъ ¹²⁶⁾ кунить овса на рынкѣ, за Московскою дорогою. Одинъ изъ Пеляжовъ, замѣтивъ, сколько за оный платили Русскіе, приказалъ отворить нѣсколько бочекъ и хотѣлъ заплатить за нихъ по одному флорину, такъ же какъ платили и другіе. Московскій торгашъ, не довольный сею платою, требовалъ съ него за каждую бочку по 2 флорина. «Эй, ты к... с...» «Москаль..... закричалъ слуга, какъ смѣешь ты грабить насъ? Развѣ мы не одному Царю служимъ?» «Коли не хочешь дать за бочку по два флорина, возразилъ Москвитянинъ, возьми свои деньги и отдай мнѣ овесъ. Полякамъ не покупать его дешевле. Убирайся къ чорту!» Полякъ выхватилъ саблю съ намѣреніемъ проучить Москаля, какъ вдругъ сбѣжалось человѣкъ 40 или 50, вооруженныхъ дрекольемъ; въ минуту собралось такое множество народа, что Польская стража, находившаяся у Водяныхъ воротъ, должна была прибыть на мѣсто драки. Слуги же, покупавшіе овесъ, искали спасенія въ бѣгствѣ, и прѣсѣдуемые Москвитянами, просили помощи у своихъ единоземцевъ, объявивъ имъ, что трое изъ товарищей ихъ убиты народомъ единственно за несогласіе платить вдвое болѣе Русскихъ. Тутъ 12 Польскихъ вонновъ ударили на многія сотни Москвитянъ, убили человѣкъ 15, а прочихъ разогнали.

1611. Какъ скоро узнали объ этой дракѣ жители предмѣстья и Бѣлаго города, со всѣхъ сторонъ набѣжало такое множество Москвитянъ, недовольныхъ Поляками, что дѣло едва не кончилось всеобщимъ бунтомъ. Благоразуміе Намѣстника отвратило сіе бѣдствіе. Онъ самъ явился среди народа и сказалъ: »Москвитяне! Вы считаете себя наилучшими Христіанами въ мірѣ; но боитесь ли вы Бога, когда жаждете крови и помышляете только о вѣроломствѣ и измѣнѣ? Или вы думаете, что Богъ васъ не накажетъ? Нѣтъ! вы испытаете всю тяжесть его десницы. Умертвивъ не одного изъ собственныхъ Царей, вы избрали наконецъ Государемъ нашего Королевича; но едва присягнули ему въ вѣрности,—вы уже стали поносить его только за то, что онъ не можетъ сюда пріѣхать такъ скоро, какъ вамъ хотѣлось бы; называете отца его старою собакою, а его самого щенкомъ, забывая, что Богъ избралъ ихъ своими Намѣстниками. Вы сами нарушаете клятву, не признавая Царемъ своего законнаго Государя; а васъ, его подданныхъ, пріѣхавшихъ сюда по вашему приглашенію, предаете смерти! Или не помните, что мы спасли васъ отъ злодѣя Димитрія? Не повинуюсь Царю, вы раздражаете Бога, который шутить не любитъ. Не хвалитесь силою и многочисленностію: конечно шести тысячамъ трудно устоять противъ семи сотъ тысячъ; но побѣда за-

виситъ не отъ числа, а отъ Бога: и горстію 1611. людей Онъ можетъ истребить несчетныя подчища. Что побуждаетъ васъ къ бунту? Развѣ мы служимъ не тому же Государю, которому и вы присягнули? Если же вы хотите кровопролитія, то будьте увѣрены, что Богъ насъ не оставитъ: мы стоимъ за правое дѣло!»

»Полно врать! закричали изъ толпы; безъ ружей и дубинъ, мы побьемъ васъ колпаками.«

»Нѣтъ, братцы! продолжалъ Намѣстникъ, колпаками и съ дѣвками не управитесь: и онѣ васъ утомятъ; чего же не сдѣлають 6,000 героевъ? Прощу васъ, умоляю, будьте мирны и спокойны!»

»Ну, такъ убирайтесь отсюда и очистите нашъ городъ!» сказали Москвитяне.

»Этого не дозволяетъ намъ присяга, возразилъ Намѣстникъ; Государь не за тѣмъ прислалъ насъ, чтобы мы тотчасъ разбѣжались по вашему требованію; мы должны ожидать его пріѣзда.«

»Такъ не долго вамъ оставаться въ живыхъ!« — воскликнулъ народъ.

»Это зависитъ не отъ васъ, а отъ Бога. Если вы начнете ссору, да не счумѣете кончить ее—тогда помилуй Богъ женъ и дѣтей вашихъ! Я довольно вразумлялъ васъ; повторяю: будьте покойны; а не то вы пропали. Съ нами Богъ!« Сказавъ сіе, Намѣстникъ возвратился въ замокъ;

1611. а Москвитяне разошлись по домамъ, скрывая въ душѣ злые умыслы.

Миновало еще нѣсколько недѣль, а Королевича все не было. Между тѣмъ разнеслась молва, что Король не отпускаетъ своего сына, изъ опасенія вѣрить его столь вѣроломнымъ людемъ. Москвитяне были въ изступленіи, которое достигло высшей степени, когда Польскій Военачальникъ потребовалъ съѣстныхъ припасовъ и жалованья своему войску. »Пусть требуетъ платы отъ своего Царя,« говорилъ народъ.

Богѣ всего Москвитяне злились на своихъ Вельможъ, Михайла Глѣбовича Салтыкова, Федора Андропова, Ивана Тарасовича Граматина, и требовали выдачи сихъ измѣнниковъ, вѣроломно предавшихъ Царство Королевичу Владиславу. Около 3000 мятежниковъ устремились въ Кремль и уже ворвались въ оный; но едва начальникъ Нѣмецкой дружины Борковский ударилъ тревогу и Нѣмцы бросились къ ружью — Москвитяне поспѣшили удалиться. Стража хотѣла запереть ворота, чтобы напасть на вѣроломныхъ; однакожь Капитанъ удержалъ ее, сказавъ: »Пусть ихъ ругаются! собака лаетъ, а вѣтеръ несетъ; но если вздумаютъ драться, тогда узнаютъ, съ кѣмъ имѣютъ дѣло!« Въ четверть часа не было уже видно ни одного Русскаго. Но Поляки ежеминутно ожидали новой тревоги. Видя вездѣ вол-

неніе народа, Полководцы ихъ отмѣнили торже- 1611.
ственный выходъ въ Вербное воскресенье, ко-
торое послѣ Николина дня считается важнѣй-
шимъ праздникомъ: они опасались при семъ
случаѣ неминуемаго бунта. Обыкновенно въ
этотъ день выходитъ къ народу Царь и отъ
Дворца своего до церкви, называемой Иерусали-
момъ, ведетъ за узду осла, на коемъ сидитъ
Патріархъ; шествіе открываетъ Кларъ, воспѣ-
вая *осанну*, съ приличными обрядами; за нимъ
слѣдуютъ болѣе 20 Боярскихъ дѣтей въ кра-
сномъ платьи, и разстилаютъ оное по дорогѣ,
гдѣ Царь ведетъ Патріаршаго осла. Какъ скоро
проѣдетъ Патріархъ, они подбираютъ свою
одежду и забѣжавъ въ передъ, снова разстилаютъ
ее до самой церкви. За Первосвященникомъ ве-
зутъ въ саняхъ огромное съ разными плодами
дерево, на коемъ сидятъ три или четыре ог-
рока, и поютъ священные гимны: шествіе за-
ключаютъ Князья, Бояре и купцы. На этотъ
праздникъ стекается безчисленное множество
народа: при чемъ такая бываетъ тѣснота, что
люди слабаго сложенія не смѣютъ присутство-
вать на церемоніи, если хотятъ остаться жи-
выми.

Чернь, узнавъ о запрещеніи Намѣстника
праздновать столь великій день, изъявила силь-
ный ропотъ и лучше хотѣла погибнуть, чѣмъ
стерпѣть такое насиліе; волю народную надле-

1611. жало исполнить; узду осласти держалъ, вмѣсто Царя, знатнѣйшій изъ Московскихъ Вельможъ, Андрей Гундуровъ. Нѣмцы же и Поляки, въ полномъ вооруженіи, охраняли тишину столицы.

Между тѣмъ дали знать Намѣстнику, что Москвитяне, подстрѣкаемые Патріархомъ, отложили мятежъ до страстной недѣли, и что Бояре приготовили сани съ дровами, которыя намѣрены въ минуту возмущенія разставить по улицамъ и лишить Поляковъ средствъ подавать другъ другу помощь. Свѣдавъ о семъ, Намѣстникъ и Борковской отдали приказъ, чтобы ни одинъ Нѣмецъ, ни одинъ Полякъ, подъ смертною казнью, не оставался въ городѣ и не выходилъ изъ крѣпости.

На другой день послѣ праздника, всѣ Поляки спѣшили убраться въ крѣпость; Москвитяне, замѣтивъ сіе, догадались, что ихъ замыселъ обнаружился, и въ ту же ночь собрали совѣтъ, гдѣ разсуждали, какимъ образомъ воспрепятствовать соединенію враговъ; наконецъ рѣшились: во вторникъ, т. е. 19 Марта, заняли улицы, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ человекъ, и побили многихъ Поляковъ, вѣхавшихъ въ замокъ. Намѣстникъ немедленно выслалъ на помощь своимъ нѣсколько отрядовъ конныхъ копѣйщиковъ: Москвитяне ударили въ нихъ смѣло, и если бы не подоспѣлъ Нѣмецкій полкъ, состоявшій изъ 800 воиновъ, всѣ Польскіе всад-

ники, числомъ 5000, остались бы на мѣстѣ: уже 1611.

Москвитяне стали одолевать Поляковъ; смѣло напирали на нихъ, и удивляясь собственному успѣху, выпускали радостные крики, при громѣ набатовъ; въ сію минуту главный Капитанъ Нѣмецкой дружины, Яковъ Маржеретъ, выслалъ изъ замка три роты мушкетеровъ къ Лавскому мосту, въ Никитскую улицу, пересѣкаемую многими переулками, гдѣ укрѣпились мятежники и поражали Поляковъ. Воины Маржеретовы, овладѣвъ внѣшнимъ укрѣпленіемъ, напали внезапно на поклонниковъ Николая ¹²⁷⁾ и побили ихъ какъ градомъ: съча была ужасная! Болѣе часу раздавался крикъ Москвитянъ, звонъ безчисленныхъ колоколовъ, громъ мушкетовъ, ревъ бури. Страшно было смотрѣть! Мушкетеры, пробившись разными улицами въ толпу враговъ, разогнали ее и преслѣдуя бѣгущихъ, били ихъ, какъ собакъ.

Когда прекратилась пальба, Нѣмцы и Поляки, оставшіеся въ крѣпости, начали горевать объ участи своихъ товарищей, и думая, что всѣ они погибли, заливались слезами: отчаяніе ими овладѣло; въ то самое время возвращаются мушкетеры, имѣя, подобно мясникамъ, окровавленные мечи и рубахи. Безъ ужаса не лѣзя было взглянуть на нихъ! Москвитянъ пало множество; Нѣмцевъ только восемь человѣкъ. Между тѣмъ, снова закипѣла битва на Срѣтенкѣ, гдѣ Моск-

1611. витяне также укрѣпились ; набаты гудѣли безъ умолку. Мушкетеры и здѣсь явили свою храбрость: при помощи Небесъ, они побили въ два часа множество Москвитянъ.

Пораженные на Срѣтенкѣ, мятежники собрались на Покровкѣ. Мушкетеры уже утомившись отъ дальныхъ переходовъ съ тяжелыми мушкетами, отъ непрестанной пальбы и сѣчи ; посему Борковский подкрѣпилъ ихъ нѣсколькими отрядами конныхъ копѣйщиковъ , и въ то же время велѣлъ зажечь всѣ дома около того мѣста, гдѣ Москвитяне, перегородивъ улицу, упорно сопротивлялись: въ четверть часа пламя объѣло всю Москву отъ Арбата до Кулишки. Для насъ этотъ пожаръ былъ весьма выгоденъ: Москвитяне, не успѣвая и сражаться и гасить огонь, вышли изъ своихъ жилищъ и обратились въ бѣгство , вмѣстѣ съ женами и дѣтьми. Тогда то сбылась древняя пословица: *Naes mea sunt; veteres migrate coloni.*

Весь Китай-городъ обратился въ пепелъ ; многія сотни людей погибли отъ меча и пламени ; улицы были завалены мертвыми тѣлами такъ, что не возможно было пройти. Побѣдители нашли въ купеческихъ лавкахъ несмѣтную добычу, въ вещахъ золотыхъ, шелковыхъ и въ пріятныхъ кореньяхъ. Въ слѣдующую ночь Россіяне укрѣпились на Чертоли, подлѣ самаго замка, еще уцѣлѣвшаго отъ пламени. Москвитяне,

жившіе на другой сторонѣ, за Москвою рѣкою, 1611. также выставили знамена въ своихъ укрѣпленіяхъ: и тѣ и другіе могли подавать взаимную помощь. Чертольскіе мятежники, имѣя въ своей власти уголь бѣлой стѣны, расположили на ней до ста стрѣльцовъ и заградили всѣ улицы, въ надеждѣ воспрепятствовать приближенію нашихъ воиновъ; Русскіе же, находившіеся на другой сторонѣ рѣки, укрѣпили мостъ противъ Водяныхъ воротъ, и поставили на немъ орудія, изъ коихъ палили по нашимъ чрезъ рѣку, думая, что и мы также станемъ перестрѣливаться. Но Капитанъ Маржеретъ употребилъ слѣдующую весьма удачную хитрость: онъ приказалъ своимъ воинамъ также сдѣлать укрѣпленіи; а самъ, зная, что ледъ на Москвѣ рѣкѣ еще крѣпокъ, вывелъ мушкетеровъ въ Водяные ворота замка и неожиданно очутился среди непріятельскихъ отрядовъ, такъ, что могъ бить ихъ справа и слева. Въ то же время двѣнадцать Польскихъ эскадроновъ выстроились на льду для наблюденія, не вздумасть ли непріятель, стоявшій на лѣвой сторонѣ, подать помощь Россіянамъ, укрѣпившимся въ Чертоли; но какъ они не трогались съ мѣста, то Маржеретъ повелъ своихъ воиновъ по льду, мимо Бѣлой стѣны, и достигнувъ пяти башенъ, онъ ворвался незапно въ ворота, нарочно отворенные, только не для него, а для тѣхъ Москвитянъ, которые были на другой сто-

1611. ровъ. Эта оплошность погубила мятежниковъ: наши воины перебили ихъ до послѣдняго, а замокъ Чертольскій предали пламени. Сіе несчастіе разстроило Россіянъ, стоявшихъ на противоположномъ берегу; они потеряли все свое мужество, когда узнали, что Поляки двинулись вверхъ по рѣкѣ, и что въ то же время прибылъ изъ Можайска Полковникъ Панъ Струсь, коего отрядъ, состоявшій изъ тысячи отборныхъ всадниковъ, напалъ на третій городъ, жегъ, рубилъ, опустошалъ все, что ни попадалось. Войны же Капитана Маржерета, разрушивъ замокъ Чертольскій, перешли Москву рѣку и предали пламени всѣ дома, уцѣлѣвшіе отъ прежняго пожара: тутъ уже ничто не помогало Москвитянамъ, ни страшный крикъ, ни звонъ колоколовъ; они нигдѣ не могли найти спасенія; даже пламя, разносимое вѣтромъ, обращалось въ ту сторону,, куда бѣжали Москвитяне, и истребляло ихъ. По всему было видно, что самъ Богъ каралъ этотъ народъ за его кровожадность, вѣроломство, лихоимство и развратъ Содомскій ¹²⁸⁾! Немногія толпы укрылись въ монастыряхъ; около полудня все кончилось; никто не думалъ сопротивляться побѣдителямъ.

Двухдневный пожаръ превратилъ въ пепель обширную столицу Русскаго Царства, имѣвшую въ окрестности болѣе 4 миль; ничего въ ней не уцѣлѣло, кромѣ Царскаго замка, занятаго Коро-

левскимъ войскомъ, и немногихъ церквей каменныхъ: все прочее было жертвою огня; сгорѣли всѣ деревянныя зданія, всѣ красивые дома Боларскіе и купеческіе; остались только немногія стѣны, каменные погреба, церкви и часовни. Такимъ образомъ 700,000 человѣкъ, способныхъ владѣть оружіемъ, должны были уступить свой городъ малочисленной дружинѣ, состоявшей изъ 800 Нѣмцевъ и 6,000 Поляковъ; должны были видѣть столицу жертвою пламени, и несмѣтныя сокровища оставить въ рукахъ чужеземцевъ. Въ числѣ сокровищъ Царскихъ (на счетъ коней и теперь, въ 1612 году, содержится Королевское войско), находились 7 коронъ, 3 скипетра, и другія вещи безцѣнныя. Одинъ скипетръ изъ цѣльной кости единорога, осыпанный яхонтами, затмѣвалъ все драгоцѣнное въ мірѣ.

Укротивъ мятежъ, Поляки отрѣшили Патриарха, бывшаго виною и началомъ всему злу; заперли его въ Кирилловскій монастырь, и поставили къ нему стражу изъ 50 стрѣльцовъ. Тамъ будетъ онъ содержаться до прибытія Владислава и получить воздаяніе за всѣ свои крѣпости, за гибель несмѣтнаго множества душъ Христіанскихъ 129).

Есть пословица: не хочешь мира, иди на войну; не хочешь благословенія, терпи проклятіе. Сказано, сверхъ того, въ Книгѣ Премудрости:

1611. въ чсмъ погрѣшнхъ, тѣмъ и наказанъ будснъ. Москвитяне доказали собою истину сихъ изреченій: за нѣсколько лѣтъ предъ симъ, напавъ на Ливонію, они все предавали огню и мечу, насилывали женъ и дѣвицъ; теперь имъ отпачено сторицею. Изъ Ливоніи они вывезли 100,000 тульденовъ, а сами лишились всего имѣнія, цѣною во 100 бочекъ золота; имъ удалось обезчестить и полонить нѣсколько женъ и дѣвицъ; за то Поляки осрамили нѣсколько тысячъ Москвитянокъ. Сверхъ того, пожары такъ опустошили всю Россію, что пять Ливоній могли бы помѣститься въ ея пустыняхъ. Наконецъ семилѣтняя война истребила, по исчисленію самихъ Россіянъ, болѣе 600,000 человекъ, кромѣ тѣхъ, которые тайно умерщвлены или брошены подъ ледъ.

Послѣ великаго пожара, въ теченіе двухъ недѣль, Русскіе не являлись въ свою столицу; посему Нѣмцы и Поляки ничего болѣе не дѣлали, какъ только собирали сокровища; имъ не нужно было ни дорогихъ полотенъ, ни оловъ, ни мѣди; они брали однѣ богатые одежды бархатныя, шелковыя, парчевыя, серебро, золото, жемчугъ, драгоценные каменья; снимали съ образовъ дорогіе оклады; вному Нѣмцу или Поляку досталось отъ 10 до 12 фунтовъ чистаго серебра. Тотъ, кто прежде не имѣлъ ничего, кромѣ окровавленной рубахи, теперь носилъ богатѣй.

шую одежду; на пиво и медъ уже не глядѣли; 1611.

пили только самыя рѣдкія вина, конни изоби-
ловали Русскіе погреба, Рейнское, Венгерское,
Малвазію; каждый бралъ, что хотѣлъ. Вскорѣ
открылось такое распутство, что Ляпуновъ при-
нужденъ былъ стращать беззаконниковъ своими
Казанами. Своевольные солдаты стрѣляли въ
Русскихъ жемчужинами, величиною съ добрый
бобъ, и проигрывали въ карты дѣтей, отнятыхъ
у Бояръ и купцовъ именитыхъ: съ трудомъ
возвращали несчастныхъ малютокъ въ объятія
родителей. Никто не заботился о сбереженіи
сѣстныхъ припасовъ, масла, сыра, рыбы, соло-
да, ржи, хмѣлю, меду, и прочихъ жизненныхъ
потребностей, конни замокъ могъ бы цѣлые
шесть лѣтъ довольствоваться: безумные Поляки
все истребили, воображая, что имъ ничего не
надобно, кромѣ шелковыхъ одеждъ и драгоцен-
ныхъ камней. Правда сіи вещи имѣютъ вы-
сокое достоинство; однакожь голоднаго не на-
кормятъ; глупцы скорѣ испытали это: въ тече-
ніе двухъ или трехъ мѣсяцевъ, часто не лѣзя
было достать ни за какія деньги ни пива, ни
хлѣба. За штофъ пива платили цѣлый флоринъ,
за кусокъ свиного сала 8 флориновъ, за корову
40 флориновъ, хлѣба же почти вовсе не было;
недостатокъ въ сѣстныхъ припасахъ обнару-
жился на третьей недѣлѣ послѣ мятежа, когда
приведенные Ляпуновымъ Казаки и Москвитяне

*

1612. овладѣли Бѣлою стѣною (наши не могли удержать ее отъ малочисленности) и захватили весь провіантъ, сокрытый въ погребахъ, уцѣлѣвшихъ отъ пожара. Наши войны съ величайшею отважностію добывали съѣстные припасы.

Куй желѣзо, пока оно горячо, говорить пословица. Въ день Воскресенья Господня сего 1612 года, Москвитяне окружили крѣпость, гдѣ находились Королевскія войска, и начали томить ихъ долговременною осадою; много было работы пастырямъ душевнымъ и врачамъ тѣлеснымъ: нашихъ воиновъ осталось всего навсего 60 человекъ. Терзаемые голодомъ, они уже готовы были сдать: къ счастью покойный Воевода Янъ Петръ Павелъ Сапѣга нашелъ путь чрезъ Бѣлую стѣну и ввелъ въ крѣпость 2000 быковъ. Вскорѣ однакожъ Москвитяне, воспользовавшись его отлучкою за съѣстными припасами, овладѣли Дѣвичьемъ монастыремъ и затравили нашихъ всѣ пути за Бѣлую стѣну, такъ, что никому не возможно было ни выйти изъ крѣпости, ни войти въ нее. Осажденные снова предались унынію—и снова нашли избавителя: по смерти Сапѣги, около Варооломеева дня, прибылъ къ нимъ на помощь Польскій Военачальникъ, Карлъ Ходкевичъ, присланный Королемъ въ Москву, съ нѣсколькими тысячами опытныхъ воиновъ.

Боже милосердый! положи предѣлъ сей вой-

нѣ кровопролитной; смягчи сердца упорныхъ 1612.
 Египтянъ; да покаются они во грѣхахъ своихъ
 и да покорятся законному Государю! Внуши,
 Господи! и Его Величеству Королю Польскому
 благое намѣреніе спасти вонновъ, столь долго
 томимыхъ осадою, и даруй Русской землѣ миръ
 и тишину, во славу Твоего имени, для блага са-
 михъ Россіянъ и всѣхъ иноземцевъ! Да испол-
 нится въ семь же году моленіе мое!

К О Н Е Ц Ъ

Беровой Лѣтописи Московской.

}

ПРИМЪЧАНІЯ.

ПРИМЪЧАНІЯ.

1) *Тыранн*. Такъ называютъ Іоанна IV всѣ вообще иноземные современные писатели; потомство ошвергло сіе неосновательное прозваніе и, согласно съ характеромъ Іоанна, именуетъ сего Государя *Грознымъ*.

2) *Петрей*: „По смерти безчеловѣчнаго Мучителя (Іоанна IV, см. пр. 1), въ Россіи случилось странное событіе; Царь назначилъ опекуномъ своихъ дѣтей Богдана Бѣльскаго (Bogda Bielszki), Вельможу знатнаго, сильнаго, первостепеннаго; но Бѣльскій, задумавъ устранить Царевичей отъ престола и присвоить себѣ достоинство Великаго Князя, собралъ многихъ единомышленниковъ и овладѣлъ Кіевомъ; Воаре и граждане вооружились противъ него: ибо, зная гордость и жестокосердіе сего Вельможи, они опасались вновь испытать всю шогость ужаснаго деспотизма; посему какъ высшія, такъ и низшія сословія, избравъ единодушно Государемъ и Великимъ Княземъ Феодора Іоанновича, осадили крѣпость, навели на нее пушки, палили безъ умолка и побивъ многихъ единоплеменцевъ, въ крѣпости находив-

шихся, принудили прочих злоумышленниковъ выйти изъ оной. Вѣльскій оспался какъ ракъ на мели, сдалъ вѣщности своимъ врагамъ и долженъ былъ смириться. Тогда Феодора Иоанновича провозгласили Великимъ Княземъ и 31 Юня (31 Мая) 1584 года короновали Царскимъ вѣнцемъ въ церкви Пресвятой Богоматери, на 22 году его рожденія.“ *Muszkowitische Chronica*, спран. 255.

Сіе извѣстіе подтверждаетъ *Лѣтопись о мятежахъ*, съ тѣмъ только различіемъ, что по словамъ оной, народъ былъ обманушъ козвою о замыслахъ Вѣльскаго совершенно невиннаго. Впрочемъ Феодоръ сослалъ его въ Нижній Новгородъ. *Руск. Лѣтоп. по Никонову списку*, т. VIII. 6.

3). *Петрей*: „Феодоръ былъ средняго роста и весьма бѣлъ лицомъ; нрава же благочестиваго и набожнаго; ошъ супруги своей, Ирѣны Феодоровны (*Irena Vdovia*), онъ имѣлъ нѣскольکو дѣтей (?) мужескаго и женскаго пола, которыя однако всѣ умерли, какъ скоро увидѣли свѣтъ. Вступивъ на престолъ, онъ освободилъ немедленно всѣхъ уащниковъ и уничтожилъ многіе налоги, обременявшіе подданныхъ: шакъ завѣщалъ ему ошець на смертномъ одрѣ. Но время было смущенное и безпокойное: внутри Государства свирѣпствовали мятежи и бунты; съ Королевствомъ Шведскимъ Россія вела войну; съ Польскимъ

надлежало возобновить перемирие; дѣла съ прочими Державами требовали также особеннаго благоразумія. Новый Царь былъ все неспособенъ править въ такое время, имѣя умъ самый ограниченный и слабый; припомъ же весьма неохотно занимался дѣлами Государственными и мало радѣлъ о внутреннемъ благоустройствѣ: онъ съ большимъ удовольствіемъ молился своимъ иконамъ, или бесѣдовалъ о предметахъ душевнспасительныхъ; часто ходилъ въ церкви, иногда самъ презвонилъ на колокольнѣ, созывая народъ въ обѣднѣ. Опець нерѣдко упрекалъ его сими, говоря, что онъ похожъ болѣе на сына пономарскаго, нежели на Царскаго.“

„Бояре и Князья, созванные имъ для совѣща, какія мѣры надлежало принять къ лучшему управленію Государства, опредѣлили единогласно избрать въ Соправители Θεодору шурина его, *Государственнаго* Конюшаго, Бориса Θεодоровича Годунова. Сей Вельможа былъ весьма проворенъ, уменъ и проникателенъ; но душу имѣлъ коварную, обманчивую, лукавую, въ полномъ смыслѣ Русскую. Онъ-то погубилъ Россію. Его призывали въ Палату, гдѣ собранъ былъ Совѣтъ, и Θεодоръ, вставъ съ своего мѣста, повѣсилъ ему на шею золотую цѣпь, съ сими словами“. . . (Слѣдуетъ рѣчь, выписанная изъ *Бера*). *Muszkow. Chron.* 255—257.

Въ нашихъ Лѣтописяхъ нѣтъ ни слова о семъ происшествіи; въ Государственныхъ актахъ Борисъ назывался Великимъ Влажнымъ Бояриномъ, Великимъ Конюшимъ и Слугою; но Патріархъ Іовъ именуешь его изряднымъ *Правителемъ*.

4) И наши Лѣтописи и современные писатели иностранные свидѣтельствуютъ единогласно, что никогда въ правленіе Царей, Россія не была такъ счастлива, какъ при Θεодорѣ, подъ властію умнаго Бориса.

5) *Петрей*: „По Русскимъ законамъ и обычаямъ, какъ Великій Князь, такъ и простой гражданинъ имѣетъ право, съ дозволенія Патріарха и Епископовъ, развесмись съ своею женою, если она безплодна, заключить ее въ монастырь и взять за себя другую. Посему Вельможи и граждане Московскіе рѣшились поспричь бездѣтную Царицу въ монахини, а для Царя выбрали супругою сестру Вельможи знаменѣйшаго по Государѣ, Князя Θεодора Ивановича Мстиславскаго (*Floro Iwanowitz Zizlphouschis*). Но Годуновъ искусно усмиривъ опасность: онъ тайно убѣдилъ Патріарха, имѣвшаго въ семъ дѣлѣ верховный судъ, не давать Царю согласія на разводъ: ибо, говорилъ Борисъ, если у Царя будутъ дѣти, а

Димитрій, еще свѣжій и здоровый, между тѣмъ подростешъ; но все Государство сдѣлаешся жертвою возмущеній и кровопролитныхъ междоусобій. Патріархъ согласился съ Годуновымъ, и оба они, дѣйствуя за-одно, кончили дѣло тѣмъ, что мѣвѣшу тайно вывезли изъ дома, поспригли въ монахини и заключили въ монастырь, гдѣ она и умерла. Никпо не смѣлъ осуждать сего поступка: ибо такъ рѣшилъ Патріархъ, да Борисъ.“ *Muzikov. Chron.* 258—259.

6) О сей нелѣпой молвѣ упоминаеть и Авраамій Палицынъ: „Сему же Царевичю Димитрію, естествомъ возрастающе, и ошъ ~~близкихъ~~ си смущаемо, за еше не закупъ съ братомъ пребываніи, и о семъ печалуюся, и частно въ дѣтскихъ глумленіихъ глаголетъ, и дѣйствуетъ нелѣпая, о ближнѣйшихъ брата си, паче же о семъ Борисъ. И вразъ, сущи, и ласкатели великимъ бѣдамъ оамышленицы, въ десятиерицу лжи соспавливающе, съ сими подходятъ Вельможъ, паче же сего Вориса, и опъ многіа смуты ко грѣху сего низводятъ.“ *Сказаніе о осадѣ Троицкаго Сергіева монастыря. М. 1784, ст. 9.*

7) *Петрей*: „Ворисъ подкупилъ чепырьхъ дворянъ Димитріевыхъ, далъ имъ серебра и золота, съ обѣщаніемъ наградитъ ихъ землями и помѣстьями, если они погубятъ

Царевича. Предатели исполнили сіе порученіе такимъ образомъ: однажды ночью зажгли городъ; когда сдѣлалась тревога, они бросились во Дворецъ и разбудили Димитрія, который въ подобныхъ случаяхъ обыкновенно выходилъ изъ Дворца и смотрѣлъ на пожаръ. Онъ всматривался съ постели; но едва сошелъ съ крыльца, алоды бросились къ нему и закололи его длинными ножами, наказанными ядомъ.“

„Жители Углича, потушивъ огонь и узнавъ, что Димитрій былъ умерщвленъ, бросились во Дворецъ и въ яростномъ гнѣвѣ побили всѣхъ почин его служителей, думая отомстить имъ за смерть Царевича. Но Годуновъ не былъ еще симъ доволенъ: казался печальнымъ, сокрушеннымъ и чтобы лучше утѣшить свое алодыштво, въ приговорномъ гнѣвѣ казнилъ гражданъ Угличскихъ (которые и безъ того потеряли все имущество во время пожара): иныхъ попошилъ, другихъ отсѣлъ головы, нѣкоторыхъ сослалъ въ Сибирь; самъ же плакалъ о Царевичѣ, рыдалъ и вопилъ предъ народомъ, а сердце у него прыгало отъ радости. Въ то же время, желая извѣстить всю Россію о Димитріевой смерти, отправилъ въ Угличъ, вмѣстѣ съ своими вѣврементами, знашнаго Князя, Василія Ивановича Шуйскаго, бывшаго въ послѣдствіи Царемъ, поручивъ ему удостовѣриться, точно ли Димитрій умерщвленъ, и если сіе

окажется справедливымъ, похоронить его съ Царскою пышностію, а Дворецъ разрушить до основанія, какъ вершеть злодѣвъ." *Muszkow. Chron.* 262.

8) Происшествія до 1600 года описаны Берохъ по словеснымъ преданіямъ; молва же народная была весьма несправедлива къ Борису Годунову: если вѣрить ей, Борисъ былъ тайною пружиною всего злаго. Но современники, обвиняя сего великаго мужа въ разныхъ преступленіяхъ, нелѣпостію рассказовъ обнаруживаютъ очевидное недоброжелательство: говорятъ, что онъ былъ колдунъ, отправилъ Θεодора и даже нареченнаго зятя своего, Герцога Дашскаго. Пожаръ Московскій принадлежишь кажется къ сей же категории: явный врагъ Годунова, сочинитель Лѣтописи о мятежахъ, говоритъ только, что это было наказаніе Божіе.

9) *Петрей*: „Нѣкоторые думаютъ, что Θεодоръ отправленъ Борисомъ." *Muszkow. Chron.* 263.

10) Сказка: еслибы Царь предлагалъ скипетръ Θεодору Никишичу Романову (въ послѣдствіи Патріарху Филарету) и его братьямъ, то безъ всякаго сомнѣнія о столь важномъ обстоятельстве было бы упомянуто въ грамотѣ о избраніи на Царство Ми-

хана Феодоровича: но тамъ именно сказано, что Феодоръ оставилъ престолъ супругѣ своей Иринѣ; а душу свою праведную приказалъ Папріарху Іову, Феодору Никитичу Романову и Борису Годунову. Соб. Госуд. Граж. I. 602. Впрочемъ Беръ не самъ выдумалъ эту басню: въ Москвѣ дѣйствительно вѣрили, что умирающій Царь наименовалъ своимъ преемникомъ Феодора Никитича Романова. См. Карамз. Ист. Госуд. Рос. X. кр. 370.

11) Пешрей говоритъ, что народъ удался въ столицу и прислалъ опшуда къ монастырю нѣсколько тысячъ мальчиковъ. *Muszkow. Chron.* 268.

12) Пешрей считаетъ болѣе 200,000 женовъ, Маржеретъ до 500,000.

13) „Послы видяху шакое великое войско и слышаху спрѣльбу, вельми ужасошася, и приидоша къ Царю, и едва посольство можаху исправити ошъ такіе великіе ужастии.“ *Русс. Лѣт. по Ник. спис. VIII.* 38. Пешрей присовокупляетъ, что Борисъ заключилъ съ Тапарскимъ посломъ мирный договоръ, коимъ обязался платить Тапарамъ ежегодную дань. *Muszkow. Chron.* 270.

14) Когда свершился обрядъ коронованія, Борисъ вовсе неожиданно воскликнулъ: „Опче

Пашіархъ! Богъ свидѣтель, что никто въ моемъ Царствѣ не будетъ нищъ или бѣденъ! И шряся верхъ своей рубашки, при-молвилъ: сію послѣднюю раздѣлю съ народомъ“ *Палиц. сказ. о осадѣ Т. м. 7.* Борисъ никогда не измѣнялъ этому правилу.

15) Борисъ намѣревался основашъ не од-нѣ школы, но и *Университеты*, какъ видно изъ письма Нѣмецкаго ученаго Товіи Лон-ціуса опѣ 24 Января 1601 года (*Карамз. Ис. Г. Р. XI. пр. 125*). Что связашъ послѣ этого въ похвалу Борису? Мысль его привели въ исполненіе чрезъ *полтораста лѣтъ*.

16) Пепрей присовокупляешъ, что шрое изъ нихъ служили съ честію при Дворѣ Шведскаго Короля Карла IX. *Miszkow. Chron. 272.*

Изъ дѣлъ Московскаго Архива видно, что въ Любекъ послано 5 молодыхъ Рос-сіянъ, о коихъ въ Ноябрь 1606 года Любскіе Бургомистры писали Царю Василю Шуй-скому, что они непослушливы и поутенъ не слушали, и что двое изъ нихъ бѣжали, невѣдо-мо за что. Въ Англію послано 4 человека. *Карамз. Ис. Г. Р. XI, пр. 126.*

17) Червонцевъ, говоритъ Пепрей. Тог-дашній рубль (т. е. 100 денегъ) былъ вѣсомъ

около 15 волошниковъ, слѣдовательно цѣною равнялся червонцу. *Срав. Петрея, стр. 601.*

18) Густавъ принадлежишь къ числу самыхъ аполучныхъ людей, упоминаемыхъ въ Исторіи: отецъ его Эрикъ XIV былъ низложенъ съ престола родными братьями и отправленъ въ пещищъ; самъ онъ едва не погибъ еще въ колыбели: похищитель короны Шведской Іоаннъ велѣлъ ушопишь двухлѣшняго Принца. Судьба спасла его, но жизнь даровала ему алощасщную: достигнувъ зрѣлыхъ лѣтъ среди безпрерывныхъ опасностей, онъ долго скипался съ матерью изъ одной страны въ другую; наконецъ угнетаемый бѣдностью, рѣшился искупъ убѣжища въ Краковѣ, гдѣ царщвовалъ сынъ его гонштеля, Сигизмундъ, надѣясь найши тамъ помощь у сестры своей Зигриды, бывшей въ числѣ Королевиныхъ Фрейлинь. Въ одеждѣ нищаго, явился Густавъ въ Краковѣ и нашелъ покровишельство у самого Сигизмунда, потому, что не имѣлъ никакихъ замысловъ и своимъ мягкосердечіемъ плѣнилъ сего Короля: безъ содроганія онъ не могъ видѣть даже птицы умирающей. Но милость Короля Польскаго продолжалась не долго: злые клеветники вооружили его противъ неосторожнаго Принца. Густавъ тайно удаллся къ Рудольфу и былъ принятъ очень милосщиво за рѣдкія познанія, особенно въ

любимой Императоромъ наукъ — Алхиміи, такъ, что онъ заслужилъ имя втораго Теофраста Парацельса. Вскорѣ однако, распространивъ душевныя и тѣлесныя силы безпрерывнымъ ученіемъ, наиболѣе же химическими опытами, онъ оспавилъ Императора, нѣсколько времени странствовалъ въ Европѣ, пишаясь опчаспи милоспынею, опчаспи продажею химическихъ запасовъ; наконецъ въ 1598 году прибылъ въ Торнъ, гдѣ получилъ отъ Годунова приглашеніе поселиться въ Россіи. Царь звалъ его къ себѣ не для того, чтобы женишь на своей дочери: ему хотѣлось овладѣшь Ливоніею, Густавъ же, какъ вторый Магнусъ, по замѣчанію Карамзина, могъ служить орудіемъ его полмпики. О пребываніи Принца въ Россіи Пепрей рассказываетъ слѣдующія обстоятельство, опчаспи несогласныя съ извѣстіями Бера: «Въ 1599 году Борисъ отправилъ двухъ пословъ — одного въ Прусскій городъ Торнъ, а другаго въ Лифляндскій—Ригу, съ богатыми дарами къ сыну Шведскаго Короля Эрика XIV, Густаву; послы, въ слѣдспвіе Царской воли, объявили сему Принцу, что пора ему прекрашить странствованія по бѣлому свѣту въ нищетѣ и бѣдспвіи; убѣждали его пожаловашъ въ Россію, гдѣ онъ найдетъ въ Царѣ не Государя, а опца, получитъ Царское содержаніе; а если ему не понравится пребываніе въ Москвѣ, то всегда будетъ во-

*

лечь выѣхать со всѣми слугами, со всѣмъ имуществомъ, куда ни пожелаетъ. Въѣстъ съ симъ, послы вручили Принцу опасную грамоту (Geleits-Brieff), копіюрю оную, при отъѣздѣ въ Москву, отдавъ для сохраненія одному знатному Рижскому гражданину.»

«Густавъ, пріѣхавъ въ Россію безъ сей грамоты, принявъ былъ какъ не лзя лучше: до самой Москвы его угощали по Царски. Борисъ подарилъ какъ ему, такъ и свѣтъ его, нѣсколько сотъ червонцевъ, множество всякаго рода дорогихъ матерій для платья, шелковыхъ, бархатныхъ, атласныхъ, камчатныхъ, парчевыхъ, всякаго сорта мѣховъ собольихъ, куныхъ, рысьихъ, лисьихъ, также верховыхъ коней съ бурею, и сверхъ того весь приборъ для Княжескаго стола. Эта милость продолжалась два года; наконецъ Борисъ предложилъ Густаву принять Русскую вѣру, обѣщая не только выдать за него свою дочь, но и пособить ему овладѣть Шведскимъ престоломъ: добрый Принцъ на сіе отвѣчалъ, что онъ скорѣе согласится навсегда потерять свободу и умереть самою злою смертію, нежели для жены намѣнитъ своей Религіи и погубитъ любезное отечество; вслѣдъ за симъ, Густавъ просилъ дозволенія выѣхать изъ Россіи, ссылаясь на опасную грамоту; съ нимъ начали поступать совсѣмъ не такъ, какъ прежде; содержаніе уменьшалось день ото дня. Между

шѣмъ Царь, подкупивъ служителя его Іакова Шульца, родомъ изъ Кенигсберга, досталъ чрезъ него тайно Принцеву печать, и написалъ письмо отъ имени Густава къ Рижскому гражданину съ требованіемъ прислать опасную грамоту немедленно; потъ увидѣвъ, на письмѣ Принцеву печать, исполнилъ приказаніе. Имѣя въ рукахъ опасную грамоту, Борисъ думалъ, что Густавъ не посмѣетъ упорствовать въ отказѣ перемѣнить свою вѣру; но вышло совсѣмъ не то: Принцъ объявилъ, что „Государи и Князья должны имѣть, по иарѣченію Балдуса, одно перо, одинъ языкъ; ибо сказано въ Писаніи, не нарушу глагола устъ моихъ.“ Смиъ хотѣлъ отъ объяснить, что слово Царское должно быть неизмѣнно; но не могъ прорунуть Повелителя *варваровъ*. И шакъ онъ впалъ въ жестокою горестъ: проводилъ все время въ занятіяхъ науками и Алхимією; ослабѣлъ въ умственныхъ способностяхъ; не держалъ языка на привязи и часто, разгоряченный виномъ, говорилъ иногда въ шушку, иногда и въ правду, дерзко противъ Бориса. Такъ случилось ему однажды сказать для шушки Царскому Медіку: „Если Царь меня не опуститъ, какъ онъ общалъ и клялся, по я зажгу Москву и дамъ тягу.“ На другой день Медікъ донесъ объ этомъ Думному Боярину Семену Никипичу, а сей въ ту же минуту Государю: Борисъ такъ разгнѣвался,

что немедленно велѣлъ знатному вельможѣ Степану Васильевичу отобрать у Принца все серебро, посуду, плащя, прежде подаренныя, приспавилъ къ нему крѣпкій караулъ, и нѣсколько дней морилъ его голодомъ и жаждою. Скоро однакожъ смягчился: далъ Густаву Княжество Углицкое, но съ шѣмъ, чпобы Русскіе сановники, посланные для присмотра за нимъ, управляли этою областью и собирали доходы, а Принцу давали бы только необходимое для содержанія его съ служилыми; тамъ жилъ онъ до самой смерти Борисовой. Потомъ Гришка Опретъевъ первый Лжедмитрій, сослалъ его въ Ярославль, гдѣ онъ содержался какъ плѣнникъ, единственно за то, что болѣе преданъ былъ Карлу IX, Королю Шведскому, нежели Сигизмунду III, Королю Польскому.“

„По смерти Опретъева, Царь Василій Ивановичъ Шуйскій отправилъ Принца въ Кашинь: тамъ было ему нѣсколько лучше, относишельно пищи и другихъ жизненныхъ потребностей. Тамъ онъ умеръ въ 1607 году; похороненъ за городомъ въ прекрасной березовой рощѣ, гдѣ не только я, но и Шведскій Полководецъ Делагарди, и многія другія osoby видѣли своими глазами его могилу; посему несправедливо извѣстіе Мартина Бера (Bär), который пишетъ, что онъ самъ погребалъ Густава въ монастырѣ *Димитрія Солунскаго* (Mitrofolonski) и полу-

члѣ за сіе 20 рублей въ награду *), ибо Россіане никакъ не дозволяють хоронить въ своемъ храмѣ, монастырѣ, или на кладбищѣ какого нибудь иновѣрца, ни знатнаго, ни не знатнаго.“

„Не успѣвъ склонить Густава поднять оружіе на свое опечество, Борисъ условился съ нѣсколькими иноземцами овладѣть Нарвою нечаянно посредствомъ коварства и опиялъ ее у Швеціи. Главнымъ начальникомъ заговора былъ Конрадъ Бусъ; но умыселъ не удался: заговорщики были пойманы, обезглавлены и колесованы: за сію достойную награду, имъ надлежало благодарить вѣроломнаго своего руководишеля,“ *Muszkow. Chron. 272-277.*

19) Пепрей называетъ его Христофоръ Ришпингъ, родомъ изъ Венгріи, и говоритъ, что сей Докшоръ былъ Архіаперомъ, ш. е. самымъ главнымъ. 253.

20) Никто изъ Царей не былъ усерднѣе Бориса къ Православію: Іоаннъ похороненъ въ Лютеранской церкви единственно потому, что онъ былъ Люшеранинъ. „Сія Божница выстроена по просьбѣ Густава, Принца Шведскаго, который далъ вкладу 100 пале-

*) Въ моемъ спискѣ Беровой Лѣтописи объ этомъ ничего не сказано.

ровъ: каждый изъ пяти врачей Нѣмецкихъ вносъ по 40 шалеровъ; прочіе Нѣмцы жершвовали по соразмѣрности съ своими окладами.“ *Петрей* 255.

21) „Умный Борисъ, говоритъ Карамзинъ, не могъ дозволишь себѣ такого дѣла.“ Впрочемъ достоверно, что Годуновъ ненавидѣлъ *Турскаго Магметъ Салтана* и спарался вооружить противъ него всю Европу.

22) Ливонія (п. е. нынѣшняя Лифляндія, Эстляндія и Курляндія) въ древнѣйшія времена зависѣла отъ Русскихъ Князей. Въ началѣ 13 столѣтія присвоилъ ее Орденъ Меченосцевъ. Іоаннъ IV, пользуясь слабостью сего Ордена, рѣшился овладѣть Ливонією, какъ древнею собственностію Россіи: Меченосцы не могли сопротивляться ему и искали покровительства у Державъ сосѣдственныхъ: 1561 года Эстляндія признала надъ собою власнѣ Швеціи, а Лифляндія покорилась Королю Польскому, который принялъ подъ свое покровительство и Курляндію, вмѣстѣ съ Семигалією. Съ тѣхъ поръ возгорѣлась за сію спрану между тремя Державами, Россією, Швецією и Польшею, кровопролитная война, прекратившаяся уже въ половинѣ XVII столѣтія Оливскимъ миромъ.

23) Печоры нынѣ безъуздный городъ

съ 943 жипелами, въ 58 верстахъ отъ Пскова.

24) 50 рублей тогдашнихъ составлялъ нынѣ около 150 рублей сереб. Въ четверти считалось 1,200 квад. сажень доброй земли; 800 четвертей составляли *соху* (400 десятиинъ). *Карамз. И. Г. Р. X. 259.*

25) Петрей присовокупляетъ, что Любскіе и Ганзейскіе послы поднесли Борису 20 вызолоченныхъ покаловъ, красивое, весьма искусно сдѣланное, также вызолоченное изображеніе корабля, со всѣмъ приборомъ, и двуглаваго орла, наполненнаго Венгерскими червонцами и розеноблями (монета въ 2 червонца); что Царь всѣмъ городамъ Ганзейскимъ даровалъ свободу торговать въ Москвѣ, Новѣгородѣ и Псковѣ, дозволилъ купцамъ ихъ приходивъ въ Россію и выходявъ изъ оной безъ всякаго препятствія; и что подобное право получили Англичане и Голландцы, кои могли свободно купеческиковать въ Колмогорахъ, Вологдѣ и Москвѣ, гдѣ находились ихъ конторы. *Muszkow. Chron. 283.* Но это ложно: извѣстіе Вера подтверждается не только бумагами нашего Архива, но и хроникою Ганзейскою (см. *Wagner's Geschichte d. Europäischen Norden*, ч. VIII. стр. 22—40): т. е. однимъ только Любчанамъ даровано было право платить половинную пошлину предъ всѣми иноземцами; съ Ганзою же Борисъ не

хотѣлъ имѣть никакого дѣла, во 1) попому, что многіе города Ганзейскіе находились подъ властію разныхъ владѣтелей, во 2), что они не прислали пословъ особенныхъ. Въ слѣдствіе сего Любскимъ посламъ было объявлено, что Государь Ганзы вовсе не знаетъ.

26) Такъ говоритъ о Борисѣ Пашіархъ Іовъ: „Сей же изрядный Правитель, Ворисъ, „Теодоровичъ, своимъ бодроопаснымъ правительствомъ и прилежнымъ попеченіемъ, по „Царскому изволенію, многіе грады каменны „созда и самый цаствующій богоспасаемый градъ Москву, яко нѣкую невѣсту, „преизрядною лѣпопою украси, многія убо „въ немъ прекрасныя церкви каменны созда „и великія палашы усстрои и сѣсны „градныя окресъ всея Москвы превеликии „каменны созда и величешва ради и красоты проименова его Царь-градъ“ (*Русс. Лѣт. по Ник. ст. VII. 528*). Это случилось еще при жизни Теодора. Въ послѣдствіи, вступивъ на пресполъ, Борисъ воздвигнулъ въ 1600 году колокольню Ивана Великаго.

По словамъ очевидцевъ, древняя стѣна, выведенная Борисомъ около Смоленска, имѣетъ 25 фушовъ въ вышину, 18 фуш. въ ширину, 3000 шовзовъ въ окружности (*Сегюра Hist. de la grande armée*).

Борисовъ на Донцѣ, по словамъ Карамзина, основанъ въ 1600 году, а Царевъ-Борисовъ

на устьѣ Протвы, около того же времени.
(Ист. Гос. Рос. X. пр. 439).

27) Поссевинъ, бывшій въ Россіи въ 1582 году, говоритъ, что Богданъ Яковлевичъ Бѣльскій былъ весьма жалуетъ Іоанномъ, находясь при Дворѣ неотлучно 13 лѣтъ и спалъ въ Царской спальнѣ (Moscovia A. Rozsevinі, p. 27.). Предъ смертію Грозный назначилъ его опекуномъ несчастнаго Царевича Димитрія. Бѣльскій въ свое время былъ то же, что Малюта Скурашовъ.

28) Нашъ Лѣтописецъ оправдываетъ Бѣльскаго, говоря, что онъ былъ человекъ добродѣтельный, и что Борисъ велѣлъ его позорити многими позоры, единственно за любовь къ нему народную. *Русс. Лѣтоп. по Никон. св. VIII. 47.*

29) Т. е. Беръ вѣришь клеветѣ, которою подозрительный Борисъ хотѣлъ очернить добродѣтельную фамилію Романовыхъ. Не только наши Лѣтописцы, но и Маржеретъ — иностранецъ, служившій Годунову, совершенно оправдываетъ сей родъ знаменитый. Онъ говоритъ: „Съ 1600 года, когда разнеслась молва о Димитріи Іоанновичѣ, Борисъ занимался ежедневно только изпяззаніями и пытками: рабъ, клеветавшій на своего господина въ надеждѣ сдѣлаться свободнымъ, по-

„лучалъ опѣ Царя награжденіе, а господина „его или главнаго изъ служителей дома под- „вергали пылкѣ, дабы исторгнуть признаніе „въ томъ, чего они никогда не дѣлали, не „слыхали и не видали.“ (*Состояніе Рос. Державы въ началѣ XVII вѣка. Рус. перев. стр. 77*).

Карамзинъ приводитъ несомнѣнныя доказательства, что Бояре, угождая Царю, старались самыми нелѣпыми выдумками очернить Романовыхъ. *Ист. Гос. Р. XI. 99—107.* Борисъ излилъ на нихъ злобу въ 1601 году: Ѳеодоръ Никипичъ Романовъ, возведенный прежде самимъ же Годуновымъ въ достоинство Боярина, былъ постриженъ, названъ Филаретомъ и сосланъ въ Сіискую Антоніеву обитель; супруга его Ксенія Ивановна, также постриженная и названная Марѳею, отправлена въ одинъ изъ Заонежскихъ погостовъ; шеща Ѳеодорова — въ Чебоксары. Александръ Никипичъ, бывший Бояриномъ, сосланъ къ Бѣлому морю; Михайло Никипичъ, Окольничій, въ Великую Пермь; Иванъ Никипичъ въ Пелымъ, Василій въ Яренскъ; зять ихъ, Князь Борисъ Черкасскій съ женою и дѣтьми ея брата Ѳеодора Никипича, шестилѣтнимъ *Михиломъ* и съ юною дочерью, на Бѣлоозеро. Всѣ невинные родственники ихъ были также гонимы безъ всякой пощады. Василій, Александръ и Михайло Никипичи умерли въ шемницахъ; Иванъ Никипичъ призванъ снова въ Москву.

Филаретъ по волѣ Годунова посвященъ въ Архимандриты; а сынъ его *Михаилъ* получилъ дозволеніе жить вмѣстѣ съ мамерью въ опчинѣ своей, селѣ Клинь.

Лжедимишрій, овладѣвъ престоломъ, вызвалъ Филарета, мнимаго родственника, изъ Сійской пустыни, и далъ ему санъ Митрополита Ростовскаго; съ того времени Инокія Марее и юный *Михаилъ* жили до 1613 года, въ Епархіи Филаретовой, близъ Костромы, въ монастырѣ Св. Ипатія. *Карамз. И. Г. Р. XI. 215.*

30) Петрей приводитъ слова сего легкомысленнаго поэта такими образомъ:

*Hoc solum Monachus nimirum Daemone distat,
Quod quicquid vafer hic suggerit, ille facit,
At si juncta dolis anus adjuvet, et colat astu,
Audebant Erebi depopulare domum.*

31) *Петрей*: „Ворись правилъ Государствомъ до шѣхъ поръ, когда явился опчаян-ный Монахъ, который называлъ себя Царевичемъ, Димишріемъ, вырвалъ скипетръ изъ рукъ Годунова и заспавилъ его съ родственниками и друзьями испытать по же самое, что онъ сдѣлалъ съ Царскимъ поколѣніемъ. Этотъ монахъ былъ Гришка Отрепьевъ (*Griska Utrepeia*), сынъ простаго дворянина, родомъ изъ Ярославля. Въ юности онъ велъ жизнь самую распутную и могъ служишь

образцемъ для всѣхъ негодяевъ. Родители посадили его въ Крыпецкій монастырь (*Trilouka*), думая, что тамъ, среди суровыхъ Инокъ, онъ перестанетъ непошребствовать и привыкнетъ къ благочестивой жизни; но Гришкѣ монастырскій хлѣбъ былъ весьма невкусенъ. Имѣя лукавый и проницательный умъ, онъ скоро подружился съ однимъ хитрымъ Монахомъ, Борисовымъ недоброжелателемъ. Этотъ Монахъ предугадывалъ, что Гришка рожденъ къ чему-то необыкновенному: ибо онъ походилъ на умѣннаго Царевича Димитрія нѣкошорыми признаками на носу и на правой рукѣ; впрочемъ имѣлъ смуглое лицо, густые черные волосы, средній ростъ и плотное тѣлосложеніе. Монахъ познакомилъ его съ Русскими Лѣтописями и научилъ разнымъ плушнямъ, тѣмъ удобнѣе, что самъ былъ чернокнижникъ, а пріятель понималъ его наставленія весьма быстро. Потомъ оба они оставили Россію и пришли въ Княжество Кіевское; между тѣмъ злой Инокъ объяснилъ ему, въ какомъ положеніи были дѣла Государственныя, какъ ненавидѣли Царя Вельможи и что надлежало предпринять для исполненія ихъ замысла: по совѣту его, Гришка долженъ былъ явиться къ Князю Адаму Вишневецкому“ (*Далѣе изъ Бера*). *Miszkow. Chron.* 284—285.

Въ извѣстїяхъ Пепрея и Бера о Самоуванцѣ находится важное разнорѣчіе: первый

признаетъ его Опрепьевымъ; а второй Полякомъ, побочнымъ сыномъ Стефана Баторія; Опрепьевъ же, по мнѣнію Вера, былъ только руководителемъ Самозванца.

32) Петрей, рассказывая то же самое, не согласенъ съ Беромъ въ главномъ обстоятельстве: Опрепьевъ оспался у Вишневецкаго, а злой чернокнижникъ возвратился въ Россію и забунтовалъ Донскихъ Казаковъ.

33) Петрей прибавляетъ, что Самозванецъ довольно долго исправлялъ должность Камердинера; между тѣмъ учился владѣть конемъ и мечемъ, скакалъ, стрѣлялъ, билъ, рубилъ; участвовалъ въ играхъ воинскихъ и выжидалъ случая объясниться съ своимъ господиномъ. *Muszkow. Chron.* 287.

34) Княжество Висніовецъ находилось въ Подоліи; Вѣлорусскихъ Князей никогда не было.

35) Это помѣстье было Брагинъ, по извѣстію нашихъ Лѣтописей.

36) *Петрей*: „Воевода Сендомирскій, съ согласія Іезуитовъ, общалъ Самозванцу склонить Короля Польскаго, Папу и другихъ Вѣнценосцевъ къ содѣйствію ему людьми, деньгами, всѣми средствами, овладѣть проро-

дипельскимъ прешоломъ и низложивъ Бориса, если только онъ обѣжится уничтожить въ Россіи старинную вѣру. Самозванецъ, изъявивъ согласіе искоренить Греческую вѣру и ввести Каполическую, далъ слово женившись на дочери Воеводы Сендомирскаго. Іезуиты радовались ошъ всей души и пошчасъ дали ему двухъ учипелей, кошорые вскорѣ сдѣлали его насшоящимъ Каполикомъ. Послѣ сего предсшавленный Воеводою Королю Польскому, онъ принявъ былъ весьма ласково и получилъ дозволеніе набирать въ Польшѣ людей военныхъ. Многіе знатные Паны, вмѣстѣ съ обоими Воеводами, употребили всѣ силы, даже заложили свои помѣстья, чтобы досшавивъ Самозванцу средства къ походу, и сами съ нимъ ошправились. *Muszkow. Chron.* 291—292.

37) Окольничій Степанъ Степановичъ Годуновъ былъ проюродный братъ Борису.

38) Кадъ, бочка, или оковъ содержали въ себѣ 4 четверши; до 1601 года продавали хлѣбъ единшвенно бочками, четвершами и осьминами; а съ того времени безпримѣрная дороговизна ввела новую мѣру *тетверика*. (Ис. Г. Р. III пр. 8) Карамзинъ выводивъ, что четверпъ ржи возвысилась цѣною ошъ 12 и 15 денегъ до 15 нынѣшнихъ рублей серебряныхъ; по словамъ Пешрея, бочка ржи,

спожившая прежде 12 грошей, продавалась по 19 шалеровъ. *Muszgow. Chron.* 293.

39) *Петрей*: „Я видѣлъ въ Москвѣ бѣдную, истомленную голодомъ женщину, которая, проходя по улицѣ, схватила зубами собиравшееся дитя, бывшее у нея на рукахъ, оторвала изъ ручени два куска, съела на дорогѣ и начала жрать ихъ. Народъ едва могъ силою отнять младенца и спасти его.“ *Muszgow Chron.* 292.

40) *Петрей* говоритъ, что каждый получалъ по 3 гроша и что такимъ образомъ раздавалось ежедневно по 30,000 шалеровъ, доколѣ дороговизна не уменьшилась. 293.

41) Справедливѣе *Убогий домъ*. Скудельницы или Убогіе дома учреждены въ Россіи по примѣру бывшаго въ Іерусалимѣ *Села Скудельника*. На сихъ кладбищахъ погребали бѣдныхъ людей, сиротниковъ, также самоубійцъ и вообще погибшихъ насильственною смертію. Въ Москвѣ былъ не одинъ Убогій домъ: главный, кажепся, находился тамъ, гдѣ нынѣ Убожеской Покровскій монастырь. Сверхъ того были Скудельницы или Убогіе дома близъ церкви Іоанна Воина, близъ Варсофьевскаго монастыря, въ Марининской рощѣ, у Нѣмецкаго кладбища и проч.

*См. Труды Общ. Истор. и Др. Рос. часть III.
кн. I.*

42) По сказанію Авраамія Палицына, въ 2 года и 4 мѣсяца, схоронено въ шрехъ Скудельницахъ 127,000 шруповъ повелѣніемъ Бориса, кромѣ погребенныхъ людьми христолюбивыми у церквей приходскихъ, божьхъ считалось болѣе 400. Сказ. о осадѣ Троиц. мон. 11.

43) „Извѣстіе конечно несправедливое, говоритъ Карамзинъ, ибо наши Государственныя бумаги, свидѣтельствующа о приходѣ къ Ивану-городу Нѣмецкихъ кораблей съ хлѣбомъ въ 1602 году, не упоминають о такомъ жестокомъ запретѣ.“ *И. Г. Р. XI. 116.*

44) Авраамій Палицынъ свидѣтельствуешь, что „послѣ, во время смятеній, обрѣшеся безчисленно расхищаемо всякаго хлѣба, и давныя житницы неиспощены, и въ поляхъ скирды спояху: гумна же пренаполнены одоней, и копень, и взородовъ, и до 40 лѣпъ, опшелъ же смятеніе бысть во всей Русской землѣ, и пишахуся вси шарыми труды, пакоже и убивающихъ ихъ пишаху (Сказ. о ос. Т. м. 11).“ Карамзинъ вѣришь словамъ Бера; но едва ли не справедливо замѣчено въ Сѣверномъ Архивѣ (ч. 14), что изъ скирдовъ, поросшихъ деревьями, невозможно молошить

хлѣба : ибо деревья иначе не могутъ расти, какъ на твердомъ и сплошномъ веществѣ, составляющемъ одну массу. — Впрочемъ доказано опытомъ, что хлѣбъ въ смирдахъ можетъ лежать до 40 лѣтъ безъ поврежденія.

45) Въ сіе время, по извѣстію нашей Лѣтописи, свирѣпствовалъ злодѣй Хлопко, который подъ самою Москвою сразился съ Царскимъ Воеводою Иваномъ Ѳедоровичемъ Басмановымъ и убилъ его. *Рус. Лѣт. по Ник. ст. VIII - 53.*

46) Авторъ не признаетъ сего Самозванца Царевичемъ и при всемъ томъ называетъ его Димитріемъ, вѣроятно для избѣжанія повторовъ. Переводчикъ не считъ нужнымъ безпрестанно повторять слово *Самозванецъ* : ибо всякій увѣренъ, что мнимый Димитрій былъ обманчикъ. То же должно разумѣть и о Тушинскомъ Ворѣ, или Царикѣ, котораго Беръ называетъ Димитріемъ II.

47) Маржеретъ, служившій тогда въ Царскомъ войскѣ, говоритъ, что у Мстиславскаго было отъ 40 до 50,000 ратниковъ, (*Сост. Рос. Держ. въ нах. XVII вѣка, 49*).

48) *Петрей* : „Главный Воевода получилъ 15 ранъ ; 2,000 Москвитянъ пало на мѣстѣ ; рать Борисова навѣрное поперяла бы еще
*“

болѣе, если бы Шведскій Капитанъ Лоренцъ Віугге не подоспѣлъ на помощь Васманову съ 600 иноземцевъ и не зажегъ Димитріева лагерьа.“ *Muszkow. Chron* 299.

49) Т. е. 100,000 нынѣшнихъ серебряныхъ рублей, говоритъ Карамзинъ (XI. пр. 278); но такой расчетъ не вѣренъ: если даже принять, что погдашній рубль заключалъ 5 рублей серебр., какъ думаетъ Историографъ, то 2,000 составили только 10,000 рублей серебр. Основываясь на вышесказанномъ расчетѣ (см. пр. 17), мы думаемъ, что Васманову дано 6,000 рублей серебр.

50) *Петрей* присовокупляетъ: „Узнавъ о побѣдѣ при Новѣгородѣ Сѣверскомъ, Борисъ отправилъ въ свой лагерь знашнаго Боярина Василя Михайловича Мосальскаго, съ 80,000 талеровъ, для раздачи въ награду вѣрному войску; но Мосальскій не нашелъ дороги въ станъ Борисовъ и привезъ деньги въ лагерь Димитріевъ; Самозванецъ вышелъ къ нему на встрѣчу со крестомъ, знаменами, при звукѣ трубъ, съ барабаннымъ боемъ, и сдѣлалъ его своимъ Маршалкомъ; всѣ деньги были розданы Казакамъ; Поляки же, не получивъ ни гроша, отказались служить Димитрію; посему оба Воеводы Сендомирскій и Кіевскій (*Вишневецкій*) отправились на ро-

днину добывашъ денегъ и ваяли съ собою 2,000 Поляковъ.“ *Muszgow. Chron. 300.*

51) Нынѣ село Добрунь на рѣкѣ Сѣвѣ, недалеко отъ Сѣвска.

52) Безъ сомнѣнія, ни одному Русскому не приходила въ голову мысль споль не-
лѣпан.

Петрей рассказываетъ слѣдующія подробности о Добрынской битвѣ: „Послѣ сраженія при Новѣгородѣ Сѣверскомъ, Разсприга опспунилъ на нѣсколько миль къ шой споронѣ, гдѣ находились города, прежде имъ покоренные; Москвитяне преслѣдовали его до деревни Добрыничъ; далѣе же шпши не смѣли, ибо не знали, какъ сильно войско непріятельское, и оспановились лагеремъ въ шрехъ миляхъ отъ сей деревни, въ густомъ лѣсу; между шѣмъ 7,000 ратниковъ отпра-
вились въ окрестности, съ намѣреніемъ ограбить жишелей и досташъ овса, сѣна и съѣстныхъ припасовъ; но едва опомши съ милою отъ лагеря, нашпанулись на Польскій эскадронъ, который ударилъ на нихъ спре-
мишело и положилъ на мѣстѣ до 4,000; прочіе опромѣшю побѣжали въ лагерь и шаконъ ужась навели на главное войско, что оно на другой день укрѣпило свой спанъ огромными деревьями. (сулялемб?). Воеводы Московскіе однако ободрились, и на шрепш

день, выслали 12,000 отборнѣйшихъ воиновъ, узнать, что дѣлаетъ непріятель и гдѣ его лагерь. Когда сей отрядъ открылъ враговъ, Самозванецъ бодро вышелъ къ нему на встрѣчу; занялась перестрѣлка, однако не надолго — ночь прекратила битву — и обѣ стороны возвратились въ свои лагери. Въ этомъ дѣлѣ Россіяне потеряли 200 человекъ убитыми и 100 плѣнными; сами же захватили одного Поляка, привели его въ лагерь и опять радости не знали, что дѣлать: прыгали, плясали, какъ будто одержали знаменитую побѣду.“

„Воеводы начали допрашивать плѣннаго; онъ былъ пьянъ, пребралъ вина и пива и только тогда соглашался дать вѣрныя свѣдѣнія. Раздраженные Воеводы приказали его пытать; но ничего не могли выведать: плѣнникъ испустилъ духъ отъ ударовъ; шрупъ его обнажили и повѣсили среди лагерь на высокой ели.“

„Не успѣвъ узнать о силахъ непріятельскихъ, Московскіе Воеводы весьма безпокоились и не знали, что дѣлать: испили ли передъ или опустушишь; наконецъ послѣ многихъ совѣщаній ободрились: строго приказали всему войску готовиться къ битвѣ и на другой день, рано поутру, выпустили изъ лѣса на ровное поле со всѣми силами, состоявшими болѣе, нежели изъ 200,000 человекъ. Гришка не долго медлилъ, вышелъ врагамъ

на вспрѣчу, ударилъ опважно и обратилъ ихъ въ бѣгство. Но иноземная Борисова дружина храбро напала на Димитріевыхъ воиновъ, стрѣлявшихъ изъ пушекъ, побила ихъ и овладѣла орудіями. Москвитяне, коимъ дорога въ лагерь была уже опрѣзана, замѣшивъ успѣхъ иноземцевъ, соединились съ ними и снова начали сражаться: враги не успевали; ихъ преслѣдовали цѣлыя приимы съ такою яростію и быстрою, что не многіе уцѣлѣли. Самому Димитрію, казалось, не лзя было избѣжать смерти или плѣна: раненый въ ногу конь едва могъ нести его; но сами Русскіе воеводы, не доброхотствуя Великому Князю, спасли Самозванца: они посылали къ войску гонца за гонцемъ съ приказаніемъ прекратить сѣчу и унять бесполезное кровопролитіе: ибо, говорили они, дѣло сдѣлано: попался курб во шч. И такъ войско возвратилось въ лагерь. Сраженіе Добрынское случилось 20 Января 1605 года. Гришка потерялъ 8000 человекъ, со всѣми лишавами и орудіями. Борисъ лишился 500 Россіянъ и 25 иноземцевъ. "*Muszk. Chr. 300—302.*"

И Беръ и Петрей приписываютъ славу побѣды иноземной дружинѣ; но это ложно: Маржеретъ, который съ Розеномъ, по извѣстію Бера, спасъ Москвитянъ, признается откровенно, что иноземцы бѣжали вмѣстѣ съ прочими, и что не они, а Русскіе

воины, вырвали побѣду изъ рукъ Самозванца. (Сост. Рос. Держ. объ нѣт. XVII вѣка, 81).

53) Около Сѣвска.

54) Петрей присовокупляетъ, что Корела былъ спрашный волшебникъ и много пособлялъ Димитрію своимъ чародѣйствомъ! *Muszkow. Chron. 304.*

55) По свидѣтельствѣ Маржерета и нашихъ Лѣтописей, въ товарищи Мстиславскому назначенъ былъ Князь Василій Ивановичъ Шуйскій. К. Капыревъ - Рословскій посланъ уже въ послѣдствіи, вмѣстѣ съ Васмановымъ.

56) Петрей: „Иноземцы хотѣли взять сей городъ (*Кромы*) приступомъ; но Русскіе Военачальники удержали ихъ, объявивъ, что Великій Князь не хочетъ кровопролитія и желаетъ принудить осажденныхъ къ покорности голодомъ. Осада продолжалась болѣе 2 мѣсяцевъ. Въ Царскомъ лагерѣ между тѣмъ носилась молва, что Борисъ отправилъ пословъ къ Императору Римскому и Королю Дашскому, жаловался имъ на вѣроломство Поляковъ, на измѣну своихъ подданныхъ, и просилъ прислать ему вспомогательное войско.“ *Muszkow Chron. 304.*

57) *Петрей* : „Нѣкоторые думаютъ, что Борисъ самъ принялъ мѣръ, а другіе полагаютъ, что онъ оправленъ.“ *Muszk. Chron.* 306.

Смерть Годунова, кажется, навсегда останется загадкою; но крайней мѣрѣ онъ не могъ быть самоубійцею, еще имѣя всѣ средства сокрушить Самозванца.

58) *Петрей* : „По смерти Борисовой, Москвитинѣ присягнули сыну его Феодору; въ Кромской же лагерь посланъ былъ Пётръ Басмановъ съ порученіемъ привести всѣхъ воиновъ къ присягѣ юному Государю. Но какъ главный Полководецъ Мстиславскій опозванъ былъ въ Москву для вспоможенія Феодору въ правленіи и Басмановъ принялъ начальство надъ войскомъ; но прочіе воеводы весьма оскорбились и не хотѣли ему повиноваться; открылся раздоръ: когда одинъ желалъ бышвы, другой шелъ восвояси; каждый помышлялъ только о томъ, чтобы захватить въ свои руки силу, богатство, самое правленіе, надѣясь воспользоваться смутными обстоятельствомъ. Воины слѣдовали ихъ примѣру, возмущались и раздѣлились на двѣ партіи. Преданные Годуновымъ покаялись въ вѣрности юному Царю и расположились съ орудіями на одной сторонѣ близъ города; недоброхоты же Борисову племени собрались на другой сторонѣ, ночью послали Казакамъ съѣстные припасы, убѣж-

дали ихъ бысть швердыми и назначили часть, когда надлежало сдѣлать вылазку, обѣщая въ то же время напасъ на приверженцевъ Годунова съ противоположной стороны; такъ и случилось: измѣнники соединились съ Казаками, и восклицая: „да здравствуетъ Димитрій!“ въ числѣ 150,000 ударили на вѣрныхъ Царю, кричавшихъ: „да здравствуетъ Ѳеодоръ!“ выбили ихъ изъ лагеря, опили орудія, многихъ побили, многихъ ранили и взяли въ плѣнъ двухъ знаменныхъ Воеводъ Ивана Ивановича Годунова и Михаила Глѣбовича (Klebawitz) Салтыкова; остальные рапники бѣжали въ Москву. *Muszk. Chr.* 306—307-

59) Самозванецъ прислалъ въ Красное село дворянъ Пушкина и Плещеева.

60) *Петрей*: „Красносельцы, съ почтениемъ принявъ посланнаго Димитріемъ, оправились полнами въ столицу, пришли на площадь и созвали гражданъ Московскихъ, коимъ гонецъ долженъ былъ также прочесть грамоту Самозванцеву. Послѣ сего Москвитяне явились къ Князю Василю Шуйскому съ просьбою сказать имъ опроверженно, шчоно ли Димитрій Царевичъ убиенъ въ Угличѣ и его ли хоронилъ Шуйскій? Князь отвѣчалъ, что Димитрій спасся отъ сѣней Годунова, что онъ живъ и теперь находится въ Тулѣ съ своимъ войскомъ; а въ Угличѣ,

виѣсто его, убишъ сынъ Поповскій. Услышавъ сіе, народъ сказалъ, что свидѣтельство Шуйскаго, преданность Бояръ и всего войска доказываетъ неоспоримое право Димитрія на Русскій престолъ.... (дальше изъ Бера). *Muszk. Chr.* 310. Пепрей, кажется, баснословилъ: если бы дѣйствительно спрашивали Шуйскаго, Беръ не умолчалъ бы о столь важномъ обстоятельстве.

61) *Петрей*: „Лжедимитрій, размышляя, что ему шрудно будетъ исполнить свои преступные замыслы, если останешься живъ юный Царь, который можешь со временемъ лишить его престола, отправилъ въ Москву чиновника (*Schreiber*) Ивана Богданова, съ повелѣніемъ тайно умершвишъ Феодора и мапъ его, а въ народъ разгласилъ, что они сами себя оправили; сеспру же Царскую приказалъ держать подъ спражею до своего прибытія. Богдановъ въ точности исполнилъ сіе порученіе: удавивъ Царя и Царицу въ ихъ комнапъ, распустилъ молву, что они сами приняли ядъ; эта молва несправедлива: они погибли насильственнымъ смертію, въ чемъ свидѣтельствовали знаки удавленія, которые я видѣлъ собственными глазами на ихъ трупяхъ.“ *Muszk. Chr.* 314. Цареубійцами, по извѣстію нашихъ лѣтописей, были Князья Голыцынъ и Мосальскій. „Они взя съ собою Ми-халка Молчанова, да Андрея Шелееединова,

„да 3 человекъ спръльцовъ, и поиде на спна-
 „рый Царя Борисовъ дворъ, гдѣ сидѣшъ Царь
 „ца и Царевичъ за приспавы, и вимдоша въ
 „храмину, гдѣ они сидѣша. Царевичъ же съ
 „Царевною сидѣше, аки агни нескверные, жду-
 „ще себѣ заклашѣа. . . . Тѣ же спръльцы убо-
 „ицы ихъ разведоша по хранинамъ порознь;
 „Царицу Марью удавиша шовожъ часа; Царе-
 „вича же многіе часы давиша, якожъ не мла-
 „доси въ шѣ поры далъ Богъ ему мужество;
 „злѣды ужасошася, яко единъ съ чепырьми
 „боряшеся; единъ опъ нихъ. . . . взяшъ его за
 „шаенные уды и раздавы.“ *Ник. Лѣт. VIII. 69.*

62) *Петрей* : „Возложивъ на себя корону,
 Самозванецъ показалъ первый опытъ своего
 мужества и великодушія надъ Ксенією, до-
 черью Бориса Годунова : взявъ ее во дворецъ
 и нѣсколько дней ушопалъ въ гнусномъ сладо-
 спрасшіи; потомъ, когда Царевна ему надоѣла,
 приказалъ поспричь ее и сослать въ мона-
 шырь, гдѣ она и умерла.“ *Muszk. Chr. 318.*

Феодоръ Борисовичъ погибъ 10 Іюня
 1605 года; а опъ 25 Декабря Воевода Сендо-
 мирскій, уже нареченный шестъ Лжедмитри-
 ріа, писалъ къ Самозванцу изъ Кракова :
 „Много адѣсь Вашему Царскому Величеству
 усердспвующихъ, но много и злѣдѣвъ, ко-
 шорые о здравіи вашемъ разсѣваюшъ разные
 слухи, опъ чего Богъ да сохранишъ васъ.
 Хопя люди разсудительные сему не вѣрашъ;

однако я, по искренней любви къ В. Ц. В., Богомъ дарованному мнѣ сыну, прошу васъ имѣть крайнюю предосторожность; и поелику известная Царевна, Борисова дочь, близко васъ находится, то благоволите В. Ц. В., внявъ совѣту благоразумныхъ съ сей стороны людей, отъ себя ее отдалить. Вѣдайте В. Ц. В., что люди самую малѣйшую въ Государяхъ погрѣшность обыкновенно прилибаютъ и подозрѣніе наводятъ.“ Собр. Госуд. Грам. II. 243.

Злополучная Ксенія, въ Инокиняхъ Ольга, умерла 30 Августа 1622 года и погребена въ Троицкомъ Сергіевскомъ монастырѣ. Тамъ донынѣ уцѣлѣла на камнѣ надгробномъ слѣдующая надпись: „Лѣта 7130 Августа въ 30 день, преславися Благовѣрная Царевна Инока Ольга Борисовна.“ Церк. Рос. Ист. Митр. Платона. II. 144.

Такъ описываетъ ее современникъ Кубасовъ: „Царевна Ксенія, опроковица чуднаго „домышленія, зѣльною красотою лѣпа, бѣла и „лицемъ румяна, очи имѣя черны, велики, „свѣтлоспѣю блистая; когда же въ жалости „слезы отъ очію испущаше, тогда наипаче „свѣтлоспѣю зѣльною блисташе; бровями „союзна, пѣломъ изобильна, шлечною бѣлоспѣю „облѣнна; возрастомъ ни высока, ни низка; „власы имѣя черны, велики, аки шрубы по „плечамъ лежаху; вошпину, во всѣхъ же- „нахъ благочинѣйша, и писанію книжному

„многимъ прѣшуще благорѣчіемъ, во всѣхъ
„дѣлѣхъ чредима; гласы воспѣваемые любяше,
„и пѣсни духовныя любезнѣ слышаши любля-
„ше.“ (*Русскія Достопамятности, т. I. 174*)

63) Въ одной изъ нашихъ Лѣтописей
сказано: „Царя Бориса извергоша изъ храма
„Архиспрапига Михаила, и повелѣша изведе-
„щи на сонмище съ великимъ поруганіемъ,
„и камене нанѣ мешаши и ногами пхаша
„пѣмо его, поверженное и на земли лежащее;
„погребоша его въ единомъ опѣ убогихъ
„монаспырей, именуемомъ Варсонофьевскимъ
„обону спраны Неглины.“ Варсонофьевскій
монаспырь находился между Срѣшенкою и
Рождественкою, гдѣ нынѣ церковь Вознесе-
нія. *Кар. Ис. Гос. Рос. XI. пр. 351.*

64) Жилъ какъ левъ, царствовалъ какъ
лисица, умеръ какъ собака. Такой приговоръ
весьма несправедливъ: Годуновъ заботился о
просвѣщеніи подданныхъ, объ искорененіи
пороковъ, былъ щочно опцемъ народа, спро-
шъ города, ободрялъ промышленность мѣ-
рами благоразумными и возвеличилъ Россію.
Безпристрастный современникъ Сергѣй Ку-
басовъ описываетъ Годуновыхъ, отца и сына,
такимъ образомъ: „Царь Борисъ благолѣпнѣмъ
„цвѣшущи и образомъ своимъ множество лю-
„дей превозшедъ; возрасту посредство имѣя,
„мужъ зѣло чуденъ и сладкорѣчивъ, велики

„благотворенъ, и нищелюбивъ, и спросишеленъ
 „вельми о Державѣ и многое попеченіе имѣя,
 „и многое дивное опъ себя шворяще; едино
 „же имѣя неисправленіе и опъ Бога оплуче-
 „ніе, но врачемъ сердечное прилежаніе, и ко
 „властолюбію несышное желаніе, и на преж-
 „де бывшихъ ему Царей (?) ко убіенію имѣя
 „дерзновеніе; опъ сего же и возмездіе пріяшъ.“

„Царевичъ Θεодоръ, Царя Бориса опроча
 „бѣло чудно, благолѣпнѣмъ цвѣтущи, яко цвѣпъ
 „дивный на селѣ опъ Бога преукрашенъ, и
 „яко кринъ въ полѣ цвѣтущъ; очи имѣя велики
 „черны, лице же ему бѣло, млечною бѣлоспшію
 „блнспаяся, возраспомъ средній, шѣломъ изо-
 „блнленъ; наученъ же бѣ опъ опца своего кни-
 „жному почтшпанію, во опшвѣтѣхъ дивенъ и
 „сладкорѣчивъ вельми, пуспошное же и гни-
 „мое слово никогда же изъ успъ его исхож-
 „даше, о вѣрѣ и о поученіи книжномъ со
 „усердіемъ прилежаше.“ *Русскія Достоп. т. I.*
173—174.

65) *Петрей* : „Вшеспвіе въ Москву произ-
 ходило слѣдующимъ образомъ: Царя окружали
 бо знашнѣйшихъ Вельможъ, одѣпыхъ споль
 же великолѣпно, какъ и самъ онъ; всѣ они ѣха-
 ли на коняхъ. Впередъ посланъ былъ ѣздовой
 съ опрядомъ трубачей и липаврщиковъ, для
 наблюденія за порядкомъ и для развѣдыва-
 нія, не шашпся ли гдѣ нзмѣна. Гонцы скака-
 ли взадъ и впередъ съ вѣспями. Предъ са-

нимъ Димитріємъ ѣхали дружины Польскихъ всадниковъ, въ полномъ вооруженіи, по 20 человекъ въ рядъ, съ трубами и липаврами. За нимъ слѣдовали также нѣсколько дружинъ, въ шакомъ же порядкѣ и вооруженіи. Далѣе иноспранцы, Казаки и стрѣльцы, другъ за другомъ по 20 человекъ въ рядъ. Въ городѣ и крѣпости звонили во всѣ колокола, большіе и малые; вездѣ было веселіе и пышное торжествѣ. На большихъ широкихъ улицахъ, на кровляхъ домовъ и церквей было такое множество зрителей, что издали толпы народа казались несмѣнными роями пчелъ. Вездѣ, гдѣ онъ проходилъ Димитрій, Москвитяне издавали крикъ и восклицали: „Здравствуй отецъ нашъ! Государь и Великій Князь Всероссійскій! даруй Боже тебѣ многія лѣта; да осыплетъ тебя Господь на всѣхъ путяхъ жизни чудесною милостію, которою онъ спасъ тебя въ семъ мірѣ. Ты наше солнце красное!“ „Здравствуйте, мои дѣти, ошвѣчалъ Димитрій; вспаньте и молитесь за меня Богу.“ Какъ скоро онъ вѣхалъ на площадь чрезъ живой носъ и водныя (Москворецкія?) ворота, поднялся такой спрашныи вихрь, что всадники и кони едва не попадали; пылъ завилась столбомъ и всѣхъ ослѣпила. Россіане перепугались и сошворивъ крестное знаменіе, говорили другъ другу: „Господи спаси насъ! Быть бѣдѣ и несчастію.“ (*Muszkow. Chron. 315—317*).

66) Царица жила въ Выксинскомъ монастырѣ (*Кар. Ис. Гос. Рос. XI. пр 379*).

67) Вошъ особы, соспавлявшія Государственный Совѣтъ Лжедмитрія: I) *Особы Духовныя*: Папріархъ (онъ сидѣлъ по правую руку), Митрополиты: Новгородскій и Великолуцкій, Казанскій и Свіяжскій, Ростовскій и Ярославскій, Сарскій и Подонскій; 7 Архiepископовъ и 3 Епископа. II) *Особы свѣтскія*: Бояре перваго класса: Князь Ѳеодоръ Ивановичъ Мстиславскій; Князя *Василій* и *Дмитрій* Ивановичи Шуйскіе; Князь Иванъ Михайловичъ Воропынскій; Михаилъ Ѳеодоричъ Нагой, Конюшій Великій; Князь Никита Романовичъ Трубецкой; Андрей, Михаилъ и Аѳанасій Александровичи Нагіе; Князь Василій Михайловичъ Масальскій, Дворецкій Великій; Князь Иванъ Ивановичъ Пуговка-Шуйскій; Князь Андрей Романовичъ Трубецкой; Григорій Ѳеодоровичъ Нагой; Князь Иванъ Ивановичъ Шпакъ - Голицынъ; Князя Василій, Иванъ и Андрей Васильевичи Голицыны; *Петръ Ѳеодоровичъ Басмановъ*; *Петръ* Никитичъ Шеремешевъ; Князь Василій Карданутовичъ Черкасскій-Кабардинскій; Ѳеодоръ Ивановичъ Шеремешевъ; Князь Андрей Пепровичъ Куракинъ; Князь Борисъ Пепровичъ Ташевъ Стародубскій - Ряполовскій; Князь Иванъ Семеновичъ Куракинъ; Иванъ Никитичъ Романовъ; Князь Ѳеодоръ Ивано-

внчъ Хвороспшинъ - Ярославскій; Михайло Глѣбовичъ Салпыковъ; Князь Иванъ Никишичъ Большой - Одоевскій; Богданъ Яковлевичъ Вѣльскій, Оружейничій Великій; Князь Андрей Андреевичъ Теляшевскій; Михайло Богдановичъ Сабуровъ; Князь Семенъ Андреевичъ Куракинъ; Владиміръ Васильевичъ Колыцовъ-Масальскій; Князь Данило Борисовичъ Пріимковъ - Росповскій; Князь Оедоръ Тимоеевичъ Долгорукій; Князь Михайло Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій, Мечникъ Великій. III) *Совѣтъ Окольныхъ*: Михайло Борисовичъ Шениъ; Василій Пешровичъ Морозовъ; Князь Иванъ Димитріевичъ Хвороспшинъ-Ярославскій; Михайло Михайловичъ Салпыковъ; Василій Яковлевичъ Щелкаловъ; Князь Владиміръ Ивановичъ Клубковъ-Масальскій; Князь Григорій Борисовичъ Долгорукій; Князь Александръ Оедоровичъ Жировый-Засѣкинъ; Иванъ и Василій Пешровичи Головины; Князь Григорій Пешровичъ Ромодановскій; Иванъ Оедоровичъ Колычевъ; Князь Иванъ Ивановичъ Куряшевъ-Оболенскій, Подчашій Великій; Алексій Романовичъ Плещеевъ; Князь Борисъ Михайловичъ Лыковъ-Оболенскій, Кравчій Великій; Богданъ Ивановичъ Супуповъ, Печашникъ и Секретарь Великій; Аванасій Ивановичъ Власевъ, Подскарбій Надворный и Секретарь Великій. IV) *Дворные*: Гаврило Григорьевичъ Бобринцевъ - Пушкинъ, Сокольниковъ Великій;

Яковъ Васильевичъ Зюзинъ; Василій Борисовичъ Сухинъ; Григорій Ивановичъ Минулинъ; Аршемій Васильевичъ Измаиловъ; Андрей Матвѣевичъ Воейковъ, Ясельничій (*Собр. Госуд. Гр. 207—210*).

68) Въ подлинникѣ: „Grobe Moscowitische Bestien.“ Предки наши, непоколебимые въ православіи, не заслуживали такого упрека.

69) Въ подлинникѣ: Geleetz; у Пешрея Galitz. Лжедимитрій, увѣдомляя Папу о непремѣнномъ намѣреніи воевать съ Турками, просилъ его убѣдить Императора не мириться съ Султаномъ, и общими силами ударить на враговъ Христіанства. *См. его Грамоту въ Собр. Госуд. Гр. II. 232.*

Въ слѣдъ за извѣстіемъ о войнѣ съ Турками, Пешрей присовокупляетъ: „Вспомнивъ свое обѣщаніе, данное въ Польшѣ, всѣми силами спарашся о распространеніи въ Россіи Каполической вѣры, Димитрій приказалъ оповѣсти Іезуитамъ, вмѣстѣ съ нимъ бывшимъ, обширный дворъ въ Москвѣ, гдѣ они могли совершать литургію по своимъ обрядамъ. Къ числу сихъ Іезуитовъ присоединились еще чепыре Папера, коихъ прислалъ изъ Польши Папскій Легатъ Антоній Лонгинъ (Рангони?), вмѣстѣ съ своимъ племянникомъ, для скорѣйшаго распростра-

*

ненія Католической вѣры.“ *Muszkow. Chron.* 321.

70) Власевъ былъ Надворнымъ Подскарбіемъ. Кромѣ его, Лжедмитрій послалъ къ Воеводѣ Сендомирскому Секретаря своего, Яна Бучинскаго съ слѣдующимъ любовнымъ наказомъ :

„Памяти Секретарю нашему Яну Бучинскому, какъ ему говориши, именемъ нашимъ, Воеводѣ Сендомирскому :

„1) Чѣмъ Воевода у Ксенжа у Легана Папина промыслилъ и побилъ челомъ о вольномъ позволеніи, чѣмъ ея милости Панина Марина причастилась на обѣднѣ опѣ Папирарха нашего, попому чѣмъ безъ иного вѣдомована не будешь.

„2) Чѣмъ Пани Воевода послѣ обрученія, поспѣхъ о помѣ намъ вѣдомо учинилъ чрезъ гонца ; а перстень обручальный прислалъ бы не съ жильцемъ и не съ слугою, но съ честнымъ человекомъ.

„3) Чѣмъ ея милости Панинъ Маринъ позволено до Греческія церкви ходити ; а набоженство и чинъ свой вольно будешь держати, какъ похочешь.

„4) Чѣмъ ея милости Панину Марину знали наяснѣйшею и всяку честь Государскую воздавали, и чѣмъ была во всемъ предостережена.

„5) Волосовъ бы не наряжала.

„6) Чѣшобъ нѣкѣшо ея не водилъ, толькѣ Панъ Староста Саноцкій, да Бучинскій, или кошорый иной со племяннѣ.

„7) Промыслиши о вольности, чѣшобъ Марина въ суботу мясо ѣла, а въ среду бѣ поспѣлась.

„8) Послѣ обручанья не ѣла ни съ кѣмъ, толькѣ особно, или съ Воеводою, или съ Воеводиною и съ Хорунжею, и служилибѣ у нея Крайчѣ.“ Подпись Самозванца: In Regator. (*Соб. Госуд. Грам. II. 228*).

71) Вучинскіе, по смерти Лжедимириіа, показали предъ Боярами: „Говорилъ имъ Гришка Разсприга, что, Спрѣльцы шѣхъ измѣнниковъ въ мгновеніе ока изсѣкли на малыя часши, мало де сами не пересѣкался, съкучи ихъ.“ (*Собр. Госуд. Гр. II. 297*).

72) Маржеретъ свидѣтельствуесть, что Шуйскій помилованъ по ходатайству Царицы-матери, Поляка Бучинскаго и другихъ особъ. (*Сост. Рос. Держ. въ нѣт. XVII в. Рус. пер. 88*).

73) *Петрей*: „Вся дорога отъ Царскихъ палащъ до самой церкви, гдѣ совершился обрядъ коронованія, была устлана по красному сукну золошою парчею. По обѣимъ сторонамъ дороги спояли нѣсколько тысячъ Москвитянъ въ парчевыхъ одеждахъ. Въ такомъ же плащѣ были Камеръ-юнкеры и дру-

гіе дворяне, имѣя на груди золотыя цѣпи, крестообразно висящія, а на головѣ высокія, чернолысыя шапки. Они открывали шеспвіе. За ними слѣдовали при Боярина: одинъ несъ золошой Царскій скипешрь, другой золошую державу, шрепій обнаженную саблю. Попомъ шель Царь въ коронѣ; его поддерживалъ Воевода Сендомирскій, ошець невѣсшы; по обѣимъ споронамъ находились по два Боярина, шабже въ парчевыхъ одеждахъ, въ высокыхъ черныхъ шапкахъ, съ золотыми на груди цѣпами, съ серебряными на плечѣ сѣкирами. Въ слѣдъ за Царемъ изволила ипши Царица въ Русскомъ плащѣ; ее вела Московская Боярыня. За нею слѣдовали Польскія и Русскія женщины. По совершеніи коронованія и брачнаго обряда, Царица сѣла на золошой шронъ, вылипшый изъ чашпаго золоша и усыпанный крупными драгоцѣнными каменьями. Сей шронъ, на коемъ сіяло боо алмазовъ, боо рубиновъ, боо сафировъ, боо смарагдовъ и боо бирюзовыхъ каменьевъ (иные величиною въ половину голубинаго яйца), былъ подаренъ Персидскимъ Шахомъ Іоанну Васильевичу Мутишелю.“

„По выходѣ новобрачныхъ изъ церкви, бросили народу нѣсколько тысячъ монетъ; нарочно для сего пригошовленныхъ, съ изображеніемъ на обѣихъ споронахъ орла двуглаваго. Нѣкоторыя изъ медалей сплюли два Венгерскихъ червонца; другія менѣе. Свадьба

Царская была чрезвычайно пышная и великолѣпная : во все продолженіе оной , музыканты , одѣтые въ Русское платье, гремѣли безъ умолка на 32 трубахъ и 34 липаврахъ.“
Muszkow. Chron. 338—339.

74) Sie antworteten ihm: Er sollte seine Mutter vexiren und ihnen ihren verrätherischen Groszfürsten überantworten.

75) Пётрѣй присовокупляеть, что Самозванецъ при семъ словѣ закололъ нѣсколько человѣкъ. *Muszk. Chron. 344.*

76) „Судьба доспойная измѣнника и ревностнаго слуги алодѣйскаго, но жалостная для человѣка, который могъ и не хотѣлъ быть честію Россіи.“ *Карамзинъ.*

77) Съ 15 Драбантами, по словамъ Пётрѣя.

78) Беръ (за нимъ и Пётрѣй) объясняеть на Латинскомъ языкѣ отвѣтъ Боярскій; хотя переводчикъ увѣренъ, что почтенный Паспоръ клеветаетъ на грозныхъ караселей Самозванца; но слѣдуя правилу не выпускать изъ подлинника ни одного слова, счищаетъ обязанностію привести также и сей отвѣтъ, по всей вѣроятности вымышленный. Вотъ онъ: „Volumus nos omnes, unus post ali-

um stuprum inferre, unus in p. alter in v. ...; audivimus Polonicas meretrices vestras plurimum concubitus bene sustinere posse; nec ipsis unus vir sufficere.“ Et postea nudabant sua equina pudenda (proh Sodomia!) coram toto Gynaeeo, dicentes: „videte, meretrices, videte nos multo fortiores sumus Polonis vestris. Probate nos!“

79) *Петрей*: „Самозванецъ опивчалъ: *Вы знаете всѣ, что я Царь вашъ, истинный сынъ Иоанна Васильевича. Если же не вѣрите, ступайте въ монастырь и спросите мать мою. Василій Ивановичъ Шуйскій, начальникъ возмущенія, бросился въ монастырь и спрашивалъ Царицу, признаетъ ли она сего Димитрія своимъ сыномъ? Царица увѣрила съ клятвою, что у нея не было другаго сына, кромя Царевича Димитрія, который за нѣсколько лѣтъ, еще младенецъ, погибъ въ Угличъ. Какъ скоро Шуйскій возвратился съ сими извѣстіями, одинъ богатый купецъ, съ исполопомъ въ рукѣ, бросился на Самозванца и проспрѣлъ его прямо въ сердце, сказавъ: чего полковашъ съ ерешникомъ? конецъ его извѣнать и крамольшву.“ *Muszkow. Chr. 384.**

Въ Лѣтописи о Мятѣжахъ: „И придоша (спѣльцы) къ Царицѣ, допрошаху ее: „она же со слезами возопи: *нынь (ни, не?)* „знаю ево окаймиво; называла есмь ево сы-

„молю себѣ, страха ради смертного.“ (Рус. Лѣт. по Никон. сп. VIII. 75).

Кажется извѣстіе Пешрея и нашей Лѣтописи — несправедливо, п. е. Царицу не спрашивали: иначе какъ бы не упомянуть о семъ важномъ обстоятельстве въ грамотѣ, копорою Шуйскій увѣрялъ народъ въ самозванствѣ Опрепьева? Тамъ именно сказано, что Царица повинилась въ своей слабости уже тогда, когда мощи Св. Димитрія принесены были въ Москву изъ Углича и изцѣлили многихъ больныхъ (Собр. Госуд. Гр. II. 319). Впрочемъ Самозванецъ остается Самозванцемъ.

80) Пешрей счищаетъ всѣхъ убитыхъ вообще 1704 человека. *Muszkow. Chron. 351.*

81) Въ грамотѣ Царя Василя Ивановича Шуйскаго изчислены пресупленія Самозванца слѣдующимъ образомъ:... „Справдникъ вѣдомый, воръ, богоошступникъ, ерешникъ, разсприга Гришка Богдановъ сынъ Опрепьевъ, ошступя отъ Бога, по совѣшу дьяволю и лихихъ людей... назвалъ себя Царя Ивана Васильевича сыномъ, Царевичемъ Княземъ Димитріемъ Ивановичемъ, и въ Польшѣ и въ Литвѣ Короля и многихъ Пановъ и служивыхъ людей своимъ вѣдомствомъ и чернокнижствомъ прельщилъ, да не шокмо что въ Польшѣ, и въ Мо-

„сковскомъ Государствѣ многихъ людей
 „прельстивъ; а чаяли его Царевичемъ Дмиш-
 „ріемъ. И шопъ воръ, богоошспущникъ, по
 „своему бѣсовскому умыслу и по совѣшу съ
 „Польскимъ Королемъ и съ Паны Радами,
 „въ Московскомъ Государствѣ многую сму-
 „пу и разоренье учинилъ, и церкви Божіи
 „осквернилъ, и многихъ православныхъ Хри-
 „стіанъ, которые его знали и злодѣйство
 „вѣдали и его обличали, злой смерши пре-
 „далъ, и понялъ за себя Воеводы Сендо-
 „мирскаго дочь Лапинскія вѣры, и не кре-
 „спивъ ея, въ Соборной церкви Пречистыи
 „Богородицы вѣнчалъ, и Польскихъ и Ли-
 „шовскихъ людей, для Христіанскаго разо-
 „ренья, въ Москву многихъ привелъ, и церкви
 „Божіи и Св. Иконы обругалъ, и Нѣмецъ, и
 „Римлянъ, и Поляковъ и розныхъ вѣръ ино-
 „гихъ злыхъ ерешиковъ въ церковь пущаши
 „велѣлъ со оружіемъ, а иныхъ скверныхъ
 „дѣлъ и писаши не виѣспимо, какое злое
 „поруганье Христіанской вѣрѣ чинили, и
 „православнымъ Христіанамъ многое насиль-
 „ство и кроворожаніе учинили, и жены у
 „мужей опинималъ, и иныя неспершимы
 „грубости и поносы чинилъ; а послѣднее,
 „по совѣшу съ Польскими и съ Лишовски-
 „ми людьми, измѣннымъ обычаемъ хопѣлъ
 „Бояръ, и дворянъ, и приказныхъ людей, и
 „госпей и всякихъ лучшихъ людей побити,
 „а Московское Государство хопѣлъ до осно-

„ванія разориши и Христіанскую вѣру по-
„прашѣ, церкви разоришѣ, а костелы Рим-
„скіе устроишѣ.“ (*Собр. Госуд. Грам. II.*
стр. 309).

82) Воевода Сендомирскій съ дочерью,
сыномъ и зятемъ опшравленъ былъ въ Яро-
славль, какъ справедливо говоришѣ Пешрей.
369. *См. также Борову Лѣтоп. 139.*

83) Онъ даже разсорился съ Королемъ
Польскимъ Сигизмундомъ III, за то, что во-
преки совѣшамъ самого Воеводы Сендомир-
скаго, принималъ шипулъ Цесаря и Импера-
тора. *Собр. Госуд. Грам. II. 226 и 259.*

84) Пешрей обличаетъ самозванство Ди-
митрія слѣдующимъ образомъ :

„1) Если бы истинный Димитрій всту-
пилъ на престолъ, то онъ былъ бы не спа-
рѣ 22 лѣтъ; а Гришка имѣлъ по крайней
мѣрѣ 30 лѣтъ.“

„2) Едва Гришка былъ коронованъ, явил-
ся въ Кремль одинъ монахъ изъ того сама-
го монастыря, откуда бѣжалъ обманщикъ,
и всенародно говорилъ, что онъ прежде зналъ
новаго Царя; что сей Царь не сынъ Іоанна
Васильевича, а Гришка Опрещевъ (*Griska Tre-
peja*), бѣглець, обманщикъ, измѣнникъ; увѣ-
рялъ, что самъ училъ его чпенію и письму,
что знаешь его родину, его опца и машь,

знаешъ, почему родня посадила его въ монастырь, какъ долго тамъ онъ былъ и когда скрылся. Народъ, услышавъ такія рѣчи, схватилъ монаха и предспавилъ Царю. Чернецъ не испугался, говорилъ поже самое, и сѣмю называлъ Димитрія обманщикомъ. Его казнили мучительною смертію, безъ всякаго послѣдованія: *правда глаза колетъ*.“

„3) Гришкинъ родспвенникъ Елеазаръ Опрещевъ говорилъ и Московскимъ Боярамъ, и Польскому Королю Сигизмунду, предъ всѣмъ Сенашомъ, и Шведскому Государю Карлу IX, что инимый Димитрій былъ сынъ его брата и что заключенный опщевъ въ монастырь, за негодные поступки, для исправленія, онъ ушелъ тайно въ Польшу, научился тамъ военному искусству и по совъѣту злыхъ людей, недоброжелателей Боровыхъ, особенно какого-то монаха, называлъ себя Димитріемъ.“

„4) Князь Василій Ивановичъ Шуйскій, знавшій истиннаго Царевича, видѣвшій его мертвое тѣло и похоронившій оное, свидѣтельствował самозванство Опрещева. Гришка велѣлъ схватить сего уличеннаго, вывесивъ на площадь и положить на плаху, въ намѣреніи умершвишь его, если не опречется ошъ своихъ словъ. Князь, по слабости человѣческой, любилъ жизнь болѣе смерти, зажалъ себѣ ротъ и объявилъ, что всѣ слова его были клеветою: ибо онъ цѣнилъ жизнь

и обманъ дороже истины и славы, по обычаю Москвитинъ, которые не знаютъ различія между честію и безчестіемъ (?). И такъ его проследили и возвели въ прежнее достоинство.“

„5) Одинъ сподобившійся благородный спарецъ, служившій убитому Димитрію, увѣрялъ въ Угличѣ многихъ, что онъ видѣлъ своими глазами мертваго Царевича, что убитый былъ точно сынъ Іоанновъ, а неподложный ошрокъ, какъ разглашали крамольники, и что принявшій имя Димитрія былъ Самозванецъ.“

„6) Голландскій Аптекарь, Арендъ Клаузендъ, бывшій 40 лѣтъ при Царскихъ аптекахъ, свидѣтельствовалъ, что онъ видалъ истиннаго Димитрія еще младенцемъ, что сей Царевичъ былъ такъ же смугль, какъ и мать его, Марія Θεодоровна, а въ имени Димитрій этого сходства не замѣтно.“

„7) То же самое говорила благородная Лифляндка фонъ Тизенгаузенъ, которая безоплочно находилась при Царицѣ-матери, видѣла Димитрія мертвымъ въ Угличѣ и присутствовала на его погребеніи.“

„8) Лжедимитрій, свѣдавъ, что общій голосъ именовалъ его Самозванцемъ, пришелъ въ монастырь къ Царицѣ Маріи Θεодоровнѣ и объявилъ ей о своемъ намереніи вырыть изъ могилы и перенести на другое кладбище кости того Священническаго сы-

на, который былъ убитъ вмѣсто его и погребенъ какъ Царевичъ; но Царица опровергла такое предложеніе, ибо знала, что въ сей могилѣ покомлся прахъ ея собственнаго сына. Слѣдовательно, если бы Гришка былъ истинный Царевичъ, мать охотно исполнила бы его желаніе, для разсѣянiя неблагопріятныхъ ему слуховъ и для утвержденiя его на престолахъ. Называла же Царица обманщика сыномъ своимъ единственно потому, что сею ложью она возвратила себѣ прежнее достоинство, и что весь родъ Годунова, убійцы ея сына, долженствовалъ погибнуть.“

„9) Пепръ Басмановъ, вѣрный совѣтникъ и царедворецъ Лжедмитрія, пожертвовавшій за него жизнь, признавался по довѣренности многимъ людямъ, еще до смерти Самозванца, что Царь былъ не истинный Дмитрій, а другой человекъ; но какъ онъ правилъ Государствомъ благоразумно и Россiяне ему присягнули, то, говорилъ Басмановъ, мы должны быть имъ довольны и молить Всемогущаго Бога о его здравіи и благоденствіи; при томъ во всей Россіи нельзя найти лучшаго и умнѣйшаго Государя.“

„10) Знаменитый Польскій Вельможа Янъ Сапѣга говорилъ, что истинный Дмитрій былъ побочный сынъ Стефана Баторія (но это ложь: онъ былъ Гришка Отрепьевъ), что посему-то Поляки словомъ и дѣломъ, войскомъ и казною, помогали ему завоевать

Москву; что на зло Россіянамъ, Димитрій, сынъ Іоанна Васильевича, умерщвленный и въ Угличѣ и въ Москвѣ, опять воскресъ и долженъ покорить ихъ, хотя бы они перебѣсились опъ досады, что если и сей Димитрій погибнетъ, Поляки найдутъ другаго и непремѣнно завладѣютъ Московіею.“ *Muszk. Chron. 370—375.*

85) Руководствуясь правиломъ не выпускать изъ подлинника ни одного слова, переводчикъ оспавилъ и эту басню, выдуманную, вѣроятно, самимъ Беромъ. Онъ, какъ Люперакинъ, опровергающій дѣйствительность чудесъ, хотѣлъ объяснить богопосланные явленія употребленіемъ обыкновенныхъ средствъ подлога. Самое простое замѣчаніе доказываетъ нелѣпость его разсказа: авторъ вѣритъ, что припворившіеся слѣпыми дѣйствительно ослѣпли, и сомнѣвается, чтобы Св. Опрокъ подавалъ облегченіе вѣрующимъ! Между тѣмъ, безчисленные опыты свидѣтельствуютъ, что истинно-пламенная вѣра всегда можетъ шворить чудеса. Сверхъ того. Беръ разсказываетъ, что нарочно умертвили поповскаго сына: это случилось, по его же словамъ, въ Угличѣ и припомъ въ Іюль мѣсяцъ; спрашиваемъ всякаго безприсраспнаго, какъ могло бытъ свѣжо тѣло *подложнаго* Царевича, если привезли его за 350 верстъ, въ жаркіе дни? И почему не вѣритъ

неспѣшности Димитрія, когда всякъ, кто бывалъ въ Кіевѣ, видѣлъ своими глазами мощи Св. Угодниковъ? Чьи же останки могли быть священныя, если не девятилѣтняго опрока, такъ ужасно погибшаго? Однимъ словомъ, опровергая сказку дерзкаго иновѣрца, мы убѣждены въ истинѣ словъ нашихъ Лѣтописей и Государственныхъ бумагъ, кошоры единогласно свидѣтельствуютъ о семъ случаѣ такимъ образомъ: „Послали мы на „Угличъ (пишетъ Царь В. И. Шуйскій) по „мощи Царевича Димитрія Ивановича, Митрополища Ростовскаго Филарета, и Аспраханскаго Епископа Θεодосія, и Спасскаго „Архимандрита Сергія, и Андроновскаго Архимандрита Авраамія, и Боярь: Князь Иванъ Михайловичъ Ворошиинскаго и Пестра „Никишича Шереметева, и Григорія Θεодоровича и Андрея Александровича Нагихъ; и „писали къ намъ изъ Углича богомольцы „наши Ростовскій Митрополитъ и Аспраханскій Епископъ и Архимандриты и Бояре наши, что они мощи благовѣрнаго Князя Димитрія Ивановича *обрѣли*, и мощи „его цѣлыя, ничѣмъ невредимыя, только въ „нѣкоторыхъ мѣстѣхъ немножко пѣло вредилось, и на лицѣ плоть и на головѣ волосы цѣлы и крѣпкіе, и ожерелье жемчужное съ пугвицами все цѣло, и въ руцѣ лѣвой полощенице шафляное шитое золотомъ „и серебромъ цѣлое, кафшанъ весь шаковожъ

„и подъ кафтаномъ намчатое шипое золо-
 „томъ и серебромъ цѣло на плечѣхъ, и са-
 „пожки на немъ цѣлы, только подошвы на
 „ногахъ попоролися, а на персѣхъ орѣшки
 „положенные на персѣхъ горсть. Сказываютъ,
 „что коли онъ игралъ, пѣшился орѣхами и
 „ѣлъ, и въ ту пору его убили и орѣхи кровью
 „полились, и того для шые орѣхи ему въ гор-
 „сти положили и шые орѣхи цѣлы. И ко-
 „шорые были разслабленные различными бо-
 „лѣзнями, уздоровились отъ раки его Царе-
 „вича Дмитрія Ивановича, въ прошлыхъ лѣ-
 „тѣхъ и въ нынѣшнемъ 1606 году, и до ихъ
 „прїѣзду шамошніе люди принесли къ нимъ
 „письмо, и шое письмо здѣсь къ Москвѣ при-
 „слано. . . . И какъ понесли мощи его, мно-
 „жество больныхъ различными болѣзнями
 „уздоровилъ, и какъ его поспавили въ церк-
 „ви Архангела Михаила и опѣ его свя-
 „тыхъ мощей пролились рѣки милосердія,
 „много разслабленныхъ великимъ чудомъ уз-
 „доровились: впервое уздоровилъ различны-
 „ми болѣзнями содержимыхъ чловѣкъ 13, и
 „послѣдствѣ уздоровляти не перестаетъ всѣхъ,
 „которые къ нему приходятъ съ истинною
 „вѣрою.“ (*Собр. Госуд. Грам. II. 311—312*).

86) По словамъ Пепрея, въ 4 недѣли
 присягнули Самозванцу 14 городовъ и крѣ-
 постей.

87) Изъ нашихъ Государственныхъ бумагъ видно, что Волопниковъ былъ холопѣ Князя Андрея Теляшевскаго (*Собр. Госуд. Гр. II. 321*). То же говорятъ и Палицынъ, въ сказ. о осад. Тр. пом. стр. 34.

88) Съ 9,000 вооруженныхъ воиновъ, говорятъ Петрей. *Muszk. Chr.* стр. 387.

89) Сей новый бездѣльникъ былъ дворянинъ Михайло Молчановъ, убійца юнаго Царя Θεодора—черновикъ, съчтенный за шута въ Борисово время, какъ удостоверялся посолъ Василіевъ Князь Волконскій, бывшій тогда въ Краковѣ. *Кар. И. Г. Р. XII пр. 49.*

90) По свидѣтельству А. Палицына, это былъ холопѣ Свияжскаго головы Спрѣлецкаго, Григорія Елагина (*см. его Сказ. 31*). То же говорятъ и Царь В. И. Шуйскій въ окружной грамотѣ или манифестѣ 13 Октября 1607 года (*Собр. Госуд. Гр. II. 325*).

91) Посланникомъ былъ шотъ самый Петрей, который написалъ *Muszkowitische Chronica* (*см. наше предисловіе*). Онъ приѣхалъ въ Россію 1608 года.

92) Сіе любопытное происшествіе описано въ Лѣтописи о мятежахъ такимъ об-

разомъ: „Приде къ Царю Василью Муромецъ
 „сынъ боярскій, Оома Сунинъ сынъ Крав-
 „ковъ, и рече ко Царю Василью: дай мнѣ
 „посохи, язъ де попоплю Тулу. Царъ же Ва-
 „силій и Бояре посмѣяхусь ему, како ему
 „градъ Тулу попопнѣть! Онъ же съ прилеж-
 „ніемъ къ нему: вели меня казнитъ, будешъ
 „не попоплю Тулы. Царъ Василій даде ему
 „на волю; онъ же повелѣ со всей раши со-
 „всякаго человѣка привезти по мѣшку съ
 „землею, и нача рѣку подъ Тулою прудити;
 „вода учала прибывати. Царъ же Василій,
 „видя промышленіе, наипаче ему повелѣ со-
 „вершати, и повелѣ ему дати на пособъ
 „мельниковъ: онъ же рѣку запрудилъ и градъ
 „Тулу попопилъ совсѣмъ.“ (*Рус. Лѣт. по Ник.
 списку VIII. 91*).

93) Въ подлинникѣ *Slobo*; у Пепрея *Socola* въ Бѣлоруссіи: вѣроятно, нынѣшнее мѣстечко Соколъ въ Витебской Губерніи.

94) По свидѣтельству нашихъ Государственныхъ бумагъ и достовѣрнаго писателя Кобѣржицкаго, сей негодяй, извѣстный въ послѣдствіи подъ именемъ Тушинскаго Вора, былъ *Жидѣ* (*Кар. И. Г. Р. XII пр. 138*). Такъ описываетъ его очевидецъ Маскѣвичъ: „Онъ былъ изъ проспаго званія, весьма грубъ въ обращеніи, имѣлъ дурныя привычки, и въ разговорахъ употреблялъ самыя пошлыя“

ныя выраженія; почему Мѣховецкій, для своихъ выгодъ, училъ его свѣтскости и Польскому обращенію, по примѣру перваго Дмитрія (*Отречьева*), который былъ человекъ вѣжливый и обходительный.“ См. *Дневникъ Сам. Маскѣвца, въ 5 части Сказан. Соврем. о Дим. Самоз.*

95) См. выше примѣчаніе 90.

96) Беръ безъ пощады бранилъ Русскихъ; но у насъ не было измѣнниковъ подобныхъ Гансъ-Бергу.

97) Скопинъ заключилъ въ Выборгѣ 28 Февраля 1609 года съ Шведскими Полномочными договоръ, по коему Карлъ IX обязался прислать намъ на помощь 5,000 воиновъ; а мы должны были давать имъ жалованья по 100,000 ефимковъ въ мѣсяцъ и сверхъ того въ знакъ признательности уступить Кексгольмъ. (*Собр. Госуд. Гр. II 376*). См. также Пестря, который считалъ, вмѣсто 100,000 ефимковъ, 32,000 руб., или по его словамъ, 10,000 талеровъ. *Muszk. Chr. 412*.

98) Беръ былъ человекъ не глупый; но часто, какъ и въ семъ случаѣ, не лѣзя не сѣяшья надъ его сужденіями.

99) Митрополитъ Филаретъ возведенъ

въ достоинство Патріарха гораздо послѣ, уже въ царствованіе сына его Михаила Осодоровича. Впрочемъ *см. Маскѣвша въ 5 части Сказ. Собр. о Дим. Самоз.*

100) Сей Шведъ, по словамъ Пепрея, былъ Капитанъ Біугге, родомъ изъ Шведской провинціи Гелсингеланда, взяшій въ плѣнъ Іоанномъ IV въ Ливоніи и жившій въ Россіи лѣтъ шридесятъ.

101) По словамъ Пепрея, Лисовскій привелъ 5000 Казаковъ и 600 всадниковъ.

102) Эпоптъ полкъ состоялъ изъ 2000 человекъ и находился подъ начальствомъ Пруссакъ Людвигъ Вайера. *Днев. Маскѣвша.*

103) „Сдѣлали 80 лѣстницъ, однѣ вышиною, какъ самыя высокія деревья въ лѣсу, и такой ширины, что 5 или 6 человекъ могли всходить рядомъ; другія привѣшивались къ подвижнымъ подѣмамъ, которые были построены на подобіе висѣлицъ, и къ коимъ лѣстницы доходили до половины: войско, идучи на шпуръ, катило ихъ предъ собою. Съ помощію сихъ лѣстницъ взять былъ Смоленскъ.“ *Днев. Маскѣв. въ 5 части Сказ. Собр. о Дим. Самоз.*

104) „Воеводою Смоленскимъ былъ Шеинъ,

храбрый и опытный воинъ, не разъ уже бывавшій на полъ чеспи,“ говоришь Маскѣвичъ—врагъ Русскихъ.

105) Достовѣрнѣе извѣстіе Пепрея, который говоришь, что „Шуйскій, не получивъ опъ Сигизмунда на просьбу свою опъвѣта и негодуя на его коварство, послалъ гонца къ Смоленскому Воеводѣ съ повелѣніемъ оборониться всѣми силами.“ (*Далѣе согласно съ Беромб*). *Miszkow. Chron. 120.*

106) См. выше примѣчаніе 97. Это былъ топъ самый Делагарди, кошораго Густавъ Адольфъ называлъ своимъ училелемъ въ военномъ искусствѣ. *Wagner's Gesch. d. Nord. IV. 918.*

107) Рязанскій дворянинъ Прокопій Ляпуновъ, по словамъ Карамзина—„созданный бытъ вождемъ и повелителемъ людей въ мяшумахъ и буряхъ, одаренный красотою и крѣпостію цѣлесною, силою ума и духа, смѣлостію и мужествомъ,“—сначала сражался за шѣнь Димитріа, въ послѣдствіи увидѣлъ обманъ и хотѣлъ спасти Вѣру и Ошечество. Подьяки избавились опъ сего страшнаго мстителя гнуснымъ вѣроломствомъ: при осадѣ ихъ вѣрными Россіянами въ Москвѣ въ 1611 году, Гонсѣвскій написалъ почеркомъ Ляпунова письмо, гдѣ выставилъ

его предашелемъ, распустилъ оное въ Русскомъ войскѣ: обманушыя Казаки зарубили героя въ куски. *Дневн. Маскѣвича въ 5 части Сказ. соврем. о Дим. Самоз.*

108) Марина, кажется, не очень была довольна своею участью. Вошъ ея собственноручное письмо къ опцу отъ 23 Марта 1609 года изъ Тушинскаго лагеря: „О дѣлахъ моихъ не знаю, что пишешь; вижу только проволочку со дня на день; нѣшъ ни въ чемъ исполненія; со мною поспепають такъ же, какъ и при васъ; не такъ, какъ было обѣщано при отъѣздѣ нашемъ родительскомъ... Помню, Милосливый Государь Баяюшка, какъ Вы съ нами кушали лучшихъ лососей, и старое вино пить изволяли: этого здѣсь нѣшъ; если имѣете, покорно прошу прислать.“ *Собр. Госуд. Гр. 360.*

109) Петрей, по своему обычаю, приписываетъ сію побѣду одному Шведскому Полководцу и говоритъ, что Скопинъ, не хотѣвшій вступить въ битву, по счастливомъ окончаніи оной, со слезами благодарилъ Понюса. *Muszkow. Chron. 122.*

110) День Св. Мартина (11 Ноября) Западные Христіане праздновали въ старину какъ можно веселѣе, въ воспоминаніе угощенія Св. Мартина (жившаго въ IV столѣтіи)

Императоромъ Римскимъ Максиминиомъ. Гусъ былъ необходимо принадлежностію сего празднества.

111) *Kotornik*—Спальникъ, чертожникъ, постельничій. См. Linde, *Słownik języka Polskiego*.

112) „По двою мѣсяцу пришестья его „къ Москвѣ, мало поболѣвъ, спрашный юноша ко Господу отъиде: но не вѣмы убо, како реши, Божій ли судъ нань поспѣше, или „злыхъ челоѣкъ умышленіе совершися? Единый создавый насъ се вѣсть.“ *А. Палицынъ, въ Сказаніи о осадѣ Троиц. мон. 203.*

„Мнози же на Москвѣ говоряху шо, что „испортила его шепка его Княгиня Кашерина, Князь Дмистріева Шуйскова.“ (*Рус. Лѣт. по Ник. сп. VIII. 132*).

„Князь Михаилъ,—пишетъ современный Историкъ,—имѣлъ 23 года отъ рожденія (въ 1609), прекрасную душу, умъ не по лѣтамъ зрѣлый, наружность, осанку пріятную, искусство въ битвахъ и въ обхожденіи съ иноземнымъ войскомъ“ (*Карализ. И. Г. Р. XII 154*). Замѣчательно, что изъ всѣхъ Русскихъ одинъ только Шуйскій-Скопинъ не заслужилъ укоризны отъ Бера, который называетъ его даже Героемъ. Хвалишь и Васильева, но кажется болѣе какъ друга и покровителя Нѣмцевъ.

115) Описывая Клушинскую битву, споль дошпопамятнуню слѣдствіями, Петрей виинишъ Россіянъ въ неудачѣ, говоря, что они разбѣжались въ малодушной робости. Это обвиненіе несправедливо. См. Дневникъ Маскѣвича въ 5 томѣ Сказаній современниковъ о Димитріи Самозванцѣ.

114) Погорѣлое городище, древній городъ, нынѣ село, въ Тверской Губерніи.

115) Въ моемъ спискѣ ихъ нѣтъ.

116) Сигизмундъ задержалъ нашихъ пословъ—Митрополита Филарета и Князя Голыцына съ поварями, и отправилъ ихъ въ Польшу, какъ плѣнниковъ, вопреки всѣмъ правамъ народнымъ. Вообще извѣстія Бера о избраніи Владислава весьма неудовлетворительны.

117) „Предлагали ему, пишетъ Маскѣвичъ, чтобы онъ покорился Королю и удовольствовался Гродномъ и Самборомъ; но онъ этого не захотѣлъ, себѣ на бѣду, ибо до сихъ поръ могъ бы спокойно ѣсть свой кусокъ хлѣба.“

118) О занятіи Поляками Москвы см. Дневникъ Маскѣвича въ 5 томѣ Сказаній современниковъ о Димитріи Самозванцѣ.

119) Вѣроятно въ одной только Калугѣ. „Евожъ вора взяша и погребоша честию въ „Соборной церкви у Троицы; а Сердомирско- „ва дочь Маринна, которая была у вора, „роди сына Ивашку; Калужскіежъ люди всѣ „тому обрадовашась и называху его Царени- „чемъ и крестилиху его честию.“ (Рус. Лѣт. по Ник. сп. VIII. 150).

120) Марина въ 1611 году предалась Ивану Заруцкому, и по восшествіи Михаила Феодоровича на престолъ, удаллась въ Аспираханъ, откуда хотѣла бѣжать съ Заруцкимъ и сыномъ въ Персію; но въ 1614 году была схвачена на Уралѣ (Соб. Госуд. Гр. III. 104), и привезена въ Москву: сама она кончила пресуппную жизнь въ Московской шеницѣ, Заруцкій посаженъ на колъ, а сынъ ея повѣшенъ (Рус. Лѣт. по Ник. сп. VIII. 213).

121) Письмо сіе, кажешся, весьма сомнительно.

122) По извѣстію Пешрея, эта грамота была прислана жишелями Калуги. Muszkow. Chron. 22.

123) Въ Январѣ 1611 года жишели Москвы дѣйствительно розослали грамоты въ разные города Русскіе, только не въ такомъ

смыслъ, какъ разсказываетъ Беръ: Москвитяне убѣждали единоземцевъ крѣпко стоять за вѣру и опечетство (*Собр. Госуд. Гр. II. 495*).

124) Беръ называетъ его *Ianchooski*, Пешп-рей *Solkouski*: Намѣстникомъ былъ Гонсѣвскій, какъ видно изъ *Дневника Маскѣвича*.

125) Въ Дневникѣ Маскѣвича: „Случилось, что солдашъ, изъ роты Масховскаго, Блиновскій, стоя на караулѣ у однихъ воротъ, выстрѣлилъ нѣсколько разъ пьяный въ образъ Пресвятой Богородицы, написанный въ сихъ воротахъ на стѣнѣ. Бояре жаловались на это Гонсѣвскому. Присудили Блиновскаго къ колесованію; но потомъ переѣмили родъ казни: отрубили ему руки, и шло, положивъ на костеръ, сожгли.“

126) Въ подлинникѣ *Pogalaken*. Пахолками въ Польскомъ войскѣ называлась лагерная челядь. *Linde, Słownik Jęz. Polsk.*

127) Чѣмъ доспавишь чипашелю полную возможность судишь о духѣ, въ которомъ писалъ Беръ, переводчикъ рѣшился удержать и сіе безмысленное выраженіе.

128) Такъ честишь Беръ нашихъ предковъ за великій подвигъ, кошорому удивляется потомство!

129) Всякому извѣстно, что сей Патриархъ былъ великодушный Ермогенъ: попомство произнесишь имя его съ благоговѣніемъ. Онъ умеръ въ темницѣ жертвою усердія къ Вѣрѣ и любви къ Отечеству.

Конецъ первой части.

ОГЛАВЛЕНІЕ

БЕРОВОЙ ЛѢТОПИСИ МОСКОВСКОЙ.

ГЛАВА I.

ЦАРСТВОВАНІЕ ТЕОДОРА ІОАННОВИЧА.

Смерть Іоанна IV. Характеръ Теодора. Годуновъ Правитель. Свойства его. Младенчество Дмитрія. Убіеніе Царевича. Пожаръ Московскій. Кончина Теодора. Романовы опровергають свѣдѣніе 1.

1584—1593.

ГЛАВА II.

ЦАРСТВОВАНІЕ БОРИСА ГОДУНОВА.

Дѣятельность Правителя и сестры его. Избраніе Годунова Царемъ. Посолъ Хана Крымскаго. Коронованіе Бориса. Попеченіе его о Государствѣ. Намѣреніе просвѣтити Россію. Благоклонность къ иностранцамъ. Гуспавъ, Герцогъ Шведскій. Врачи иностранные. Союзъ съ Римскимъ Императоромъ. Посолъ Турецкаго Султана. Сношенія съ разными Государями. Іоантъ, Герцогъ Датскій, женихъ Ксеніи. Честъ Ливонскимъ выходцамъ. Посольство отъ Ганзы. Спроеіе городовъ. Замыселъ Богдана Бальскаго. Романовы 6.

1598—1604

ГЛАВА III.

Отрѣзвѣзъ. Явленіе Самозванца. Князь Вышневецкій. Письмо къ нему отъ Годунова. Донесеніе Тиреевѣда. Волненіе Казаковъ. Неудача Степана Годунова. Недоумѣніе Борисово. Страшный голодъ. Цесарскій посолъ въ Москвѣ. Знаменія. Развратъ вѣка. Царскій Астро-

логъ. Осада Пушкова Самозванцемъ. Ополченіе Борисово. Мужество Басманова. Сраженіе Добрынское. Маржеретъ. Изгнана Болръ. Осада Кромъ. Апаманъ Корела. Кончина Годунова. 31

1604—1605.

ГЛАВА IV.

ЦАРСТВОВАНІЕ ТЕОДОРА БОРИСОВИЧА.

Басмановъ, главный вождь. Изгнана войска. Варноспъ Намцевъ. Милежъ въ Красномъ селѣ. Бунтъ въ столицѣ. Заточеніе Царскаго семейства и всего рода Годуновыхъ. Бѣдствіе врачей иноземныхъ. Самозванецъ въ Серпуховѣ. Убіеніе Теодора и мащери его . . . , . 52

1605.

ГЛАВА V.

ЦАРСТВОВАНІЕ ДИМИТРІЯ I.

Самозванецъ подъ Москвою. Преданность народа. Милость Намцамъ. Вшествіе въ столицу. Свиданіе съ матерью Св. Димитрія. Свойства обманщика. Обрученіе съ Мариною. Первый поводъ къ неудовольствію. Гвардія. Капитанъ Маржеретъ. Притѣсненіе Духовенства. Неудача Шуйскаго. Вонскія погѣхи. Прибытіе Марины. Всеобщее негодованіе. Заговоръ Шуйскаго. Свадьба. Возстаніе Москвы и смерть Лжедимитрія 59.

1605—1606.

ГЛАВА VI.

МЕЖДУЦАРСТВІЕ.

Убіеніе Поляковъ. Изступленіе народа. Переговоры Болръ съ Мариною и опщемъ ея. Трупъ Самозванца на Красной площади. Минное чудо надъ тѣломъ его. Молва о спасеніи Димитрія. Свидѣтельство Бера. Свойства Самозванца. Доказательство, что онъ не былъ Димитрій: слова Басманова и другихъ свидѣтелей современныхъ . . . 86.

1606.

ГЛАВА VII.

ЦАРСТВОВАНИЕ ВАСИЛІЯ ШУЙСКАГО.

Избраніе Шуйскаго. Письмо его къ Сигизмунду. Опиваніе Короля. Крамола. Перенесеніе мощей Св. Димитрія. Чудеса. Измѣна и бѣгство Князя Шаховскаго. Волненіе въ Пушину. Начало войны междоусобной. Пораженіе Царскаго войска. Честь праху Бориса Годунова. Бѣдствіе Царевны Ксении 106.

1606.

ГЛАВА VIII.

Паниковъ подѣ Москвою. Болотниковъ. Свиданіе его съ новымъ Самозванцемъ. Измѣна Калуги. Лжепетръ вступаетъ въ Россію. Предложеніе Карла Шведскаго. Вѣроломство Фидлера. Осада Калуги и Тулы. Самозванецъ въ Спародубѣ. Взятіе Тулы. Твердость Болотникова. Неудача Васильева. Лжедимитрій подѣ Брянскомъ и Болховымъ. Бѣгство. Предатель Ламдорфъ. Димитрій подѣ Москвою. Марина въ его рукахъ. Недоуманіе столицы. Осада Троицкой Лавры. Бѣдствіе Ростова и Ярославля. Филаретъ 114.

1607—1608.

ГЛАВА IX.

Тушинскій лагерь. Осада Смоленска Сигизмундомъ. Письмо Шуйскаго. Прибытіе Делагарди. Лянуновъ. Волненіе сѣверовосточной Россіи. Бѣдствіе Ярославскаго Воеводы Шмидта. Марина—жена Тушинскаго Вора. Высокомеріе Самозванца. Победы Михаила Скопина. Набѣги Лисовскаго 147.

1609.

ГЛАВА X.

Рожинскій передается Сигизмунду. Бѣгство Самозванца въ Калугу. Злоба на Поляковъ и Намцевъ. Волненіе Тушинскаго лагеря. Смерть Воеводы Спадинскаго. Тайный пріездъ Марины въ Калугу. Скопинъ и Делагарди спаса-

юють Росію. Смерть Скопина. Переговори Сигизмунда
 съ Поляками. Битва Клужинская. Звѣрство Ажедини-
 ріа. Беръ осужденъ на смерть. Онъ спасаетъ себя и Нав-
 щевъ. 157.

1610.

Г л а в а X I.

Жолтвскій подѣ Москвою. Измѣна Ляпунова. Низложеніе
 Шуйскаго. Посольство къ Сигизмунду. Присяга Вла-
 диславу. Последнее покушеніе Самозванца овладѣть Мо-
 сквою. Бѣгство его. Посольство въ Астрахань. Безу-
 мыя дѣла. Смерть Хана Касимовскаго. Пѣтръ Ерусла-
 новъ. Умерщвленіе Самозванца. Марина и сынъ ея. Шуй-
 скій въ плѣну. Свиданіе его въ Варшавѣ съ посломъ Ту-
 рецкимъ. Грозное письмо Султана къ Сигизмунду . . 181.

1610.

Г л а в а X I I.

Владислава признають Царемъ во всей Россіи. Своеволь-
 ство Поляковъ въ Москвѣ. Негодованіе народа Правосу-
 діе Гонимскаго. Всеобщая ненависть къ Полякамъ. Ссо-
 ры съ ними. Тщешныя усилія Намѣстника. Вербное Во-
 скресеніе. Патриархъ виновникъ возстанія. Кровопроли-
 тіе въ сполницѣ. Мужество Маржерета. Пожаръ и разо-
 реніе Москвы. Полковникъ Струсъ. Патриархъ въ шен-
 ницѣ. Непослѣдство Поляковъ. Ляпуновъ осаждастъ ихъ.
 Сапѣга и Ходковичъ. Заключеніе. 194.

1601—1612.

УКАЗАТЕЛЬ

**СОБСТВЕННЫХЪ ИМЕНЪ И ГЛАВНѢЙШИХЪ
ПРЕДМЕТОВЪ, УПОМИНАЕМЫХЪ ВЪ БЕРО-
ВОЙ ЛѢТОПИСИ.**

Составляя сей Указатель, я имѣлъ въ виду:

- 1) Облегчить желающему пользоваться Беровою Лѣтописью трудъ изслѣдованій.
- 2) Показать, какъ писалъ Авторъ имена собственныя. Въ тексты я счелъ удобнѣе соблюсти правильное названіе лицъ, городовъ и проч.; мнѣ казалось смѣшно писать съ Берою *Гуденовъ*, вмѣсто Годуновъ, *Красна село*, вмѣсто Красное село, *Цирнахъ* вмѣсто Серпуховъ. Если же я ошибался въ *предложеніи*, читатель, взглянувъ въ Указатель, поспѣетъ замѣнить мою погрѣшность, и по благосклонности къ переводчику, исправить ее.
- 3) Объяснить, по мѣрѣ возможности, мѣстоположеніе упоминаемыхъ въ Беровой Лѣтописи небольшихъ городовъ, селъ, монастырей, о коихъ не сказано ничего въ примѣчаніяхъ, изъ опасенія распылить оныя.

УКАЗАТЕЛЬ.

- Ааленъ** — Georg von Aalen, измѣнилъ Шуйскому. 135.
Азовъ — Azow, столица Татарскаго Хана, 64.
Алекардички — Helleparten, 66.
Александровская слобода — Alexandrinische Sloboden, (нынѣ Александровъ, Владимірской Губер. въ 156 верс. отъ Москвы), 156.
Александръ Никитичъ Романовъ — Alexander Mikitiwitz, отвергаетъ скипетръ, 5.
Алексѣй Писарь — Alexius Schreiber, спутникъ Димитрія II, 125. Открываетъ его въ Стародубѣ, 126.
Англійское подворье — Englisch. Hoff, 100.
Андроновъ — Andronow; злоба на него Москвитянъ, 202.
Арбатъ — Harbat, 22. 67. 206.
Астраханское Царство — Astracanisch. Reich, 187.
Аугсбургскіе купцы, 89.
Басмановъ — Peter Fedrowitz Bosmanno, защищаетъ Новгородъ Сѣверскій 46. Награда Борисова, 47. Главный вожь Царскаго войска и измѣнникъ, 52. Любимецъ Димитрія, 79. Смерть Басманова, 80. Трупъ его на площади, 99. Признается Бери, что Димитрій — Самозванецъ. 102.
Баззунцевъ — Bezubtzew, 131.
Бенскій — Bensku, врачъ Бориса Годунова, 15.
Бергъ Гансъ — Hans Berg, строломный Ливонецъ, 133.
Бергъ Іоachimъ — Iochim Berg, измѣнникъ Шуйскаго, 135.
Беръ — Martinns Bäer, Neostadensis, призъжасъ въ Россию, 17. Узнаетъ отъ Поляковъ, что Лжедимитрій I былъ побочный сынъ Стефана Баторія, 32. Свидѣтель страшнаго голода въ Москвѣ, 38. Говоритъ въ Кремлѣ Лютиеранскую проповѣдь, 77. Свидѣтель бунта въ Москвѣ, 90, и смерти Димитрія I, 101. Распрашиваетъ о немъ Басманова, 102; Придворнаго Аптекаря, 103; Повивальную бабку, 103; Углицкаго Дворцоваго сторожа, 104; Санъгу, 105. Миланіе Бера о Димитріи, 105, и Пепрѣ Огородовичѣ, 150. Время, когда онъ писалъ свою Лѣтопись, 150. Гошеніе Димитрія II, 161. Спасаетъ многихъ Нѣмцевъ отъ смерти, 172. Свиданіе его съ Фрейлиппомъ Марни, 175. Преданность Димитрію II, 174. Сочиняетъ предъ смертію псалмы, 176. Переселяется въ Калугу, 180. Свидѣтель разрушенія Москвы Поляками, 208.

Божій домъ—Bosedum, 39. 89. 99. 100.

Болотиниковъ — Iwan Isaiwitz Polutnich, соединяется съ Пашковымъ, 114. Дала его до прибытія въ Россію, и свиданіе съ Димитріемъ II, 115. Приходитъ въ Путивль, 115. Осаждаетъ Москва, 116. Ссора съ Пашковымъ, 116. Разбитъ Шуйскимъ, 117. Укрепляется въ Калугѣ, 118. Сосдиненіе съ Петромъ Θεодоровичемъ, 122. Сраженіе съ Шуйскимъ близъ Серпухова, 122. Осажденъ въ Тулѣ, 123. Свидѣтельство его о Димитріи II, 123. Посылаетъ за нимъ Заруцкаго, 124. Является къ Шуйскому, 129. Умерщвленъ по Царскому повелѣнію, 130.

Болховъ — Belchow Орлов. Губерн.) 127. 133. Сраженіе Димитрія II съ Шуйскимъ, 136.

Борисгородъ — Borisgorodt (на Дону), 99.

Борисъ Θεодоровичъ Годуновъ — Boris Fedgowitz Gudenow, избранъ въ Правители Государства, 2. Благоразумное правленіе его, 3. Умерщвляетъ Царевича Димитрія, 4. Поджигаетъ Москву, 4. Беретъ Царскій скипетръ, 5. Избраніе его Царемъ, 7—10. Коронованіе, 11. Милости, 22. Обищъ его, 12. Заботливость о просвѣщеніи Россіи, 13. Милость Ливонскимъ купцамъ, 13. Покровительствуетъ Густаву Шведскому, 14. Вызываетъ врачей Нѣмецкихъ, 15. Милость къ нимъ, 16. Дозволяетъ выстроить въ Москвѣ Лютеранскую церковь, 16. Сношенія съ иностранными державами, 17—18. Прѣзрѣніе къ Султану, 18. Милость выходцамъ Ливонскимъ, 18—28. Угощаетъ Нѣмцевъ, 26. Привилегіи Любеку, 28. Строеніе городовъ, 29. Зложелатели, 30. Вѣсть о Димитріи

Самозванца, 31. Предложеніи Вишневецкому, 35. Розыскъ о смерти Димитрія, 37. Ужасный голодъ, 37—39. Тщеславіе Борисова, 41. Начало войны съ Димитріемъ, 42. Знаменія, 43. Царскій Астрологъ, 45. Ополченіе на Самозванца, 46. Измѣны, 49. Награды за битву Добрынскую, 50. Предательство Болгаръ подъ Кромами, 51. Кончина Борисова, 51. Характеръ его, 58. Перенесеніе тѣла его, 112.

Борисовъ — Boristhenes, 52.

Борковский — Borchofsky, Капитанъ Нѣмцевъ, 202.

Болгары, — Boiagen, избираютъ Годунова въ Правители, 2. Опасаются Царевича Димитрія, 4. Завидуютъ Борису, 6. Избираютъ его Царемъ, 8. Прислуживаютъ за Царскими столами, 25. Крамола, 30. Щедрость ихъ во время голода, 49. Замыселъ противъ Димитрія, 69. Ненависть къ Нѣмцамъ, 70. Ссоры съ Димитріемъ, 76. Коварство, 78. Соединяются съ Шуйскимъ, 80. Оскорбленіе Марии и Фрейлинь ея, 82. Умерщвляютъ Димитрія, 83. Переговоры ихъ съ Мариною, 92, и съ Восводою Сендомирскимъ, 93—98. Толпы ихъ въ Тушинскомъ лагерѣ, 141. Злословятъ Нѣмцевъ, 171.

Брамбахій — Brambachius, Секретарь Любскаго посольства, 28.

Брянскъ — Brantzky (Орлов. Губер.), осажденъ Димитріемъ II, 133.

Бѣлая стѣна — Weisz-Wand, 207. Бѣлка — Below, (Тульской Губ.), 127.

Бѣлоозеро — Beloszer, 98.

Бѣлоруссія — Weisz-Reusland, 32.

Бѣлый Царь — Belozar, 150.

Бѣльскій — Bogdan Bielski, измѣняетъ Борису, 29. Крестъ

- ный отецъ Димитріевъ, 36. Вяземская обитель — Weom a (нынѣ Вязема, въ 30 верстахъ отъ Москвы по Можайской дорогѣ), 69.
- Вязьма — Weesma (гор. Смолен. Губер.), 70.
- Валериановъ дѣнь — Valerianu Tag, 47.
- Валуевъ — Mulnick, убиваетъ Димитрія I, 84.
- Вандеманъ — Albertus Vandeman, Капитанъ гвардіи Димитрія I, 66.
- Васмеръ — Vazmer, врачъ Бориса Годунова, 15. Лейбъ-Медикъ Шуйскаго, 108.
- Варьяновъ Воскресенье: достопамятный обрядъ, 203.
- Вертумпъ — Vertumpus, (Богъ плодотворенія, супругъ Помоны, принимавшій на себя разные виды, смотря по времени года), 162.
- Висновецъ — Wesnowitz (въ Подоліи), 35.
- Виссепъ — Tönnirg von Wissen, сообщникъ Ганса Берга, 134.
- Висневекскій — Adamus Wesnewetzki, принимаетъ Димитрія Самоозваница, 32. Инокровительствуетъ ему, 33. Предложеніе Годунова, 34. Спасаетъ Димитрія, 35. Помогаетъ Димитрію II, 134.
- Владиславъ — Vladislaus, побрея Царемъ. 184.
- Власевъ — Arphanassi Ivanowitz Flazi и Velaci, посолъ Димитріевъ въ Польшу, 65.
- Водяныя ворота — Wasser-Pforten (въ роулино Москворѣцкіе), 199.
- Воздвиженское — Wosdwisenskoe, (въ 10 верстахъ отъ Троицкой лавры), 143.
- Вологда — Wolochta, 98. 145. 150.
- Волуевъ — Woluof, 168. Слѣдетъ Жолкавскому, подъ Клушинымъ, 170.
- Вольные люди — Wolnaludy, Freubeuter, въ роулино Шинши, или Русскіе того времени партизаны), 181.
- Воръ — Wor, 129. 141. 142.
- Гавригъ — Gabriel, Капитанъ и Лейбъ-Медикъ Борисовъ, 30.
- Гайдуки — Haiducken (старинные Польскіе солдаты, одѣтые по-Венгерски), 72.
- Галичъ — Calitz, (гор. Костр. Губерн.), покоренъ Димитрію II, 145. 150.
- Ганза — Hanzse, проситъ у Бориса льготы, 28.
- Гекторы — Hektor, 65.
- Гермеръ — Hermerz, Бургомистръ Любекскій, 28.
- Гильбертъ — Gilberts, 173. 178.
- Гилькенъ — Hilken, врачъ Бориса Годунова, 15.
- Годуновъ Борисъ Феодоровичъ, см. Борисъ.
- Годуновъ Иванъ Ивановичъ упоминаетъ въ Окъ, 134.
- Годуновъ Степанъ Степановичъ, разбитъ Казаками, 36.
- Годуновы: бѣдствіе ихъ, 55.
- Голицынь — Ivan Kulitau, погребаетъ Басманова, 99.
- Голышевскій — Jonshevsky, Памѣтливъ Владислава въ Москвѣ, 195. Ссора его съ Москвитянами, 200. Разрушеніе Москвы, 207—209.
- Гревскеръ — Jürgen Grebsberg, Коморникъ Маринъ Миншескъ. 177.
- Гришка — Griske, см. Опреньевъ.
- Губеманъ — Germann Gubemann, Пасторъ Лютеранскій, 17.
- Гундуговъ — Andreas Gundugow 204.
- Густавъ — Gustavus, Шведскій Принцъ, прѣзжаетъ въ Россію, 13. Сосланъ въ Угличъ, 14. Смерть его и погребеніе, 14.

Даниловскій монастырь — Danilofsky, (нынѣ гор. Даниловъ въ Ярослав. Губерн.), 146.

Делагардъ — Pontus de la Gardie, помогаеиъ Шуйскому, 150. Пораженіе Керносницкаго, Зборовскаго и Сапѣги, 154—155. Освобождаетъ Троицкій монастырь отъ Поляковъ, 157. Вступленіе въ Москву и милость Шуйскаго, 166. Разбитъ Жолкъвскимъ при Клушинѣ, 169.

Димитрій Іоанновичъ — Demetrius Iwanovitz, (Царевичъ), удаляется въ Угличъ, 2. Младенчество и характеръ его, 3. 103. Умерщвленъ Борисомъ, 4. Мощи его, 108.

Димитрій I — Demetrius I, побочный сынъ Стефана Баторія, 32. Слуга Князя Вишневецкаго, 32. Называется себя Царевичемъ, 33. Пребываніе въ Вишневецѣ, 35. Переходитъ къ Воеводѣ Сендомирскому, 36. Осаждаетъ Путивль, 45, и Новгородъ Северскій, 46. Первая бѣдѣ, 47. Сраженіе Добрыньское, 48. Бѣгство въ Рыльскъ, 49. Грамота, 50. Покорюсиль Москвитянъ, 53. Письмо къ Красносельцамъ, 57. Вступленіе въ столицу, 59. Коронованіе, 61. Свиданіе съ матерью, 62. Характеръ и свойства его, 63. Намѣреніе воевать съ Магомедомъ, 64. Обрученіе съ Мариною, 65. Гвардія, 66. Отбираетъ нѣмцыя монастырскія, 67. Милуетъ Шуйскаго, 68. Маневры Вяземскіе, 69. Свиданіе съ Мариною въ Можайскѣ, 71. Заговоръ Шуйскаго, 74. Бракъ съ Мариною, 76. Презрѣніе народныхъ обычаевъ, 77. Безличность, 78. Мужество во время всеобщаго мятежа, 80. Бѣгство его, 81, и смерть, 83—85. Забоа, Дмитровскъ — Mitrofsk, (нынѣ

народная, 99. Минное чудо надъ трупомъ его, 100. Развѣтвіе праха, 101. Достоинства и недостатки, 101. Сандишельство Берово о самозванствѣ его, 102—105. Молва о спасеніи его, 109—110. Путивль присагаетъ новому обманику, 111. Онъ посылаетъ въ Россію Болотникова, 115. и оспариваетъ въ Поляхъ, 117. Димитрій II — Demetrius secundus; родина его, 124. 184. Является въ Путивль и Стародубъ, 125. Единоборство съ Заруцкимъ, 127. Зимовка въ Самовѣ, 128. Помощь Поляковъ, 133. Осаждаетъ Брянскъ, 133. Сраженіе подъ Быховымъ, 136. Подступаетъ къ Москвѣ, 138. Шадитъ столицу, 139. Захватываетъ Серину, 140. Договоръ его съ Сендомирскимъ, 140. Свиданіе съ Мариною, 141. Посылаетъ Сапѣгу подъ Троицкій монастырь, 143. Покореніе Переславля, Ростова, Ярославля, Косипромы, Галича, Вологды, 145. Число войска его, 147. Измѣна Свѣровосточныхъ городовъ, 150. Мужъ Марины, 153. Гордость и титулъ его, 153. Злоба на Нѣмцевъ, 154. Бѣгство въ Калугу, 159. Истребляетъ Поляковъ, 160. Примиреніе съ ними, 168. Истребляетъ Нѣмцевъ, 171. Презрѣніе къ Маринѣ, 175. Милуетъ Нѣмцевъ, по ходатайству ея, 177. Благоволеніе къ Нѣмцамъ, 178. Упреки Русскимъ Боларямъ, 179. Сожигаетъ Папушнѣвъ монастырь, 182. Приступъ къ Москвѣ, 186. Бѣгство въ Калугу, 186. Намѣреніе бѣжать въ Астрахань, 187. Безумство, 188. Смерть его, 189. Димитрій Солунскій — Mitrofsk. Ionski, (монастырь во Владиміръ), 14.

- Димитровъ, Московск. Губери. 157. 161.
- Диванъ — Nepper, 149.
- Добрыничи — Dobrinitz, (село Иосифовъ монастырь — Osipow Kloster, (Москов. Губерніи, на рѣкѣ Сѣвѣ, въ 30 верст. отъ Волоколамска). 165. 170.
- Дорогоубъжъ — Dorogobus, 70.
- Дзвничій монастырь, 58, 212.
- Елецъ — Geleetz, (Орловской Губери.), 64. Сраженіе Москвитянъ съ мажечниками Пущинскими, 111.
- Ерусаловъ — Fürst Peter Roszlan, 188.
- Жолкавскій — Stanislaus Iolkouski, поражаетъ Русскихъ и Нѣмцевъ при Клаузинѣ, 169. Осаждаетъ Москву, 181.
- Договоръ съ Москвитянами о избраніи Царемъ Владислава, 184.
- Заруцкій — Iwan Martinowitz Zaruzski, описываетъ Димитрія II, 124. Передается ему, 126. Удаляется къ Сигизмунду, 162.
- Збаржскій — Zbarasky, 157.
- Зборовскій — Jzborowsky, разбитъ Скопинскимъ, 154. Переговоры при Клаузинѣ, 170.
- Иванова ночь — S. Johannis Nacht, 139.
- Ивановъ день — S. Johannis Tag, 169.
- Иванъ Никитичъ — Iwan Mikitiwitz, (Романовъ), отвергаетъ скипетръ, 5.
- Ирина Феодоровна — Irena Fedrova, супруга Царя Феодора, 3. Убѣждаетъ его вручить скипетръ Борису, 5. Содѣйствуетъ брату возойти на престолю, 7. Убѣждаетъ его принять корону, 10.
- Иерусалимъ — церковь, въ Москвѣ, 54.
- Іоаннъ Васильевичъ — Iwan Wasilowitz, смерть его, 1.
- Іоаннъ Герцогъ Дашскій — Hertzog Hansz, женихъ Борисовой дочери, 18. Кончина его и погребеніе, 18. 87.
- Иосифовъ монастырь — Osipow Kloster, (Москов. Губерніи, на рѣкѣ Сѣвѣ, въ 30 верст. отъ Волоколамска). 165. 170.
- Іосифъ Флавій, Еврейскій Историкъ, 58.
- Казакъ — Cosaken, помогаютъ Димитрію I, 36. Защищаютъ Кромъ, 51. 72. Приходятъ въ Пушкель, 111. Поддерживаютъ Царевича Пестра, 118. Изменяютъ Шуйскому, 152.
- Казановская — Kasanowka, Гомейстерина Марини, 72.
- Калуга — Soluga, 114. Осаждается Болотникову, 118. Осаждена Шуйскимъ, 152. Присылается Димитрію II, 153. Передается ему, 160.
- КАЛУЖСКІЕ ВОРОТА — Gaulische Pforten, 100.
- Каминша — Saminschi, (вѣроятно рѣчка Каменка, близъ Болхова), 136.
- Канельсенъ — Canelsen, 142.
- Каргополь — Kerkenpoll, 130.
- Карлъ — Carl, Герцогъ Шведскій, покоряетъ Ливонію, 19. Предлагаетъ помощь Шуйскому, 119.
- Касимовскій Ханъ — Fürst Cachimofsky, умоляетъ Димитріемъ II, 187.
- Катырька — Caterow, товарищъ Мстиславскаго, 50.
- Кашинъ Григорій — Gregorius Caschnez, спутникъ Димитрія II, 125.
- Керносичскій — Cornesetzki, осаждаетъ Новгородъ, 153. Посланъ въ Астрахань Димитріемъ II, 187.
- Керхрингъ — Kerchring, Ратсгеръ Любскій, 28.
- Кипшма — Kinischma, (Костромск. Губери.), 152.
- Кирилловъ монастырь — Styrole monastir, (въ Москвѣ) 209.
- Киришбургъ — Kirienburg (въ

- Лявлянде. Губ.), 19. Кланшам Pforten am Kulichka
 Китай городъ—Kitai-Gorod, 87. 100. 206.
 206.
 Клушино — Clusin (Смоленс. Лавилла—Lavilla, 170.
 Губери. недалеко отъ Царе-Лавскій мостъ — Lawen brüg-
 ва Займица), сраженіе съ кен, 205.
 Жолтѣвскимъ, 169. Ламсдорфъ — Bartold Lamb-
 Кнута — Knutsen, Капитанъ dorff, измѣняетъ Шуйскому,
 гвардіи Димитрія I, 66. 135.
 Козельскъ—Caseltzki. (Калужск. Ляпландцы—Lappen, 101.
 Губери.), 126. 161. 171. 172. Лавъ—Löve Neostadiensis, по-
 173. 181. гребаетъ Густава Шведска-
 Кокенгаузенъ — Kokenhausen, го, 14.
 (Лявлянде. Губери. на Дан-Левонтій Св. Гробъ его въ Рос-
 сѣ), 19. совъ, 144.
 Коломенскій монастырь—Klos-Ливонія—Lieflandt, покорена
 ter Columnitza, (въ Серпу- Шведами, 19. Разорена Рус-
 ховскомъ уездѣ), 186. скими, 210.
 Коломна—Columnitza, 114. Ливонцы — Lieflander, нахо-
 Колязинъ монастырь—Kolesma- дящъ убежище въ Россіи, 18
 (Тверской Губ. на рѣкѣ Вол- —28,
 гѣ), 154. Лисовскій — Lissosfsky, прихо-
 Комаринская волость — Coma- дитъ къ Димитрію II 133.
 rische Volgast (Орловс. Губ. Разоряетъ Русскіе города,
 въ Савск. уездѣ), присягаетъ 146. Осада Ярославля, 151.
 Димитрію, 49. 114. Зимовка въ Суздаль, 155. При-
 Коморникъ—Kotornik(Камеръ- няетъ Псковнплами, 156. Уш-
 юнкеръ), 163. 164. 177. верждается въ Красномъ, 156.
 Копыновцы (Hartschier), 66. Лихвинъ—Lichvin, (Калужской
 Корела—Carela, Атаманъ Ка- Губери.), 127.
 зацкій, 50. Ловновъ мѣсто — Leub Namest,
 Кострома — Castrom, 98. 145. (на Красной площ.) 54. 84.
 150. 142. 182.
 Котлы — Kottoal (подъ Моск- Логатъ—Logau, посолъ Импера-
 вою), 114. торскій, 41.
 Кошкель — Cosselau, шутъ Дн- Любекъ—Lübeck, присылаетъ
 митрія II, 158. Неразлучный послать къ Борису, 18.
 спутникъ его, 189. Ляпуновъ Захарій—Lippenow,
 Красное село—Crasna sela (подъ свергаетъ Шуйскаго съ пре-
 Москвою, на рѣкѣ Яузѣ), при- сполоа, 182.
 слагаетъ Димитрію II, 53. Ляпуновъ Проконій—Lipnow,
 Красный — Krasna, (село въ Бѣлый Царь, 150. Осаждаетъ
 Псковской Губерніи), 156. Поляковъ въ Москвѣ, 211.
 Кромь — Crom (Орлов. Губери.), Максимиліанъ—Maximilian, 192.
 49. Осаждены Борисовымъ Мамелюки—Mameluken, 88.
 войскомъ, 50. Манчинъ—Mancini, 157.
 Крузатти — Don Juan Crusatti, Маржеретъ—Jacobus Margeret,
 Воевода Димитрія II, 143. герой Добрынской битвы, 48.
 Ксения Борисовна — Axinia Bo- Капитанъ Димитріевой гар-
 rissowa, невеста Густава діи, 66. Разрушаетъ Москву,
 Шведскаго, 14, и Іоанна Дат- 205. Войское искусство его,
 скаго, 18. Наложница Димит- 207.
 рія I, 38. Плачь сѣ, 113. Магива Юрьевна—Marina Jor-

гона; обручение ея съ Димитріемъ I, 65. Свиданіе съ нимъ въ Можайскѣ, 71. Възѣздъ въ Москву, 71—72. Коронованіе, 76. Свадьба, 76. Опасность ея во время убійствъ Димитрія, 82. Отдастъ Болрамъ всѣ свои вещи, 92. Заключение ея, 98. Раскаяніе ея, 102. Перевезена въ Москву, 139. Жена Димитрія II, 140. 153. Удаляется въ Дмитровскъ, 161. Бѣгство ея въ Калугу, 164. Ходатайствуетъ за Нѣмцевъ, 175. Сынъ ея, 191.

Маріенбургъ—Marienburg, 19.

Мартинъ Гансъ—Martins Gans, 157.

Мартинъ день—Martiny, 46. 114. 156. 191.

Масальскій—Mosalsky, 141.

Мейеръ—Ludwig Meuer, 157.

Миронъ—Mironitsch (взрѣло вышедшее село Вороночъ на рѣкѣ Великой, Псковской Губерніи), 156.

Михайло Никитичъ—Michael Mikitewitz (Романовъ), отвергаетъ скипетръ, 5.

Можайскъ—Mosaikow, 70. 71. 163. 208.

Мойтценъ—Moitzen, 173. 178.

Молога—Mologa, 151.

Молчановъ—Molcanow, свергаетъ Шуйскаго съ престола, 182.

Москва—Muszkow, укрѣплена Борисомъ, 29. Голодъ, 37—39. Окружность ея, 38. Знаменія предъ началомъ войны съ Димитріемъ, 43—44. Возстаніе Самозванца, 79. Число церквей, 79. Число жителей, 95. Перенесеніе мощей Св. Димитрія, 108—109. Осаждена Пашковомъ, 114; Болотниковымъ, 116; Димитріемъ II, 138; Жолтвскимъ, 170, 181. Ропотъ на Шуйскаго, 182. Сверженіе его съ престола, 183. Избраніе Владислава Царемъ, 183—184. Перемиріе съ Жолтвскимъ, 184. Присага Владиславу, 185. Москва въ рукахъ Поляковъ, 186. Грамоты ея въ окрестные города, 194. Жалобы Гонимскому, 195. Ссоры съ Поляками, 195—197. Мясжежъ, 199. Ссора съ Гонимскимъ, 200. Возстаніе на Поляковъ, 204—208. Разрушеніе Москвы, 207—209. Непосовство Поляковъ, 211. Москвитяне избираютъ Годунову, 55. Повинная Грамота къ Димитрію, 57. Встрѣча Самозванца. 59. Негодованіе на бракъ его съ Мариною, 65. 66. Неповиность къ Полякамъ, 73. Вскообщее негодованіе, 77. Бѣгутъ Поляковъ, 86—91. Жестокосердіе Москвитянъ, 89. Самохвальство, 91. Неповиность ко всему иноземному. 105. Злоба на Поляковъ, 151. Пороки Москвитянъ, 208.

Мстиславскій—Mstislovski, главный вождь Борисова войска, 46. Битва съ Димитріемъ I, 47. Осаждаетъ Кромъ, 50. Отозванъ въ Москву, 52. Рать Маринъ, 71.

Маховецкій—Mechawetzki, спутникъ Димитрія II, 11. 124. Главный Воевода его, 154. Прогнанъ Рожинскимъ, 154.

Нарва Русская—Russische Narwa (Иваньгородъ), 40.

Нарва Шведская, 156.

Неглинна—Neglinna, 4.

Нейгаузенъ—Neuhausen, 19.

Никитенка—Mikitzky, 73.

Никитичъ—Mikitiwitz, (Романовъ), отвергаютъ скипетръ, 4. Замышляютъ на Бориса, 30.

Никитская улица—Mikitzky Strasse, 205.

Николай Св.—der Gott Nicolaus, 105, 142.

Новгородъ—Neugarten, 22.

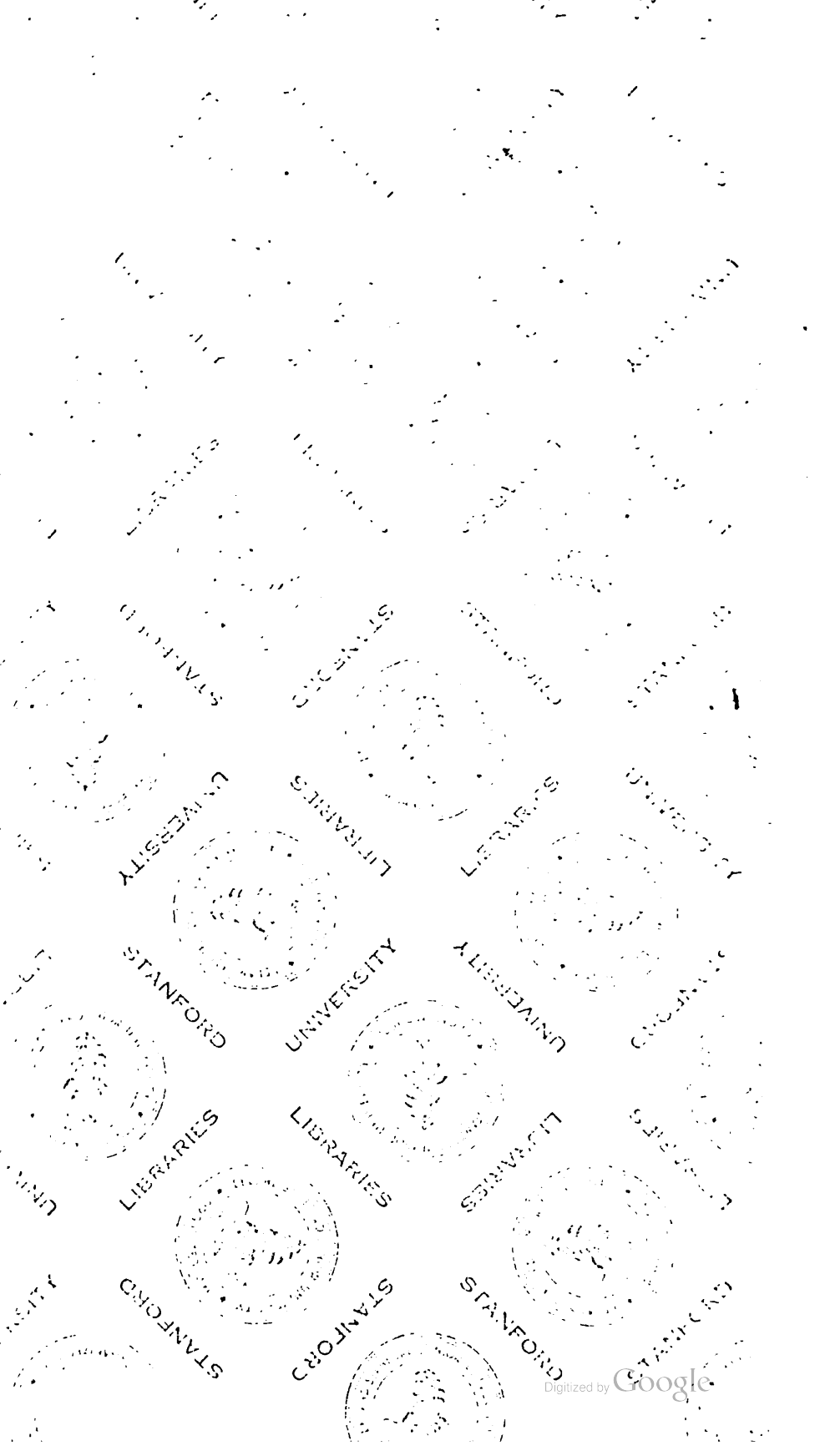
Новгородъ Сѣвскій—Siwersche Newgarden, (Черниговъ Губерн.) осажденъ Димитріемъ, 46. 98, и Поляками, 153.

- Намцы: милость Бориса, 12. 24. До. Мужество при Добрыничах, 48. Вѣрность Годуновымъ, 53. Челобитная Димитрію I, 60. Тѣлохранилище его, 65. Благоволеніе Пяцкевъ—Pleschkow, 162. Самозванца, 67. Коварство Поволжскъ—Powolsky, 152. Намцевъ, 69. Басмановъ покровитель нѣхъ, 81. Вѣрность Шуйскому, 136. Намцы подъ Смоленскомъ, 148. Гнѣвъ Димитрія II, 160. 161. Измѣна нѣхъ подъ Клушинымъ, 169. Истребленіе нѣхъ Димитріемъ II, 172.
- Орелъ—Argol, 114. Осада его Димитріемъ II, 134.
- Отрепьевъ Гришка — Griska Utgercia, Монахъ, 31. Удаляется изъ Россіи и руководствуется Самозванца, 31. Побуждаетъ его къ походу въ Россію, 45.
- Паннибраты — Pannibratschen (ш. с. Ranie Bracie, любимая поговорка Поляковъ того времени), 145. Грабятъ Россію, 151. 157.
- Пани-Нотницкій—Pannotnizki, Капитанъ Лжедимитріевой гвардіи, 66.
- Парфутьевъ монастырь — Parfuti monastir (ниже Боровска, на Протвѣ), 182.
- Пашковъ—Jsthoma Bascho, назначенъ Димитріемъ II въ Путивль Воеводою, 111. Подступаетъ къ Москвѣ, 112. Ссора съ Болошниковымъ, 116.
- Пельна—Poelna (върѣшнѣе названіе село Пельна, между Ельцомъ и Ефремовымъ), 189.
- Перемышль—Peremischel (Калужской Губерніи), 160.
- Перяславль—Periszlau, (Владимірской Губерніи), присоединяетъ Димитрію II, 144.
- Петръ Ѳеодоровичъ—Peter Fedrowitz, дѣлается въ Путивль и въ Туль, 119. Помогаетъ Калугѣ, 121. Осажденъ въ Туль, 123. Сдается Шуйскому, 129.
- Показаніе, 130. Борово мѣстѣ о немъ, 130.
- Печорскій монастырь — Petchschoga (нынѣ г. Печоры, Псков. Губерн.), 19.
- Пляцкевъ—Pleschkow, 162.
- Поволжскъ—Powolsky, 152.
- Поганый—Pogani, 65.
- Погорелокъ—Pogarela, (древній городъ, вывѣ село въ Тверск. Губерн.) 170.
- Покровка—Pokrofska, 206.
- Поляки—Polen, прѣзжаютъ съ Маринкою, 72. Безпечность нѣхъ, 75. Наглые поступки, 76. Бѣдствіе нѣхъ въ Москвѣ, 87—92. Число убитыхъ, 88. Заключение нѣхъ, 98. Распускаютъ молву о спасеніи Димитрія, 101. Даютъ Россіи Царей-Самозванцевъ, 104. Подступаютъ къ Москвѣ съ Димитріемъ II, 139. Грабятъ Ростовъ, 144. Своевольство нѣхъ, 151. Злоба на нѣхъ Димитрія II, 160. Переговоры съ Сигизмундомъ, 166—167. Преданность Димитрію II, 167. Вступленіе въ Москаву, 186. Опустошаютъ Россію, 210. Непослушны нѣхъ въ Москвѣ, 211.
- Псегазиръ—Psegasir, 192.
- Псковъ—Pskof, 22. Принимаешь Лисовскаго, 156.
- Путивль—Putiwol, (Курской Губерн.), осажденъ Димитріемъ I, 45. Пограничная крѣпость 49. Прибытіе Князя Шаховскаго, 109. Преданность Димитрію, 111. Пораженіе Москвитянъ, 112. Прибытіе Болошникова, 115, и Петра Ѳеодоровича, 119. Явленіе Димитрія II, 125.
- Пуцна — Pulna (недалеко отъ Калуги), 122.
- Разецкій—Resezky, 182.
- Рейтлингеръ—Reutlinger, врачъ Бориса Годунова, 15.
- Рожинскій—Roman Ruzinsky, помогаетъ Димитрію II, 134.

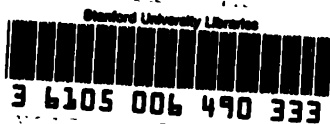
- Осаждаетъ Болховъ, 134. Битва при ономъ 136. Злоба на Нампсъ, 137. Переговоры его съ Сигизмундомъ, 158.
- Розенъ—von Rosen, участвуетъ въ Добрынской битвѣ, 48.
- Романовъ—Romanow, (городъ бывший на Волгѣ, недалеко отъ Ярославля) 151.
- Ростовъ—Rostow, 98. 139. Разоренъ Поляками, 144.
- Рудольфъ—Императоръ Римскій, союзникъ Бориса Годунова, 17.
- Рывинскъ—Riebna, 151.
- Рылъскъ—Rilszki (Курск. Губ.), убижище Димитрія I, 49.
- Рындинъ—Rindin, 171.
- Салтыковъ—Soltikow, 165, 202.
- Самовъ—Samow (въролтно село Самово, въ Орлов. Губер. на рѣкѣ Навлѣ), 127. Зимовка Димитрія II, 128, 133.
- Савьга Лео—Leo Sappia, великій Канцлеръ, 50.
- Савьга Янъ—Johann Peter Paulowitz Sappia, признаетъ Димитрія сыномъ Баторія, 104.
- Соединяется съ Димитріемъ II, 138. Осаждаетъ Троицкій монастырь, 143. Разбитъ Скопичемъ при Колзвинѣ монастырѣ, 155. 161. Удаляется къ Сигизмунду, 165. Помогаетъ Полякамъ въ Москвѣ, 212.
- Сендомирскій Воевода—Woywoda von Sandomir, покровитель Димитрія I, 36. Призъ въ Москву, 71. Опасность его, 86. Переговоры съ Болари, 93—98. Спасенъ Шуйскимъ отъ смерти, 107. Друзья его находятъ Димитрія II, 124. Перевезенъ изъ Ярославля въ Москву, 139. Договоръ съ Димитріемъ II, 140.
- Сергій Св. Чудотворецъ—der Gott Sergius, 131.
- Серпуховскіе ворота—Buldunische (?) Pforten, 100.
- Серпуховъ—Zirpach, смотрѣ войска, 11. Молва о спасеніи Димитрія I, 109. Сраженіе Шуйскаго съ Болошниковымъ, 122.
- Сасвегенъ—Sesvegen (Лифлянд. Губерн.), 19.
- Сиверь—Siberien, мѣсто ссылки Бѣльскаго 30, и Фидлера, 121.
- Сигизмундъ III, Король Польскій—Sigismundus, присутствуетъ при обрученіи Марины съ посломъ Димитрія I, 65. Письмо его къ Шуйскому, 107. Осада Смоленска, 148. Злоба на Шуйскаго, 150. Избраніе сына его Царемъ, 184.
- Скопинъ Князь Михаилъ—Michael Scopin, идентъ на Димитрія II, 138. Разбитъ имъ, 139. Посланъ въ Швецію, 142. Приводитъ ополченіе войска, 150. Разбиваетъ Керносидкаго, Зборовскаго и Сапугу, 154—155. Прибытіе въ Александровскую слободу, 156. Освобождаетъ Троицкій монастырь отъ Поляковъ, 157. Прогоняетъ Сапугу, 165. Оштрафленъ Шуйскимъ, 167.
- Скотницкій—Skotnitzky, 163. Упомянутъ въ Ожѣ, 164. 176.
- Соколъ—Sloba, родина Димитрія II, 124.
- Смоленскъ—Schmolenschow, укрѣпленъ Борисомъ, 29. Прибытіе Марины 70. Осада его Сигизмундомъ, 148—149.
- Срътенка—Sretenska, 205.
- Стародубъ—Starodub (Чернигов. Губерн.), явленіе Димитрія II, 125. Преданность ему, 126.
- Стефанъ Баторій—Stephanus Bathoreus, 32. Отецъ Димитрія I, 104.
- Струсъ—Polkownick Pan Strus, помогаетъ въ Москвѣ Полякамъ, 208.
- Стрѣльцы Strelzi и Schützen, (въролтно Сръвинскіе), 196.

- заговоръ противъ Димитрія I, 68. Защита его, 83.
 Суздаль—Suzdal, 151.
 Слѣдствіе Турецкій — Türkisch Keyser: присылаетъ къ Борису посла, 17. Подарокъ ему, 18. Письмо къ Сигизмунду, 192.
 Сѣверская страна—Siversk, (Чернигов. и Орлов. Губерн., 125.
 Тайнинское село—Daninsky и Daninsky, 64. Лагерь Димитрія II, 138.
 Татары — Tartar, опустошаютъ Россію, 150. Убиваютъ Димитрія II, 188.
 Татищевъ—Tatissow, убиваетъ Басманова, 80.
 Тверь—Ottfer, 22. 154.
 Тизенгаузенъ—Tisenhausen, 24.
 Тирольскій — Johann Tierfeld, письмо его о Димитріи, 36.
 Tischewitz, 133.
 Третьяковъ—Trediak, 171.
 Троицкій монастырь—Kloster Troitz, 61. Погребеніе Бориса, 113. Богомолъ Шуйскаго, 131. Осажденъ Сапѣгою, 143.
 Трубацъ—Trubaz, 22.
 Трубацкій,—Trubetzkoу, 171.
 Тула—Tula, принимаетъ Петра Оеодоровича, 119. Заполнена Шуйскими, 123. Крайность ея, 128. Предпріятіе Монаха чародѣя, 128. Сдается Шуйскому, 129.
 Тушино—Duschna (село въ 12 верстахъ отъ Москвы по Волоколамской дорогѣ), лагерь Димитрія II, 139. Пріездъ Марины, 40. Описаніе Тушинскаго спана, 147. Бѣгство Димитрія II, 159. Оустііе Тушина, 165.
 Угличъ—Uglitz (Ярослав. Губ.), мѣстопробываніе Царевича Димитрія, 14 и Гуснава Принца Шведскаго, 151.
 Ура—Urra, 123. 124. 128. 165.
 Фидлеръ Каспаръ—Caspar Fidler, врачъ Бориса Годунова, 15.
 Фридрихъ—Friderich Fidler, предлагаетъ Шуйскому отправить Болошника, 120. Клятва его, 121.
 Филаретъ Никитичъ, см. Оеодоръ Никитичъ.
 Фюрстенбергъ—Fürstenberg, 84.
 Фитингофъ—Otto Phitinhof 19.
 Хкберъ—Berndt Hoepfer, 103.
 Ходковичъ—Chedkewicz, помогаетъ Полякамъ въ Москвѣ, 212.
 Царево-Займище—Zarewo Zaimitz 70. 168. 170.
 Царевъ городъ—Zaargorodt 29.
 Цертоли—Tscertori, 67. 83. 206.
 Шаховскій—Gregorius Schaphsky, разглашаетъ о Димитріи, 109. Переписывался съ нимъ, 117, в съ Петромъ Оеодоровичемъ, 118. Милость Шуйскаго, 130. Передается Димитрію II, 131.
 Шварцгофъ—Schwarzhof, 80.
 Шерупецъ—Scherupzow, 155.
 Шмидтъ—Iochim Schmidt, Воевода Ярославскій, 146. Бѣдствие его, 152.
 Шнейдеръ—Hans Schneider, 142.
 Шотуцкій—Schotutzky, 132.
 Шредеръ—Schroeder, врачъ Бориса Годунова, 15.
 Шубникъ—Schubnik, 112.
 Шуйскіе—Schuiski, 65.
 Шуйскій Василій Ивановичъ—Basilius Ivanowitz Schuisky, осужденъ на смерть Димитріемъ I, 68. Новый заговоръ, 74. Глава недовольныхъ, 85. Укрощаетъ чернь, 88. Возведенъ на престолъ, 106. Переписка съ Сигизмундомъ, 107. Глѣвъ на врачей иноземныхъ, 108. Переноситъ мощи Св. Димитрія, 109. Война съ Димитріемъ II, 111. Перенесеніе тѣла Бориса Годунова, 112. Поражаетъ Болошника, 117. Отвергаетъ предложеніе Карла IX, 119. Осада Тулы и по-

кореніе оной 123. 129 — 130. Ярославль—Iaroslavl, 139. При-
 Путешествіе въ Троицкій монастырь, 131. Пораженъ Разоренъ Лисовскимъ, 152.
 подъ Болховымъ, 137. Осаж- Олодоръ Борисовичъ — Fedro
 деиъ въ Москвѣ Димитріемъ II, 139 Чародѣйствуетъ, 141. вступаетъ на
 Проситъ помощи у Шадовъ, 142. Предлагаетъ престолъ, 52. Измѣна Вое-
 Сигизмунду, 149. Отрава Ско- водъ подъ Кромами, 53 Све-
 пина, 167. Изложене сѣ пре- деиъ съ престола, 56. Удав-
 естола, 183 Сосланъ въ Польшу, 191. Описанъ его Турец- лень въ темницѣ, 58. Перене-
 кому послу, 192. сение тѣла его, 113.
 Шуйскій Иванъ Ивановичъ, 143. Олодоръ Іоанновичъ — Fedro
 Шучинскій—S hutchinsky 146. Iwanovitz; характеръ его, 2.
 Эбертъ—Ebert, 170. Доверенность Борису, 2. Казнь
 Эйловъ—Daniel Eylow, 145. 152. Олодоръ Никитичъ—Fedro Mi- Углича, 4. Предлагаетъ ски-
 Эларъ—Oelar, 19. kitiwitz, (Романовъ), отвер- петръ Романовымъ, 5. Кон-
 Энгеландъ—Engeland, 176. гаетъ скипетръ, 5. Возведенъ чина его, 6.
 Юшковъ—Iuchkow, 171. въ санъ Патриарха, 144.

7115V

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(415) 723-1493

All books may be recalled after 7 days

DATE DUE

APR 1 2000

4 2000

